

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 1 (13)
2026**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, канд. полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Гузаеров Р.И. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андропова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ
Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ
Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ
Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ
Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ
Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ
Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь
Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ
Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ
Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ
Сафрастьян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения
Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан
Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.00
ISSN 2949-2408

© ИНИОН РАН, 2026

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 1 (13)
2026**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Razil I. Guzaerov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic
Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation
Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus
Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation
Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan
Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФЦ 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

СОДЕРЖАНИЕ

Феофанов К.А. Восточная специфика «синтетической общественности» (на примере стран Ближнего Востока и Центральной Азии)	7
Андрианова Р.А. Риски мигрантских анклавов: социально-психологическая депривация инокультурных обучающихся	25
Архипова Е.В., Крючков К.М., Кириллова А.Д. TRIPP как стратегический вызов России: новая конфигурация транспортных коридоров и баланса сил в Закавказье	46
Блудова С.Н., Другашова Д.Д. ЕАЭС и ШОС как альтернативные модели экономической интеграции в многополярном мире: потенциал развития в условиях санкционных ограничений	71
Недосекова Е.С., Самойлова Ю.С. Три опоры многополярности: экономика, безопасность и сотрудничество в Евразии	82
Ниязова Г.Ю., Войцеховская А.В. «Публичная дипломатия 2.0»: как НКО становятся ее лицом	94
Мамедов А.Э. Институциональный сдвиг 2017 года: конституционная реформа как оформление «Четвертой республики» в Турции	106
Безродная В.С. Афганские диаспоры: кластер конфликтующих конфигураций	120

CONTENT

<i>Feofanov K.A.</i> Eastern Specifics of “Synthetic Publics”: Case of Middle East and Central Asia	7
<i>Andrianova R.A.</i> Risks of Migrant Enclaves: Socio-Psychological Deprivation of Foreign Schoolchildren and Students	25
<i>Arkhipova E.V., Kryuchkov K.M., Kirillova A.D.</i> TRIPP Corridor: Strategic Challenge to Russia and Eurasian Integration	46
<i>Bludova S.N., Drugashova D.D.</i> EAEU and SCO as Alternative Models of Economic Integration in Multipolar World: Development Potential Under Conditions of Sanction Restrictions	71
<i>Nedosekova E.S., Samoylova Yu. S.</i> Three Pillars of Multipolarity: Economics, Security and Cooperation in Eurasia	82
<i>Niyazova G. Yu., Voytsekhovskaya A.V.</i> “Public Diplomacy 2.0”: How NGOs Become Its Face	94
<i>Mamedov A.E.</i> Institutional Shift of 2017: Constitutional Reform as Establishment of “Fourth Republic” in Turkey	106
<i>Bezrodnaia V.S.</i> Afghan Diasporas: Cluster of Conflicting Configurations	120

ВОСТОЧНАЯ СПЕЦИФИКА «СИНТЕТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ» (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-код: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Для цитирования: *Феофанов К.А.* Восточная специфика «синтетической общественности» (на примере стран Ближнего Востока и Центральной Азии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 7–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.01.

Аннотация. В статье исследуется феномен «синтетической общественности» в специфическом социокультурном и политическом контексте стран Ближнего Востока и Центральной Азии. Анализируются процессы трансформации публичной сферы под влиянием цифровизации и искусственно создаваемых дискурсов, которые в восточных обществах приобретают уникальные гибридные формы. Ключевые области анализа включают механизмы цифровой симуляции общественного мнения, делиберативные теории как дискурсивную основу понимания «синтетической общественности» и их ограниченность в условиях восточной цивилизационной специфики, анализ феномена «синтетической общественности», специфику восточных дипфейков и ИИ-пропаганды, эмпирические особенности использования социальных медиа для управления общественными настроениями в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, что позволяет выявить устойчивые паттерны взаимодействия власти и цифрового общества в данных регионах. В отличие от западных моделей, где «синтетическая общественность» зачастую является продуктом децентрализованных алгоритмов, в рассматриваемых регионах она тесно переплетена с традиционными иерархическими структурами, клановыми связями и государственным патернализмом. В статье показано, как инструменты цифровой манипуляции (астротурфинг, бот-сети, дипфейки, генеративные текстовые модели, микротаргетинг, алгоритмическая цензура, государственные супераппы и суверенная инфраструктура) адаптируются к локальной цивилизационной специфике, создавая иллюзию массовой

поддержки или протеста. Делается вывод, что «синтетическая общественность» в странах Ближнего Востока и Центральной Азии является не только инструментом политического контроля, но и механизмом конструирования новой коллективной идентичности в условиях цифровой алгоритмизации общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: синтетическая общественность, генеративный искусственный интеллект, политический дискурс, большие языковые модели (LLM), дилиберативные теории, цифровой авторитаризм, манипуляция общественным мнением, цивилизационная специфика, Ближний Восток, Центральная Азия.

Eastern Specifics of “Synthetic Publics”: Case of Middle East and Central Asia

Konstantin A. FEOFANOV

DSc in Political Science, Professor, Leading Researcher
of the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-code: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

For citation: Feofanov K.A. (2026). Eastern Specifics of “Synthetic Publics”: Case of Middle East and Central Asia. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 7–24. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.01.

Abstract. The article examines the phenomenon of “synthetic publics” in the specific sociocultural and political context of the Middle East and Central Asia. It analyzes the transformation of the public sphere under the influence of digitalization and artificially created discourses, which in Eastern societies are acquiring unique hybrid forms. Key areas of analysis include the mechanisms of digital simulation of public opinion, deliberative theories as a discursive basis for understanding “synthetic publics” and their limitations in the context of Eastern civilizational specifics, an analysis of the phenomenon of “synthetic publics”, the specifics of Eastern “deepfakes” and AI propaganda, and empirical features of the use of social media to manage public sentiment in the Middle East and Central Asia. This allows to identify stable patterns of interaction between government and digital society in these regions. Unlike Western models, where “synthetic publics” are often the product of commercial algorithms, in these regions they are closely intertwined with traditional hierarchical structures, clan ties, and state paternalism. The article demonstrates how digital manipulation tools (astroturfing, botnets, deepfakes, generative text models, microtargeting, algorithmic censorship, state super-apps, and sovereign infrastructure) adapt to local civilizational specifics, creating the illusion of mass support or protest. It concludes that “synthetic publics” in the Middle East and Central Asia are not only a tool of political control but also a mechanism for constructing new collective identities in the context of the digital algorithmization of sociocultural and political discourse.

Keywords: synthetic publics, generative artificial intelligence, political discourse, large language models (LLM), deliberative theories, digital authoritarianism, manipulation of public opinion, civilizational specificity, Middle East, Central Asia.

Введение

В условиях стремительной алгоритмизации публичной сферы и глубокой трансформации медиакommunikаций традиционные механизмы формирования общественного мнения претерпевают качественные изменения. В современной социально-политической реальности на смену органическим формам гражданского участия все чаще приходит феномен «синтетической общественности» (*synthetic publics*). Если раньше поиск посредством Искусственного интеллекта (ИИ) (Google, Microsoft Bing, Yahoo! и др.) работал как библиотекарь – выдавал список источников, предоставляя возможность самостоятельно анализировать их, спорить с ними и делать выводы, то теперь стало возможно использовать дискурсивные ИИ-инструменты (ChatGPT, Perplexity, Google AI Overviews и др.), которые сами синтезируют ответ, предлагая «готовое мнение» или резюме дискуссии. Они перестают быть посредниками и становятся авторитетными «арбитрами фактов». Эволюционируя от ручного управления простыми чат-ботами к сложным мультиагентным LLM-системам (*large language models, LLM*), способным имитировать человеческое поведение и убеждать, ИИ обретает выраженные характеристики субъектности и синтетической публичности. В политическом и социальном пространстве ИИ начинает участвовать в дискуссиях не как инструмент, а как равноправный, нередко неотличимый от человека, участник общения. Это позволяет моделировать общественное мнение без участия самих людей, формируя «синтетическую общественность» – искусственно созданные и технологически опосредованные сетевые структуры, которые имитируют коллективные настроения и волю, используя инструменты алгоритмической пропаганды, ботсети и генеративный искусственный интеллект.

Несмотря на глобальный характер цифровизации, механизмы функционирования «синтетической общественности» демонстрируют выраженную региональную вариативность. Особый исследовательский интерес в этом контексте представляют страны Ближнего Востока и Центральной Азии. В данных регионах технологические инновации накладываются на уникальный социокультурный ландшафт, характеризующийся высокой значимостью традиционных иерархий, клановых связей и специфических авторитарных моделей государственного патернализма.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления западных концепций цифровой публичности применительно к восточным обществам. В то время как в западном дискурсе «синтетическая общественность» зачастую рассматривается через призму децентрализованных алгоритмов манипуляции или кризиса либеральной

демократии, на Востоке она становится инструментом легитимации власти и конструирования новой национальной идентичности. Цифровой дискурс на Ближнем Востоке и в Центральной Азии обусловлен цивилизационной спецификой недемократических и транзитных режимов. В условиях жесткой цензуры цифровая среда остается единственной площадкой для дискуссий, что делает ее уязвимой для масштабных симуляций мнений с помощью ИИ-контента. В статье исследуются специфические политические процессы, возникающие в данных регионах под влиянием ИИ-технологий.

В статье предпринимается попытка проанализировать, как современные инструменты цифровой манипуляции (от астротурфинга до дипфейков) адаптируются к локальным культурным кодам и как «цифровая реальность» взаимодействует с традиционными институтами в этих регионах. Обосновывается тезис о том, что восточная «синтетическая общественность» является не просто искажением публичной сферы, а продуктом гибридизации высоких технологий и устойчивых культурных паттернов.

Механизмы цифровой симуляции общественного мнения

Симуляция общественного мнения – это сложный комплекс технологических и психологических методов, направленных на создание иллюзии массовой поддержки или протеста. Для достижения политических и экономических целей акторы цифрового дискурса намеренно распространяют контент различной природы: от материалов, созданных человеком, до синтетических данных, генерируемых нейросетями и социальными ботами. Манипуляция восприятием аудитории достигается как за счет специфики самого контента, так и путем программного воздействия на алгоритмы цифровых платформ¹. Распространение искаженной информации осуществляется политически активными силами, имеющими для этого необходимые намерения и ресурсы. Эти акторы (инициаторы и адресанты) общественно-политического дискурса реализуют массированное воздействие на аудиторию, используя выгодные им нарративы. Ключевым инструментом такого влияния являются информационно-коммуникационные симуляции, направленные на искусственное создание видимости «низовой» общественной инициативы. Так, в случае астротурфинга (*astroturfing*) нанятые исполнители или автоматизированные системы публикуют отзывы, посты, лайки и комментарии, имитируя искреннюю поддержку идеи обычными гражданами. В самом этом термине противопоставляются искусственное и натуральное в общественной жизни. Если настоящие народные движения называют *grassroots*, то астротурфинг представляет собой имитацию таких движений, т.е. «искусственную траву», название происходит от бренда *AstroTurf* – синтетического по-

¹ García-Marzá D., Calvo P. Algorithmic democracy: A critical perspective based on deliberative democracy. – Cham: Springer International Publishing. – 2024. – P. 12–14.

крытия, имитирующего травяной газон. В числе технических средств могут быть использованы цифровая визуальная обработка героев и анти-героев, компьютерная обработка фото- и видеоизображений для создания «идеальной» внешности в соцсетях, которая физически недостижима, но воспринимается еще лучше, эмоционально более окрашенно и ярко, чем могла бы восприниматься реальная (*persona simulation*). Для пропагандистской визуализации ложных событий используется сверхреалистичная графика. Гипертрофированная детализация, акцент на деталях, которые в жизни не замечаются, делает объект «реальнее реального». Дипфейки изначально нацелены на преднамеренное создание образов людей, которые говорят или делают то, чего не было в действительности².

Для доминирования в цифровой среде активно используются подставные аккаунты, «армии троллей» и бот-фермы. Интеграция с инструментами генеративного ИИ позволяет им вести связные диалоги и оперативно адаптироваться к контексту дискуссии. С целью фальсификации общественной поддержки применяются механизмы накрутки рейтингов и манипуляции результатами онлайн-голосований. Особое место занимают симуляции на базе больших языковых моделей (LLM), способные с высокой точностью имитировать речевые стратегии и поведенческие установки различных демографических групп. Нейросети позволяют генерировать распределения мнений, имитирующие репрезентативные результаты социологических исследований. Применение агентного моделирования (*ABM – Agent-Based Modeling*) дает возможность не только предсказывать, но и целенаправленно корректировать динамику дискуссий в социальных сетях через взаимодействие тысяч виртуальных субъектов. Технологии «оптимизации для поисковых систем», «черного SEO» (*Search Engine Optimization, SEO*) и перенасыщение среды сгенерированным ИИ-контентом («цифровым шумом») эффективно вытесняют органические мнения, формируя заданный информационный фон. Параллельно задействуются фундаментальные социально-психологические механизмы. Эффект «спирали молчания» и создание искусственных «эхо-камер» формируют иллюзию подавляющего большинства, вынуждая оппонентов самоустраняться из коммуникации из-за страха социальной изоляции. Симуляция остракизма и «культуры отмены» позволяют дискредитировать оппонента через инсценировку массового публичного осуждения. Наконец, использование симулякров – понятий, лишенных реального содержания, – позволяет подменять подлинную общественную дискуссию ложными постами и формальными процедурами.

² Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 379–386. – DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386.

Делиберативные теории как дискурсивная основа осмысления «синтетической общественности»

Концептуальный фундамент понимания «синтетической общественности» заложен в теориях делиберативной (совещательной) демократии, имеющих западноевропейское и американское происхождение (Дж. Бессетт, Ю. Хабермас, Дж. Коэн и др.). Возникнув как результат критического анализа институтов западной демократии, данные теории фокусируются на коммуникативной и дискурсивной составляющих политического процесса. Они предлагают детальный инструментарий для изучения механизмов формирования общественного мнения, функционирования идеологии и пропаганды, а также специфики политического управления и гражданского участия в современных обществах^{3, 4}. Теория коммуникативного действия обосновывает достижение взаимопонимания через свободный от принуждения диалог. Принципы «идеальной речевой ситуации» (равенство участников, аргументированность, приоритет «силы лучшего аргумента») задают нормативную этику общественно-политического дискурса. Эвристическая ценность данных подходов заключается в выявлении универсальных закономерностей коммуникации, проявляющихся в различных цивилизационных условиях. Сравнительный политологический анализ на основе этих положений демонстрирует существенные различия в дискурсивных практиках, обусловленные западными и восточными детерминантами. Обращение к незападным контекстам обогащает существующие аналитические подходы, позволяя исследовать уникальные проявления «восточной» синтетической общественности. Использование западных дискурсивно-коммуникативных концепций не означает методологической западоцентричности, а представляет собой необходимую референцию к фундаментальным основам политических процессов, разработанным мировой наукой.

Классические западные подходы трактуют легитимность власти не как результат формального голосования, а как итог рациональной и аргументированной публичной дискуссии между равными гражданами. В этой парадигме политические решения требуют обоснования перед всеми субъектами, на которых они влияют. Однако в политической реальности стран Востока данные механизмы трансформируются под воздействием иных цивилизационных детерминант. Процедуры «свободного голосования» и рационального обмена доводами ради «общего блага» в условиях электорального авторитаризма зачастую приобретают декоративный характер. Дискурсивные процессы здесь направлены не на рота-

³ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bd. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1981. – 1165 S. – Немец. яз.

⁴ Cohen J. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / ed. by Bohman J., Rehg W. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 1997. – 447 p.

цию власти, а на ее укрепление. В данных режимах широко используются технологии имитации легитимности: выборы проводятся для демонстрации народного согласия перед внутренним и внешним миром, а управляемая конкуренция ограничивается пулом лояльных кандидатов. Сами механизмы предвыборных обсуждений превращаются в инструмент мониторинга протестных настроений и оценки эффективности региональных элит. Процедура подсчета голосов, контролируемая вертикалью власти, исключает возможность незапланированных результатов. Объявление сверхвысоких процентов в поддержку действующего лидера становится актом демонстрации силы – месседжем о непоколебимости режима и бесперспективности оппозиционной активности. Тем не менее, несмотря на радикальные отличия от западных моделей, данные процедуры сохраняют свою значимость для авторитарных режимов Ближнего Востока и Центральной Азии. Они выступают специфическим механизмом достижения элитарного консенсуса и поиска «общего блага» в рамках существующей политической иерархии, подтверждая необходимость даже минимального присутствия элементов формального дискурса.

Концептуализация «синтетической общественности»

«Синтетическая общественность» представляет собой социокультурный феномен цифровой эпохи, основанный на технологическом конструировании искаженной социальной реальности. Его ключевой характеристикой является имитация массовой поддержки, гражданской активности или доминирования определенных взглядов в публичном пространстве. Технологический базис данного феномена включает разветвленные сети ботов, алгоритмы искусственного интеллекта, а также гибридные структуры: «фермы кликов» (*click farms*), использующие низкооплачиваемый человеческий труд, и «ботофермы» (*bot farms*), применяющие автоматизированные скрипты. Эти инструменты позволяют манипулировать количественными показателями цифровой активности (просмотрами, реакциями, комментариями и репостами), создавая ложные маркеры значимости контента как для политической манипуляции, так и для рекламного мошенничества с имитацией пользовательской активности, фальсификацией цифровых метрик, генерацией фиктивного трафика и манипуляцией показателями вовлеченности.

Наиболее эффективными технологиями формирования «синтетической общественности» остаются классические методы апелляции к авторитету или большинству. В частности, манипулятивное использование результатов социологических опросов помещает реципиента в контекст «широкой поддержки» определенной идеи или политической фигуры. Ссылки на экспертное мнение создают убедительный когнитивный фрейм, который подталкивает адресата к принятию одобряемой позиции, стигматизируя альтернативные точки зрения как некомпетентные. С целью

управления общественными процессами информация намеренно искажается или конструируется «с нуля» в соответствии с интересами инициаторов дискурса. Системное распространение фальсифицированного контента через сети аффилированных аккаунтов имитирует масштабное обсуждение, создавая эффект социальной значимости нарратива. В современных условиях механизмы «цифровой отмены» позволяют в кратчайшие сроки маргинализировать оппонентов: без доказательной базы и судебных процедур субъект может быть подвергнут ostracism, лишен репутации и выведен из публичного поля. Инструментарий цифрового воздействия – от астротурфинга и «фабрик троллей» до вирусного распространения катастрофических нарративов – позволяет заказчикам добиваться политических и экономических целей за предельно короткое время. В эпоху «постправды» эти технологии заменяют собой механизмы добросовестной конкуренции, позволяя форсированно достигать результатов, которые в условиях традиционной публичной сферы требовали бы десятилетий или были бы вовсе не возможны⁵.

В настоящее время в большинстве стран мира сформировались не только принципиально новые механизмы управления общественным мнением, но и качественно иные способы производства и трансляции знания во всех сферах – от политики и науки до культуры и искусства. В условиях тотальной селекции информации, когда «удобный» контент принимается, а противоречащий установкам – игнорируется, происходит размывание когнитивных границ. Утрачивается способность различать автоматизированные алгоритмические действия и органические реакции людей, что ведет к утрате критического восприятия и отрыву от объективной реальности.

Индивиды и социальные группы оказываются в замкнутых, «усеченных» информационных пространствах – эхо-камерах, где любые объяснения упрощены, разделяются единомышленниками и не требуют фактического подтверждения. В эпоху постправды верификация данных замещается эмоциональным сопричастием, а отрыв от реальности приобретает системный характер. Процессы фрагментации информационной среды и ухода в изолированные субъективные реальности затрагивают не только массовую аудиторию, но и профессиональные экспертные сообщества: политологов, социологов, историков и психологов, что создает дополнительные риски для научной объективности.

Если в традиционной парадигме электоральная аудитория состояла из физических лиц, то в цифровой среде общественное сознание подвергается интенсивному алгоритмическому воздействию, а волеизъявление имитируется виртуальными профилями и ИИ-агентами. Прогностические модели и цифровые двойники позволяют решать исследовательские и управленческие задачи без обращения к реальным дискуссиям, что за-

⁵ Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 2 (397). – С. 44. – DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_36.

частую трактуется как способ оптимизации ресурсов. Однако использование подобных моделей, даже при корреляции с фактическими показателями, не тождественно результатам эмпирических исследований и тем более не является актом подлинной политической воли избирателей. В долгосрочной перспективе данный процесс ведет к системному кризису верификации. Возникает феномен «выгоды лжеца» (*Liar's dividend*), когда тотальное недоверие к информации становится выгодным инициаторам манипуляций. Достижение реального общественного консенсуса оказывается невозможным вследствие его искусственной сконструированности. Классические демократические институты и органическое общественное мнение замещаются «алгоритмическим шумом» (*AI slop*)⁶ – продуктами автоматизации, практически неотличимыми от реакций реальных людей. В этих условиях происходит инверсия политического участия: аристотелевский «политический человек» (*Zoon politikon*, *политическое животное*) трансформируется в «человека алгоритмического». Цифровой дискурс автономизируется от реальных общественных настроений, создавая самодостаточную, но лишенную социального субстрата реальность.

Специфика «восточных» дипфейков и ИИ-пропаганды

«Восточная» модель цифрового дискурса характеризуется синтезом высоких технологий и неопатернализма. В отличие от западной парадигмы, где цифровизация рассматривается как инструмент индивидуальной свободы, в восточном ареале она служит укреплению политической иерархии и коллективизма. Роль закрытых экосистем мессенджеров (Telegram, WhatsApp, WeChat) здесь критически высока. В отличие от западной модели, где цифровизация воспринимается как инструмент индивидуальной свободы, в восточном дискурсе она часто становится инструментом укрепления политической иерархии. Ключевыми особенностями восточной модели выступают сакрализация технологической власти – государство выступает не просто регулятором, а «хозяином» и «создателем» цифровой реальности. Успехи в области ИИ и алгоритмического управления позиционируются как свидетельство мудрости лидера, становясь современным эквивалентом «небесного мандата». Критика алгоритмов приравнивается к посягательству на основы общественного порядка. Акцент с защиты персональных данных смещен на поддержание социальной стабильности. Тотальный сбор данных и системы социального скоринга трактуются как государственная забота о безопасности и добродетели народа. Власть наделяется этическим правом «видеть все» ради сохранения морального облика общества. ИИ-системы настраиваются на фильтрацию контента, который «вносит смуту» или оскорбляет куль-

⁶ Gandini A. et al. Conceptualising the 'algorithmic public opinion': Public opinion formation in the digital age // *Dialogues on Digital Society*. – 2025. – P. 10. – DOI: 10.1177/29768640251323147.

турные устои. В этом контексте борьба с дезинформацией превращается в инструмент защиты цивилизационного кода.

В восточной политической культуре алгоритмы управления наделяются статусом «беспристрастного судьи». Государственный код позиционируется как воплощение высшей справедливости, свободное от человеческих пороков – коррупции и эмоций. Это формирует феномен техно-сакральности, где подчинение алгоритму приравнивается к выполнению этического долга. Цифровой дискурс Востока глубоко антиколониален. Создание национальных нейросетей, поисковиков и метавселенных воспринимается как акт защиты «священных границ» цивилизации от западного влияния. Правитель в этой парадигме выступает гарантом цифрового суверенитета, что легитимирует любые меры контроля над информационными потоками. Защита персональных данных граждан зачастую используется как обоснование для «секьюритизации данных» – усиления государственного надзора и вытеснения иностранных технологических платформ. Методы влияния трансформировались от массового астротурфинга («фабрик троллей») к созданию высококонтекстуальных ИИ-аватаров. Эти системы способны виртуозно мимикрировать под локальные диалекты, учитывать тонкие культурные коды и религиозные нюансы, что делает синтетическую пропаганду практически неотличимой от органичного дискурса. «Мнимое простодушие нарративов (не требующих от человека ни особых компетенций, ни даже политического опыта), не только помогает политическим заявлениям проникать в глубокие структуры сознания, но и становится важнейшим источником понимания политического маневрирования, различения политических идеологий и определения проблем»⁷.

В противовес «горизонтальной» структуре западного сегмента Интернета, восточный цифровой дискурс строго иерархичен. Взаимодействие граждан с государством в цифровой среде приобретает черты ритуала: от использования специфических этикетных форм в общении с государственными ИИ-ассистентами до публичной демонстрации лояльности в комментариях. Инструментами формирования реальности в государственном управлении выступают «Оптимизация ответов ИИ» (*GEO, Generative Engine Optimization*). Официальный дискурс бесшовно интегрируется в базу знаний нейросетей, что превращает алгоритм в «высшего арбитра истины». Ответ нейросети воспринимается не как вариант данных, а как единственно верная интерпретация реальности. Традиционный страх перед публичным позором в цифровой среде усиливает самоцензуру. Это делает оппозиционный дискурс невидимым: он вытесняется не только блокировками, но и культурным кодом, не позволяющим ставить под сомнение авторитет власти в официальном поле.

⁷ Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 22. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.01.

Специфической проблемой стран Ближнего Востока и Центральной Азии является лингвистическая зависимость от западных технологий. Большинство больших языковых моделей (LLM) обучаются на датасетах, сформированных исследовательскими центрами США и Европы (Stanford, OpenAI, Google). Это порождает ряд деструктивных эффектов. При генерации контента на арабском, казахском или узбекском языках модели нередко навязывают западные либеральные установки или упрощенные культурные конструкторы. Происходит подмена локальных смыслов синтетическими шаблонами – так называемые «культурные галлюцинации» ИИ. В культурах, где критически важен институт личного авторитета (улемов, старейшин), использование ИИ для выдачи этических наставлений или фетв подрывает структуру общественного доверия. Появление «синтетических авторитетов», действующих в интересах узких политических групп, провоцирует глубокий кризис доверия в цифровом пространстве. ИИ-технологии эволюционировали от простой дезинформации к методам тотальной дискредитации. Дипфейки используются для имитации участия активистов в непопулярных или аморальных действиях. Такие «серые» методы борьбы с оппозицией крайне эффективны: они не просто искажают повестку, а разрушают репутационный капитал оппонентов власти, вызывая у аудитории заранее спроектированную негативную реакцию. В итоге цифровой дискурс превращается в поле высокотехнологичных манипуляций, где стирается грань между подлинным гражданским участием и синтетической компрометацией.

В целом восточная модель демонстрирует, что технологический прогресс не является синонимом демократизации. Напротив, происходит трансформация классической сакрализации власти в «цифровую теологию». В этой системе контроль осуществляется не через прямое принуждение, а через неоспоримый, этически нагруженный авторитет государственного алгоритма. Цифровизация на Востоке становится инструментом консервации и укрепления традиционных институтов. Технологии ИИ здесь не освобождают индивида, а достраивают иерархию до абсолюта, где «цифровая гармония» и государственная стабильность ценятся выше информационной прозрачности.

Эмпирические особенности использования социальных медиа для управления общественными настроениями в странах Ближнего Востока

В странах Персидского залива (прежде всего в ОАЭ и Саудовской Аравии) технологии искусственного интеллекта стали фундаментом новой государственной идеологии. Здесь ИИ используется как инструмент «цифрового неопатернализма», сочетающий в себе мягкую силу технооптимизма и жесткие механизмы алгоритмического контроля. Через скоординированные нейросетевые платформы и системы управления об-

щественным мнением формируется образ массовой народной гордости за мегапроекты. Это позволяет легитимизировать масштабные реформы и представлять правящие династии как прогрессивных лидеров, ведущих нацию в «безупречное будущее». Глобальные инициативы, такие как саудовская стратегия «Видение 2030», автономный город NEOM и кластеры Qiddiya, позиционируются не просто как инфраструктурные объекты, а как физическое воплощение технологического совершенства. ИИ в этих проектах выступает гарантом беспрецедентного комфорта и экологичности, становясь символом национального превосходства. Инновации в этом дискурсе наделяются сакральным смыслом: успех ИИ-решений преподносится как прямое доказательство исключительного права монарха на управление страной. В данной модели «умный город» становится идеальной средой, где алгоритмическое управление заменяет традиционные политические институты, обеспечивая лояльность через «технологический сервис». В монархиях Залива ИИ-пропаганда эволюционировала от простых методов убеждения к созданию целостной виртуальной реальности, в которой прогресс неразрывно связан с сохранением абсолютной власти. Технологии здесь не просто улучшают жизнь, а выступают высшим критерием политической правоты.

В Объединенных Арабских Эмиратах ИИ-стратегия сфокусирована на создании позитивного имиджа страны и обеспечении внутреннего социального спокойствия. В отличие от других моделей, здесь «синтетическая общественность» действует менее агрессивно, выполняя роль генератора «позитивного шума». Проекты «умных городов» (Masdar City, Digital Dubai) интегрируют ИИ не только для достижения углеродной нейтральности, но и для мониторинга общественных настроений. Информационное пространство автоматически заполняется контентом об инновациях и «государственном счастье», что смещает фокус граждан с политической повестки на вопросы урбанистики и качества жизни. Назначение министров по делам ИИ и внедрение продвинутых чат-ботов госуслуг создают иллюзию максимальной доступности власти. В этой модели алгоритмы становятся интерфейсом взаимодействия с государством, подменяя собой традиционные бюрократические институты и снижая потребность в классических формах политического участия. Масштабные инвестиции в ИИ подаются как путь к преодолению нефтяной зависимости. Гражданам предлагается экономическое процветание и технологический комфорт в обмен на лояльность и доверие к государственным алгоритмам.

Разработка семейства открытых языковых моделей Falcon вывела ОАЭ в лидеры региона. Публикация обучающих данных и методологий позиционируется как акт прозрачности, формирующий вокруг Эмиратов сообщество исследователей. Это позволяет стране выступать не просто потребителем, а «надежным игроком» и хабом ИИ, чьи решения в области логистики и управления энергией становятся стандартом для всего Ближнего Востока. ОАЭ демонстрируют модель, где ИИ превращается в инст-

румент «превентивного управления». Вместо прямого подавления здесь используется заполнение реальности образами будущего, где технологическое совершенство и личное счастье гражданина выступают главными аргументами в пользу сохранения статус-кво⁸.

Ключевым направлением применения ИИ-технологий с восточной спецификой является подавление диссидентского дискурса и укрепление репрессивного аппарата авторитарных режимов. Алгоритмы в реальном времени анализируют соцсети, выявляя «индексы настроений» и критику власти, что позволяет пресекать протесты на стадии зарождения. Использование ИИ-ботов для трансляции проправительственных нарративов маргинализирует оппозицию и создает иллюзию всеобщей лояльности. Путем радикализации риторики искусственно формируются образы «врагов народа» и эффект «осажденной крепости». Это переключает внимание общества с социально-экономических проблем на вымышленные угрозы, оправдывая ужесточение цензуры и ограничение гражданских свобод. Сочетание «мягкого техноутопизма» с жестким цифровым надзором позволяет монархиям Залива модернизировать авторитарное управление, делая тотальный контроль эффективным, но менее заметным. Масштабы манипуляций общественным мнением с помощью ИИ на Ближнем Востоке достигли беспрецедентного уровня. Согласно экспертным оценкам, интенсивность дезинформационных кампаний возросла в 5–7 раз⁹. Основные удары направлены на избирательные процессы, межконфессиональные отношения и региональные конфликты. Задокументировано формирование государственной инфраструктуры «дезинформации как услуги» (*Disinformation as a Service, DaaS*), где автономные системы генерации контента подрывают информационную целостность региона. Внедрение «агентного» ИИ позволяет планировать многошаговые операции с минимальным участием человека, используя дипфейки, таргетированную пропаганду и вмешательство в выборы как приоритетные инструменты влияния.

Иранская модель применения ИИ сфокусирована на внутренней консолидации и противодействии западному влиянию в периоды протестной активности. Государственные структуры через сеть подконтрольных прокси-групп создают «виртуальный актив» для продвижения религиозных и антизападных нарративов. Эта «синтетическая общественность»

⁸ Wodecki B. Inside Falcon: The UAE's open source model challenging AI giants // Capacity. – 05.02.2025. – URL: <https://capacityglobal.com/news/inside-falcon-the-uaes-open-source-model-challenging-ai-giants/#:~:text=III's%20work%20on%20Falcon%20has,RELATED%20STORIES> (дата обращения: 12.01.2026).

⁹ AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).

используется для дезориентации протестующих: внедряются фейковые чаты координации и распространяются дипфейк-видео, подрывающие доверие к лидерам мнений.

Напротив, израильская модель в условиях текущих конфликтов (Газа, Ливан, Иран) ориентирована на внешнюю аудиторию и психологические операции (*PsyOps*). Передовые ИИ-алгоритмы в реальном времени дискредитируют враждебную риторику и генерируют массовый персонализированный контент для дестабилизации противника изнутри (например, для разжигания противоречий между ливанскими фракциями). При этом автономные ИИ-агенты на основе мониторинга трендов способны самостоятельно выбирать цели для информационных атак.

Эмпирические особенности формирования «синтетической общественности» в странах Центральной Азии

В странах Центральной Азии использование ИИ для управления лояльностью имеет свою специфику, отличную от монархий Залива. В основе лежит концепция «цифрового суверенитета», согласно которой ИИ-технологии выступают не только инструментом управления лояльностью, но и гарантом защиты от внешнего информационного влияния. Этот подход трансформировался в комплексную систему контроля над цифровой инфраструктурой, данными и контентом. Технологии используются для обеспечения внутренней стабильности в условиях глобализации, позволяя государствам региона минимизировать доминирование иностранных IT-гигантов и купировать риски «экспорта нестабильности» через социальные медиа. Во всех странах региона развернуты ИИ-агенты нового поколения, способные поддерживать сложные дискуссии и адаптироваться к лингвистическим особенностям местных сообществ. Эта «синтетическая общественность» стала инструментом влияния не только внутренних сил, но и внешних геополитических акторов. Через локальные сетевые ресурсы и медиа Китай, Россия, США и ЕС продвигают собственные нарративы, используя продвинутые алгоритмы для имитации органической поддержки среди граждан и манипуляции общественным мнением в интересах экстрарегиональных игроков.

В Казахстане 2026 год, официально объявленный «Годом цифровизации и искусственного интеллекта», ознаменовался усилением государственного надзора и принятием первого в регионе закона об ИИ¹⁰. Этот документ нацелен на пресечение цифровых манипуляций и защиту национального информационного пространства. Узбекистан, демонстрируя вы-

¹⁰ Kazakhstan Declares 2026 Year of Digitalization and AI // The Caspian Post. – 06.01.2026. – URL: <https://caspianpost.com/kazakhstan-declares-2026-year-of-digitalization-and-ai#:~:text=Kazakh%20President%20Kassym-Jomart%20Tokayev,AI%20priorities%20for%20the%20year> (дата обращения: 12.01.2026).

сокие темпы инвестиций в ИИ-инфраструктуру, сталкивается с дефицитом этического регулирования, что создает уязвимости для информационной безопасности. В то же время Таджикистан и Киргизия с конца 2025 г. перешли к реализации единых региональных стандартов цифровой безопасности, направленных на коллективное противодействие дезинформации и распространению синтетических слухов.

Цифровой суверенитет трактуется как полный контроль государства над национальным сегментом Интернета, данными граждан и программной экосистемой. Чтобы исключить зависимость от западных разработок, в сфере ИИ внедряются национальные продукты, которые позиционируются как символ технологического прогресса и инструмент «мягкой силы». По аналогии с ближневосточными моделями, практическое применение ИИ в Центральной Азии сфокусировано на предиктивном мониторинге инфополя. Алгоритмы в реальном времени сканируют соцсети и мессенджеры, выявляя индексы «социальной напряженности». Это позволяет режимам купировать протестную активность еще на стадии зарождения. При обнаружении тематических «аномалий», указывающих на критику элит, система автоматически блокирует источники контента, предотвращая их вирусное распространение.

В отличие от европейских норм, ограничивающих использование биометрии, в странах Центральной Азии технологии распознавания лиц интегрированы в механизмы мониторинга общественного поведения. Детальные цифровые профили, агрегирующие данные о транзакциях, геолокации и контактах, позволяют в предиктивном режиме подавлять любую оппозиционную активность¹¹. Несмотря на дискуссии об угрозах ИИ, попытки регулирования генеративных моделей и дипфейков пока не привели к созданию эффективных правовых барьеров. Вместо этого усилия сосредоточены на технологической коррекции уже действующих алгоритмов политического контроля. Статистика подтверждает масштаб экспансии: с 2023 г. количество ИИ-кампаний по дезинформации выросло на 350–500%, а к концу 2026 г. прогнозируется рост до 600%. К 2029 г. ожидается пятикратное увеличение числа продуктов на базе ИИ¹². Став фундаментом «технологического авторитаризма», искусственный интеллект обеспечивает лояльность населения через сочетание удобных госуслуг и

¹¹ Central Asia's AI Pursuit: A Tale of Ambition and Progress // The Times of Central Asia. – 06.03.2025. – URL: <https://timesca.com/central-asias-ai-pursuit-a-tale-of-ambition-and-progress/#:~:text=While%20Kazakhstan%20and%20Uzbekistan%20are,tangible%20economic%20and%20technological%20progress.&text=Andrei%20Matveev%20is%20a%20journalist%20from%20Kazakhstan> (дата обращения: 12.01.2026).

¹² AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).

системы тотальной цифровой прозрачности. При этом прозрачность касается исключительно граждан, тогда как сами алгоритмические механизмы управления остаются закрытыми для общества.

Различия между странами региона обусловлены глубиной цифрового контроля и способами имитации гражданской активности. В Казахстане, при высоком уровне цифровизации, соцсети и мессенджеры окончательно вытеснили традиционные медиа. «Синтетическая» повестка здесь формируется через сеть лидеров мнений и Telegram-каналов, работающих по государственному заказу. Низкая критичность аудитории к источникам делает манипуляции с использованием ИИ-контента максимально эффективными. Узбекистан внедряет гибридную модель: государство поощряет контролируемое участие через цифровые порталы и общественные советы, имитируя диалог с властью. Доминирует алгоритмическая модерация: ИИ в реальном времени фильтрует критику и превентивно наполняет обсуждения законопроектов лояльными ИИ-комментариями. В Таджикистане и Туркменистане пространство для независимого дискурса практически ликвидировано. «Синтетическая общественность» здесь достигла апогея: мнение граждан полностью заменено цифровыми ритуалами одобрения. Если в Таджикистане сохраняется жестко цензурируемый сегмент онлайн-медиа, то в Туркменистане ИИ-инструменты имитации поддержки функционируют в условиях почти полной информационной изоляции, создавая стерильную цифровую среду. В отличие от соседних государств, в Киргизии «синтетическая общественность» не монолитна. Существуют конкурирующие группы «троллей» и платных активистов, представляющих разные политические кланы. Это создает иллюзию бурных общественных дискуссий, которые на самом деле являются продуктом политтехнологий.

* * *

«Синтетическая общественность» в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии окончательно трансформировалась из ситуативного инструмента пропаганды в фундаментальный механизм государственного управления. Данный феномен представляет собой симбиоз технологий искусственного интеллекта, алгоритмического управления и государственного патернализма. В условиях цифровой алгоритмизации «синтетическая общественность», состоящая из сетей ботов, ИИ-инфлюенсеров и автоматизированных систем модерации, позволяет авторитарным и гибридным режимам превентивно стерилизовывать информационное пространство. Вместо прямой цензуры в качестве инструмента тотального политического контроля используется стратегия алгоритмического вытеснения – создание искусственного большинства, которое маргинализирует оппозиционные нарративы, делая их невидимыми для рядового пользователя. Контроль осуществляется не через запрет, а через имита-

цию «народного одобрения», что подрывает саму возможность формирования независимого общественного мнения. В странах Ближнего Востока (особенно в монархиях Залива) и Центральной Азии синтетические платформы используются для моделирования «идеального гражданина» и в качестве механизма конструирования новой идентичности. Через государственные ИИ-алгоритмы транслируются новые культурные коды, сочетающие цифровой модернизм с лояльностью традиционным институтам. Синтетическая среда создает ощущение сопричастности к масштабным национальным проектам, конструируя коллективную идентичность, базирующуюся на техно-оптимизме и государственном суверенитете.

Цифровизация общественно-политического дискурса привела к тому, что коллективная идентичность в этих регионах теперь формируется не в ходе органического, делиберативного диалога, а в результате работы рекомендательных систем. «Синтетическая общественность» задает рамки дозволенного и желаемого поведения, превращая политический процесс в управление пользовательским опытом. В итоге общественное сознание адаптируется к алгоритмам, принимая искусственно созданные нормы за естественный результат эволюции общества. На Ближнем Востоке и в Центральной Азии «синтетическая общественность» – это не просто «фабрика фейков», а высокотехнологичная экосистема социального инжиниринга. Она успешно решает задачу легитимации режимов в цифровую эпоху, подменяя стихийную гражданскую активность управляемым алгоритмическим процессом. Таким образом, новая коллективная идентичность в этих регионах становится продуктом целенаправленного цифрового синтеза, где грань между реальными чаяниями населения и программным кодом государства практически отсутствует.

Список источников и литературы

1. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 379–386. – DOI: 10.22363/2312-8313-020-7-4-379-386.
2. Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 18–40. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.01.
3. Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 2 (397). – С. 36–51. – DOI: 10.48137/2074-975_2023_2_36.
4. AI Disinformation & Security in Asia/China/India/Russia Zone 2026 // Research and Markets. – 09.2025. – 412 p. – URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/6174098/ai-disinformation-and-security-in#:~:text=This%20comprehensive>

- %20412-page%20intelligence,of%20sophisticated%20AI%20disinformation%20infrastructure (дата обращения: 12.01.2026).
5. AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).
 6. Central Asia's AI Pursuit: A Tale of Ambition and Progress // The Times of Central Asia. – 06.03.2025. – URL: <https://timesca.com/central-asias-ai-pursuit-a-tale-of-ambition-and-progress/#:~:text=While%20Kazakhstan%20and%20Uzbekistan%20are,tangible%20economic%20and%20technological%20progress.&text=Andrei%20Matveev%20is%20a%20journalist%20from%20Kazakhstan> (дата обращения: 12.01.2026).
 7. Cohen J. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / ed. by Bohman J., Rehg W. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 1997. – 447 p.
 8. Gandini A. et al. Conceptualising the 'algorithmic public opinion': Public opinion formation in the digital age // Dialogues on Digital Society. – 2025. – P. 1–16. – DOI: 10.1177/29768640251323147.
 9. García-Marzá D., Calvo P. Algorithmic democracy: A critical perspective based on deliberative democracy. – Cham: Springer International Publishing. – 2024. – 257 p.
 10. Kazakhstan Declares 2026 Year of Digitalization and AI // The Caspian Post. – 06.01.2026. – URL: <https://caspianpost.com/kazakhstan/kazakhstan-declares-2026-year-of-digitalization-and-ai/#:~:text=Kazakh%20President%20Kassym-Jomart%20Tokayev,AI%20priorities%20for%20the%20year> (дата обращения: 12.01.2026).
 11. USA AI Disinformation & Security Report 2025 | AI Disinformation Threats Soar: 500–800% Increase by 2026 Projected in US // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/usa-ai-disinformation-security-report-144200833.html> (дата обращения: 12.01.2026).
 12. Volpe A. Toward an artificial deliberation? On Google DeepMind's Habermas Machine // Ethics and Information Technology. – 2025. – Vol. 27, № 4. – DOI: 10.1007/s10676-025-09854-1.
 13. Wodecki B. Inside Falcon: The UAE's open source model challenging AI giants // Capacity. – 05.02.2025. – URL: <https://capacityglobal.com/news/inside-falcon-the-uaes-open-source-model-challenging-ai-giants/#:~:text=TH's%20work%20on%20Falcon%20has,RELATED%20STORIES> (дата обращения: 12.01.2026).
 14. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bd. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1981. – 1165 S. – Немец. яз.

**РИСКИ МИГРАНТСКИХ АНКЛАВОВ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ
ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

АНДРИАНОВА Роза Ахбановна

кандидат педагогических наук, научный сотрудник

Центра научно-информационных исследований по науке, образованию
и технологиям, Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

E-mail: rosa_and@inbox.ru

SPIN-код: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

Для цитирования: Андрианова Р.А. Риски мигрантских анклавов: социально-психологическая депривация инокультурных обучающихся // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 25–45. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.02.

Аннотация. Международная миграция в России сопровождается ростом числа семей с детьми, подростками, молодыми людьми, обучающимися в российских образовательных учреждениях. В статье обосновано, что анклавная сегрегация, неблагоприятные жилищные условия, низкий образовательный и воспитательный потенциал семьи и ближнего социального окружения, языковые барьеры и культурные ограничения формируют устойчивую социально-психологическую депривацию, затрудняющую адаптацию и интеграцию инокультурных иностранных обучающихся в образовательную среду. Выявлены факторы негативного влияния мигрантских анклавов на адаптацию и интеграцию школьников и студентов из семей мигрантов: социальная сегрегация, этнокультурная изоляция, межкультурные коммуникативные барьеры. Определены основные риски депривации субъектов образования, проживающих в мигрантских анклавах – аксиологические, коммуникативные, социально-психологические, когнитивные, институциональные. В соответствии с адаптационной моделью Д. Берри показаны нежелательные стратегии адаптации субъектов образования из семей инокультурных мигрантов – ассимиляция, сегрегация, маргинализация. Обосновано, что наиболее успешная модель адаптации инокультурного обучающегося в образовательной среде – интеграция в социум принимающего общества и формирование позитивного опыта межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: инокультурные мигранты, иностранные обучающиеся, школьники и студенты из семей мигрантов, мигрантские анклавы, социально-психологическая депривация, образовательная среда, социокультурная адаптация, языковая адаптация, образовательная адаптация и интеграция, межкультурные коммуникации.

Risks of Migrant Enclaves: Socio-Psychological Deprivation of Foreign Schoolchildren and Students

Rosa A. ANDRIANOVA

PhD in Pedagogical Sciences, Researcher
of the Center for Scientific and Information Research on Science, Education
and Technology, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

E-mail: rosa_and@inbox.ru

SPIN-code: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

For citation: Andrianova R.A. (2026). Risks of Migrant Enclaves: Socio-Psychological Deprivation of Foreign Schoolchildren and Students. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 25–45. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.02.

Abstract. International migration in Russia is accompanied by an increase in the number of families with children, adolescents, and young people studying in Russian educational institutions. The article substantiates that enclave segregation, unfavorable housing conditions, low educational and educational potential of the family and the immediate social environment, language barriers and cultural restrictions form a stable socio-psychological deprivation that makes it difficult for foreign students to adapt and integrate into the educational environment. The factors of the negative impact of migrant enclaves on the adaptation and integration of non-cultural schoolchildren and students are revealed: social segregation, ethno-cultural isolation, intercultural communication barriers. The main risks of deprivation of educational subjects living in migrant enclaves are identified: axiological, communicative, socio-psychological, cognitive, and institutional. In accordance with the adaptation model of D. Berry, undesirable adaptation strategies of educational subjects from families of non-cultural migrants are substantiated – assimilation, separation, and marginalization. It is proved that the most successful model of adaptation of a foreign cultural learner in an educational environment is integration into the society of the host society and the formation of a positive experience of intercultural communication.

Keywords: foreign cultural migrants, foreign students, schoolchildren and students from migrant families, migrant enclaves, socio-psychological deprivation, educational environment, socio-cultural adaptation, language adaptation, educational adaptation and integration, intercultural communication.

Введение в проблему

Международная миграция семей в крупные города Российской Федерации, прежде всего в Москву, сопровождается ростом числа инокультурных обучающихся в российских образовательных учреждениях. При этом успешная языковая, образовательная и социокультурная адаптация в образовательной среде становятся ключевыми факторами их будущей интеграции в социум принимающей страны и снижения негативных тенденций в детско-молодежной среде.

Цель исследования – выявить факторы социально-психологической депривации обучающихся, связанных с их проживанием в мигрантских анклавах.

Гипотеза исследования: мигрантские анклавы способствуют устойчивой социально-психологической депривации обучающихся, препятствуют их языковой, образовательной и социокультурной адаптации и интеграции в социум принимающей страны.

Ключевые понятия:

Мигрантский анклав – территориально или социально обособленная группа мигрантов или лиц, имеющих мигрантское прошлое, которые объединяются для сохранения норм, традиций, обычаев, моделей поведения страны исхода. Такая локализация не только формирует у мигрантов чувство защищенности внутри сообщества, но и способствует замыканию в определенной этнической группе, препятствует межкультурным коммуникациям, адаптации и интеграции в социум принимающей страны, создает риски для закрепления ксенофобских установок и противостояния с представителями других национальных или конфессиональных групп по признаку «свой-чужой».

Социально-психологическая депривация инокультурных обучающихся – ограниченность условий для удовлетворения базовых социальных и психологических потребностей в новой социальной среде, проявляющаяся в устойчивом психоэмоциональном напряжении и дефиците ресурсов успешной адаптации в образовательной среде и интеграции в социум принимающего общества.

Социокультурная адаптация в новой социальной среде – процесс освоения норм, традиций, обычаев, ценностей, моделей поведения принимающей страны, стремление к межкультурным коммуникациям с представителями других национальных и конфессиональных групп.

Образовательная адаптация – процесс освоения учебной программы в новой образовательной среде, включающий понимание учебного материала, самостоятельное выполнение домашних заданий, конструктивное взаимодействие с одноклассниками или однокурсниками и педагогами, готовность успешно осваивать образовательную программу,

успешно выполнять тестовые, контрольные задания, промежуточные и итоговые экзамены.

Языковая адаптация – процесс овладения русским языком (государственным языком Российской Федерации) для эффективного обучения и общения инокультурного иностранного обучающегося с другими субъектами принимающего общества, активного участия в учебной и социальной жизни сообщества класса или группы и образовательной организации.

Обзор научной литературы

Анализ миграционной ситуации в России, специфики восприятия мигрантов российским обществом и проблем анклавизации представлен в работах А.С. Андреевой, Н.С. Ивановой, Е.А. Варшавер¹, И.П. Добаева², В.И. Мукомель³, Т.С. Прониной⁴, А.В. Шустова⁵. Особенности восприятия иностранными обучающимися российской образовательной среды и практики их взаимодействия в вузе показали Е.В. Карташевич, Г.И. Чикарова и П.С. Гаврилов⁶.

Теоретические подходы к изучению адаптации, включая модель аккультурационных ожиданий Джона Берри, рассматриваются в работе З.Х. Лепшокова и А.Н. Татарко⁷.

¹ Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 54–72. – DOI: 10.17323/usp54202054-72.

² Добаев И.П. Миграции и проблема анклавизации территорий Российской Федерации (на материалах мусульманских республик Кавказа и Центральной Азии) // Россия и мусульманский мир. – 2024. – № 1 (331). – С. 9–22. – DOI: 10.31249/rimm/2024.01.01.

³ Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1–2 (77–78). – С. 53–68.

⁴ Пронина Т.С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 225–240. – DOI: 10.35231/18186653_2020_3_225.

⁵ Шустов А.В. Этнические миграции, формирование анклавов и этнополитические риски в столичном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 378–397. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-378-397.

⁶ Карташевич Е.В., Чикарова Г.И., Гаврилов П.С. Иностранные студенты и принимающее сообщество вуза: особенности восприятия и практики взаимодействия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 71–78. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-71-78.

⁷ Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 125–146. – DOI: 10.17759/sps.2017080310.

Проблемы социокультурной адаптации школьников из семей мигрантов исследовали Л.А. Гранкина⁸, Т.И. Монастырская, С.П. Сторожева и Н.Л. Микиденко, М.А. Смирнова⁹. Предлагают обратить внимание на детей с миграционной историей Е.А. Омельченко и А.А. Шевцова¹⁰. Акцентируется роль межкультурных коммуникаций в адаптации школьников-мигрантов в работе А.Д. Архиповой и А.М. Луговской¹¹. Р.А. Андрианова рассматривает проблему агрессии на почве ксенофобии и преодоление рисков агрессивного преследования на почве национальной неприязни в образовательной среде^{12, 13}.

На основе социологических опросов А.Ю. Толмачева показывает, что миграция оказывает особое влияние на жизнь детей «в транснациональных семьях». Авторы утверждают, что именно ребенок часто становится движущей силой миграции, родители при этом выбирают «свои миграционные сценарии, исходя из планов в отношении будущего для своих детей»¹⁴. Е.В. Тонких и В.М. Пешкова отмечают, что в последние годы в Российской Федерации наблюдается рост числа детей, рожденных иностранными гражданами, в первую очередь из стран постсоветского пространства (СНГ) и увеличение их доли в общем «количестве рождений»¹⁵.

Поднимают вопросы взаимосвязи идентичности, ценностно-смысловой сферы иностранных студентов и их субъективного благополучия

⁸ Гранкина Л.А. Социокультурный аспект адаптации детей-билингвов и детей-инофонов в русскоязычной образовательной среде // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80–4. – С. 87–89.

⁹ Монастырская Т.И., Сторожева С.П., Микиденко Н.Л. Ресурсы и возможности школьного сообщества для адаптации детей мигрантов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 849–861.

¹⁰ Омельченко Е.А., Шевцова А.А. Дети с миграционной историей в системе образования Оренбургской области // Исторический поиск. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 109–123. – DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123.

¹¹ Архипова А.Д., Луговской А.М. Аккультурация школьников-мигрантов в России с помощью коммуникативного образовательного пространства // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – 2021. – № 2. – С. 190–193.

¹² Хломов К.Д., Бочавер А.А., Андрианова Р.А. и др. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. – Москва: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 364 с.

¹³ Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. и др. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.

¹⁴ Толмачева А.Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 65. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830.

¹⁵ Тонких Е.В., Пешкова В.М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 1 (201). – С. 55. – DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5.

В.В. Константинов и Н.В. Путилова¹⁶, Т.Г. Бохан, М.В. Шабаловская, О.В. Терехина и А.Л. Ульянич и др.^{17, 18}

А.Д. Архипова, А.М. Луговской провели исследование процесса аккультурации школьников-мигрантов в образовательной среде и выявили проблемы коммуникативного характера, неуверенность в себе, пассивность, нежелание принимать участие в школьных мероприятиях¹⁹.

Анализируют адаптационные стратегии и факторы, влияющие на успешность адаптации иностранных обучающихся Д.В. Болясова и А.А. Карстен²⁰. Особенности социальной адаптации иностранных обучающихся также рассматривают Н.С. Мухаметшина, Е.И. Костюкова, О.Р. Паренькова²¹. Предлагает формирование в российских вузах комплексной системы адаптации иностранных студентов Л.И. Гатина²². Практики социокультурной адаптации иностранцев в вузе представили Е.Ю. Кошелева и М.А. Алхалди Ахмед²³.

Образовательную стратегию в отношении мигрантов анализирует А.А. Матвеева²⁴. Е.В. Апасова и И.Ю. Кулагина утверждают, что степень

¹⁶ Константинов В.В., Путилова Н.В. Теоретический обзор проблемы взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и идентичности у иностранных студентов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 2 (106). – С. 44–48. – DOI: 10.24158/spp.2023.2.6.

¹⁷ Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В. и др. Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 1 (85). – С. 143–155. – DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155.

¹⁸ Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В. и др. Особенности идеологической и этнической идентичности у студентов с различными профилями субъективного качества жизни в условиях международной образовательной миграции // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2021. – № 7. – С. 81–95. – DOI: 10.24412/2712-827X-2021-7-81-95.

¹⁹ Архипова А.Д., Луговской А.М. Аккультурация школьников-мигрантов в России с помощью коммуникативного образовательного пространства // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – 2021. – № 2. – С. 193.

²⁰ Болясова Д.В., Карстен А.А. Портрет социальных страхов иностранных студентов: на примере Петрозаводского государственного университета // Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования. – 2025. – № 1 (34). – С. 44–50.

²¹ Мухаметшина Н.С., Костюкова Е.И., Паренькова О.Р. Социальная адаптация иностранных студентов: опыт российских вузов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2021. – Т. 3, № 4 (12). – С. 44–51. – DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-44-51.

²² Гранкина Л.А. Социокультурный аспект адаптации детей-билингвов и детей-инофонов в русскоязычной образовательной среде // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80–4. – С. 87–89.

²³ Кошелева Е.Ю., Алхалди Ахмед М.А. Иностранный студент и вуз: практики социокультурной адаптации // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 3. – С. 133–143.

²⁴ Матвеева А.А. Образовательная стратегия университета в отношении студентов-мигрантов // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 6. – С. 68–73. – DOI: 10.5281/zenodo.5084497.

успешности адаптации иностранных субъектов образования зависит от внешних и внутренних условий. Авторы внешними определяют учебные и бытовые условия, социальные контакты с представителями принимающей страны, а внутренними – личностные диспозиции (мотивация, самооценка, коммуникативная компетентность)²⁵.

Психологические характеристики студентов в условиях образовательной миграции (жизнестойкость и психологическое благополучие) анализируют А.Ю. Светоносова, В.А. Клименко, А.В. Гришина²⁶. Роль психологических ресурсов в преодолении сложных жизненных ситуаций у образовательных мигрантов обоснована В.А. Клименко, А.В. Гришиной и Е.А. Проненко²⁷.

М.А. Смирнова отмечает, что ограниченность системных решений для сопровождения и поддержки детей мигрантов формирует «информационный вакуум: мигранты не знают о возможности получить помощь для своих детей», а родители принимающего общества «испытывают тревожность, переходящую в ксенофобию». Автор предупреждает, что игнорирование трудностей адаптации детей мигрантов в образовательной среде может способствовать «серьезным негативным последствиям для общества в целом»²⁸.

Обращают особое внимание на актуальность создания нормативно-правовых и институциональных условий развития образовательной миграции в России и предлагают ввести, нормативно закрепить категорию «образовательные мигранты» в качестве субъектов миграционных правоотношений в процессе реализации ими права на образование Т.К. Ростовская, С.В. Рязанцев, В.И. Скоробогатова²⁹.

Обзор научной литературы показывает, что значительная часть публикаций посвящается адаптации иностранных студентов, но при этом

²⁵ Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в ВУЗах // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 129–137. – DOI: 10.17759/jmfp.2020090412.

²⁶ Светоносова А.Ю., Клименко В.А., Гришина А.В. Психологические характеристики студентов в условиях образовательной миграции: жизнестойкость и психологическое благополучие // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 5. – С. 38–45. – DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-5-38-45.

²⁷ Клименко В.А., Гришина А.В., Проненко Е.А. Роль психологических ресурсов в преодолении сложных жизненных ситуаций у образовательных мигрантов // Российский психологический журнал. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 6–25. – DOI: 10.21702/rpj2023.4.1.

²⁸ Смирнова М.А. Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 101. – DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933.

²⁹ Ростовская Т.К., Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Создание нормативно-правовых и институциональных условий развития образовательной миграции в России // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 7. – С. 35–47. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-35-47.

малоисследованной остается проблема адаптации и интеграции школьников из семей мигрантов. Также не исследовано современное влияние мигрантских анклавов на социализацию детей, подростков и молодежи, которые приехали на обучение из других стран и имеют значительную культурную дистанцию с принимающим обществом.

Мигрантские анклавы как пространство социальной изоляции

В ходе интервью с московскими риелторами было выявлено, что устойчивыми местами компактного проживания инокультурных мигрантов или лиц, имеющих недавнее мигрантское прошлое, стали районы Люблино, Капотня, Некрасовка, Южное Бутово, Бирюлево. В этих московских районах фиксируются наиболее низкие цены на покупку и аренду жилья. Риелторы подчеркивают, что перечисленные районы признаны неблагополучными, социально опасными и не рассматриваются россиянами при аренде или покупке жилья.

А.С. Андреева, И.С. Иванова, Е.А. Варшавер утверждают, что значительная доля мигрантов в г. Котельники Московской области – это также выходцы из Центральной Азии. При этом «местные» предпочитают «не отдавать своих детей» в определенные школы и озвучивают причину отказа как «присутствие в классе 15–20 не русскоязычных детей отрицательно влияет на образовательный процесс». Авторы утверждают, что подобная стратегия выбора школы для обучения своих детей становится распространенной практикой семей россиян³⁰.

А.В. Шустов отмечает, что анклавы изначально формируются на территории «локализации их работодателей». При этом из-за высокой рождаемости и непрекращающегося притока земляков или родственников мигрантов, подобные анклавы быстро разрастаются. Следствием становится рост конфликтных ситуаций с представителями местного населения, появление межнациональной напряженности, что приводит к наращиванию деструктивных рисков «дестабилизации этнополитической ситуации» в регионе³¹.

³⁰ Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 62. – DOI: 10.17323/usp54202054-72.

³¹ Шустов А.В. Этнические миграции, формирование анклавов и этнополитические риски в столичном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 378–397. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-378-397.

И.П. Добаев связывает миграционные процессы в Российской Федерации не только с появлением и укреплением мигрантских анклавов, но и ростом «криминальных проявлений» на их основе³².

При этом эксперты, изучающие проблему экстремизма и терроризма, предлагают в превентивной антитеррористической деятельности обращать пристальное внимание не только на граждан, имеющих статус мигранта, но и лиц с мигрантским прошлым. Очевидно, что данный подход расширяет возможности для комплексного анализа социально-опасных рисков поведенческих девиаций мигрантов в принимающем обществе. Известно, что мигрантские анклавы значительно изменили облик современных европейских городов. Многочисленные инокультурные мигранты или лица с миграционным прошлым в силу низкого уровня образования и ограниченных профессиональных компетенций чаще становятся безработными и получают различные пакеты социальных пособий. При этом, как правило, нарастающие социально-экономические проблемы семьи способствуют накоплению их протестного потенциала в следующих поколениях, проявлению прямого и косвенного враждебного отношения к представителям коренного населения страны³³.

По мнению Ш.Р. Кашафа причина нарастания расовых, этнических и культурных противоречий гражданского общества в европейских странах заключается в противостоянии между полярными группами населения – «исторически сложившимся большинством и сообществом носителей мусульманской идентичности»³⁴.

Можно согласиться с автором, что общество не может оставаться этнически и культурно однородным, не может избежать противостояния между полярными группами мигрантов и принимающего общества при неэффективной миграционной политике. Вероятно, европейская политика мультикультурализма оказалась неэффективной из-за существенной непреодолимой социокультурной дистанции мигрантов с принимающим обществом. Известно, что первое поколение мигрантов, как правило, уезжают из страны исхода в поисках решения своих насущных экономических проблем, стараются приспособиться к изменившимся условиям в новой стране, закрепиться на рабочем месте на любых условиях работода-

³² Добаев И.П. Миграции и проблема анклализации территорий Российской Федерации (на материалах мусульманских республик Кавказа и Центральной Азии) // Россия и мусульманский мир. – 2024. – № 1 (331). – С. 9. – DOI: 10.31249/rimm/2024.01.01.

³³ Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. и др. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.

³⁴ Кашаф Ш.Р. «Текущее» размывание национальной идентичности: мусульманская иммиграция как вызов европейской политике интеграции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 4. – С. 188. – DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192.

теля, чтобы обеспечить базовые потребности своей семьи. Однако дефицит общения с детьми из-за загруженности родителей на работе приводит к деформации детско-родительских отношений, снижению родительского воспитательного потенциала, что становится риском формирования деструктивного поведения их детей в принимающем обществе.

Анализ причин анклавизации в России провели и З.Х. Лепшокова, А.Н. Татарко, авторы пришли к выводу, что ключевая проблема заключается в отношении трудовых мигрантов к принимающему обществу как экономическому ресурсу с пренебрежительным отношением к нормам и ценностям принимающего социума³⁵.

Очевидно, что подобная стратегия адаптации трудовых мигрантов и потребительское отношение к принимающему обществу, отсутствие интереса к интеграции своих семей в новую социальную среду будут оказывать существенное негативное влияние и на миграционную политику Российской Федерации.

Различные стратегии адаптации субъектов образования из семей инокультурных мигрантов в новой социальной среде

Успешная адаптация инокультурного обучающегося в новой социальной среде предопределяется, прежде всего, выбором его семьей оптимальной адаптационной стратегии в зависимости от возраста и опыта социализации их ребенка в стране исхода. При этом важно понимать, что взрослые чаще проходят адаптацию в социальной среде таких же трудовых мигрантов, а дети школьного возраста или студенты попадают в сложнейшие условия чужой социокультурной среды.

Известно, что российская система образования признается сложной даже для школьников и студентов из семей коренного населения, ориентирована на системную самостоятельную или дополнительную работу. А для эффективной подготовки к основным государственным экзаменам, например ОГЭ (итоговая аттестация после 9 класса) и ЕГЭ (единый государственный экзамен как итоговая аттестация после 11 класса), а также ДВИ (дополнительный вступительный экзамен при поступлении в вуз для отбора абитуриентов) родители часто подключают на платной основе репетиторов или дополнительное образование.

Очевидно, что важнейшим условием успешного обучения субъектам образования из семей мигрантов становится образовательная, психологическая и социокультурная адаптация и интеграция в новую образовательную среду.

³⁵ Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 129. – DOI: 10.17759/sps.2017080310.

На основе адаптационной модели Д. Берри рассмотрим различные известные адаптационные стратегии, которые могут выбрать обучающиеся из семей мигрантов в новой социальной среде.

Инокультурный обучающийся может выбрать стратегию отчуждения от собственной культуры, проявляющейся в сокращении коммуникаций со своими земляками и родными, отказе от традиций, обычаев, норм, ценностей, правил, установленных в стране исхода, т.е. дистанцироваться от своей этнической группы и полностью погрузиться в культуру принимающего общества. Подобная адаптационная стратегия Д. Берри трактуется как ассимиляция (от лат. *assimilato* – уподобление)³⁶.

Противоположной стратегией адаптации субъектов образования может стать сепарация (лат. *separatio* – отделение), проявляющаяся в признании только собственной этнической культуры, ее ценностей, норм, традиций, активное навязывание атрибутов своей культуры окружающим людям. Очевидно, что сепарация обучающегося от культуры принимающего общества выражается в неприятии норм, моделей поведения в новой социальной среде, что приводит к противостоянию со сверстниками и другими представителями принимающего общества, создает почву для различных конфликтных ситуаций и социальному исключению из сообщества сверстников в образовательном учреждении.

Представленные полярные адаптационные стратегии в целом приводят к противостоянию, разобщению и конфликтам. В ситуации ассимиляции, как стратегии адаптации в новой социальной среде, возможны конфликты инокультурного обучающегося с представителями своей этнической группы, разрыв отношений с ближним социальным окружением из страны исхода. А сепарация, как адаптационная стратегия, сопряжена для него конфликтными ситуациями в сообществе класса или с иными представителями принимающего общества.

Возможна и другая стратегия адаптации, когда осознанно выбирается социальное исключение из всех сообществ – сообщества одноклассников или однокурсников принимающего общества, сообщества сверстников из своей этнической группы. Д. Берри определил подобную адаптационную стратегию мигрантов, как маргинализация (от лат. *marginalization* – исключение)³⁷.

В выборе подобной адаптационной стратегии социального исключения обучающийся может дистанцироваться от своих земляков, норм, обычаев, традиций, принятых в стране исходе, но при этом не будет стремиться к межкультурным коммуникациям в новой социальной среде, намеренно будет дистанцироваться от ценностных ориентаций, норм, традиций, правил принимающего общества. Подобная стратегия адаптации

³⁶ Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46 (1). – P. 55–68.

³⁷ Ibid.

также приводит к социальной изоляции обучающегося и опасна конфликтными ситуациями в двух сообществах одновременно.

Д. Берри выделяет интеграцию (от лат. *integration* – внедрение) как наиболее эффективную стратегию адаптации, при которой не только развивается стремление к изучению другой культуры, освоению норм и ценностей принимающего общества, но и сохраняется привязанность к собственной этнической культуре³⁸.

При интеграционной модели адаптации социокультурные различия не становятся барьером для межкультурных коммуникаций с представителями принимающего общества, обучающийся стремится сократить культурную дистанцию, развивает межкультурные коммуникации в сообществе сверстников, но при этом не отчуждается от своей этнической культуры, конструктивно поддерживает отношения с родственниками и своими земляками.

В зарубежных исследованиях подчеркивается, что на выбор адаптационной стратегии оказывает существенное влияние ответная реакция принимающего общества^{39, 40, 41}. Очевидно, что и реакция принимающего общества зависит от выбора мигрантами своей адаптационной стратегии в новой социальной среде. Очевидно также, что иждивенческая позиция мигрантов не способствует снижению социальной напряженности в принимающем обществе. При этом в обществе, в котором повышается деструктивная активность мигрантов, чаще проявляется мигрантофобия как недоверие, неприятие «чужаков», стремление не только дистанцироваться от них, но и изгонять их из принимающей страны.

Таким образом, стратегии адаптации семьи и ближайшего окружения определяют и стратегии адаптации обучающегося в новой социальной среде. При этом ассимиляция, сепарация, маргинализация не только тормозят успешную адаптацию школьника или студента в новой образовательной среде, но и становятся барьером формирования опыта межкультурных коммуникаций в сообществе класса или группы, могут стать причиной закрепления поведенческих девиаций, социального исключения в сообществе одноклассников или однокурсников, способствовать нарастанию конфликтных ситуаций со сверстниками и другими представителями принимающего общества.

³⁸ Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46(1). – P. 55–68.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Bourhis R.Y., Moise L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. – 1997. – Vol. 32(6). – P. 369–386.

⁴¹ Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P. Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2007. – Vol. 31. – P. 67–86.

Результаты эмпирического исследования

Эмпирическая база исследования собиралась с 2022 по 2025 гг. В исследовании использован метод полуструктурированного интервью, направленный на выявление субъективных переживаний, мотиваций и межкультурных дилемм инокультурных обучающихся, проживающих в мигрантских анклавах Москвы (Капотня, Люблино). Дополнительно к интервью проводились неформальные беседы, включенное наблюдение в естественных условиях (образовательных организациях и по месту жительства), что позволило выявить скрытые факторы социально-психологической депривации инокультурных обучающихся.

В интервью приняли участие трудовые мигранты-родители (дворники, обслуживающий персонал в торговых залах и поликлиниках), дети которых обучаются в московских школах, студентки из стран СНГ, обучающиеся в московских вузах. Участники эмпирического исследования проживают в московских районах Люблино и Капотня – местах локализованного проживания инокультурных мигрантов⁴².

Также использовался контекст-анализ хроники происшествий, связанной с несовершеннолетними, проживающими в семьях мигрантов или семьях, имеющих мигрантскую историю. Источники информации для контент-анализа: публикации в федеральных СМИ (средства массовой информации) и данные МВД (Министерства внутренних дел). В контент-анализ хроники происшествий выделялись бытовые конфликты, правонарушения и агрессивное поведение подростков и молодых людей из семей мигрантов⁴³. Данные хроники происшествий подтверждают выявленные в интервью факторы социально-психологической депривации инокультурных обучающихся: проживание в мигрантских анклавах, недостаток родительского контроля и уверенность в своей безнаказанности в ситуациях группового нападения на представителей другой национальной или конфессиональной группы. Данные контент-анализа хроники происшествий также подтверждают неоднократные случаи деструктивного и противоправного поведения подростков и молодых людей из семей мигрантов.

Отметим, что метод интервью, включенное наблюдение, беседа наиболее подходят для исследования стратегий адаптации мигрантов и обсуждения сенситивных тем (эмоциональное состояние, внутрисемейные

⁴² Общая выборка качественного исследования – 53 человека (методы – интервью, беседа, наблюдение в естественных условиях), в интервью приняли участие трудовые мигранты – родители обучающихся из семей мигрантов (несовершеннолетних детей запрещено опрашивать без согласия родителей), студентки из стран СНГ (Киргизия, Таджикистан), московские педагоги, работающие с детьми из семей мигрантов, московские риэлторы, имеющие опыт работы с клиентами по вопросу покупки или аренды квартиры в мигрантских анклавах.

⁴³ Публикации федеральных СМИ в период с 2022 по 2025 гг. («РБК», «Интерфакс», «ТАСС», Портал «МВД МЕДИА»).

отношения, отношения с одноклассниками и однокурсниками, конфликтные ситуации), также эти методы позволяют оперативно с помощью дополнительных вопросов уточнять ответы участников, пользоваться интернет-переводчиком.

Выявлены следующие ключевые факторы социально-психологической депривации инокультурных обучающихся, проживающих в мигрантских анклавах:

Ограничение личного пространства и нарушение базовых потребностей в приватности и спокойствии: арендованная квартира (нет собственного жилья); проживание в одной квартире с другими семьями; отсутствие условий для полноценного сна, отдыха и обучения; совместное проживание с другими семьями (общие кухня, ванная, прихожая). Цитаты из интервью и бесед – «нет отдельной комнаты для учебы и сна» (родитель и студентки); «на кухне готовим и кушаем по очереди» (родитель и студентки); «с утра очередь в ванную», «иногда нет возможности принять душ», «бывают проблемы с личной гигиеной из-за очереди в общей ванной и стесняюсь иногда близко подходить к людям» (родитель и студентки); «не высыпаемся, потому что соседи мешают» (родитель и студентки). *Возможные риски и последствия* – снижение концентрации внимания на уроках и лекциях; проблемы с режимом питания и сна; болезни, обусловленные проблемами личной гигиены, плохим питанием, дефицитом сна.

Проблемы языковой адаптации: низкий уровень освоения русского языка, непонимание учебного материала, проблемы общения и обучения на русском языке. Цитаты из интервью и бесед – «понимает только простые слова» (родитель); «ребенок плохо говорит и пишет на русском языке» (родитель); «часто пользуемся интернет-переводчиком» (родитель и студентки); «стесняемся говорить на русском из-за акцента» (родитель и студентки). *Возможные риски и последствия* – учебная неуспешность, социальная изоляция, социальное исключение из сообщества сверстников, буллинг в сообществе класса или группы, кибербуллинг в общих учебных чатах.

Образовательная неуспешность: отставание в учебе, неспособность освоить российскую образовательную программу, снижение мотивации к учебе. Цитаты из бесед и интервью: ответы родителей – «получает двойки за домашние задания и контрольные»; ответы родителей школьников – «не хочет ходить в школу»; «обвиняет учителей за двойки»; «у себя в стране хорошо учился, здесь учителям не нужен»; ответы студенток – «не могу и не хочу учиться»; «тяжело учиться»; «слишком трудные зачеты и экзамены»; «не сдала сессию и были пересдачи»; «боюсь отчисления». *Возможные риски и последствия* – снижение мотивации к продолжению обучения, прогулы, отчисление из вуза, поведенческие девиации.

Социокультурная дистанция – степень различий между культурой инокультурных обучающихся и культурой принимающего общества,

включающая различия в нормах и правилах поведения, обычаях и традициях, ценностях, способах выражения эмоций. *Цитаты из интервью и бесед* – «мы другие»; «у нас так себя не ведут»; «говорит, что будет носить только национальную одежду на школьные праздники»; «здесь не любят мусульман»; «с местными не хочет общаться» (из ответов родителей школьников и студенток). *Возможные риски и последствия* – сепарация (признание атрибутов только собственной культуры, неприятие норм и ценностей принимающего общества), социальная изоляция внутри своей этнической группы, риски проявления ксенофобии и роста межнациональной напряженности.

Социальное исключение из сообщества класса или группы (социальная депривация): общение только со своими земляками, конфликтные отношения с одноклассниками и однокурсниками, в общих учебных чатах либо игнорирование, либо косвенная или прямая агрессия. *Цитаты из бесед и интервью* – «на переменах общаюсь только со своими, местные не хотят общаться» (родитель и студентки); «собираются в классе / группе без меня и отмечают дни рождения, праздники» (родитель и студентки); «не отпускаю на экскурсии, боюсь, что будут обижать одноклассники» (ответ родителей); «в общем чате надо мной смеются, если задаю вопрос» (родитель и студентки); «в общем чате пишут оскорбления в адрес моих земляков» (родитель и студентки). *Возможные риски и последствия* – социальная изоляция внутри этнической группы, риски проявления ксенофобии к представителям других национальностей и конфессиональной группы, риски втягивания в деструктивные группы.

Дилемма двойной принадлежности – устойчивое внутреннее противоречие, возникающие у инокультурных обучающихся. Депривация является ключевым механизмом дезориентации, вызывает внутренний конфликт между лояльностью к родителям, родственникам (ближайшему этнокультурному сообществу) и стремлением к интеграции в школьную или студенческую среду. Таким образом, инокультурный обучающийся пытается соответствовать нормам и ожиданиям двух различных социальных систем – семьи и принимающего общества. *Цитаты из бесед и интервью*: ответы студенток – «хочу жить отдельно, чтобы самой выбирать друзей и не ссориться с родственниками», «устала, потому что живу двойной жизнью – дома с родственниками и в институте разная», «родители не разрешают жить в общежитии, поэтому живу с родственниками», «родители не разрешают дружить с девушками других национальностей»; ответы родителей – «не разрешаем общаться ребенку с детьми другой национальностей вне школы, боимся, что обидят», «не понимаем, почему раздражаются местные, если надевает ребенок национальную одежду во время праздников», «здесь не любят мусульманские праздники». *Возможные риски и последствия* – социальная изоляция, конфликтные отношения в семье и за пределами семьи.

Устойчивый дефицит эмоциональной поддержки, принятия (эмоциональная депривация) – состояние внутреннего стресса, тревожности, нет условий для эмоционального восстановления. *Цитаты из бесед и интервью:* ответы студенток – «стараюсь быть незаметной на улице, чтобы они не сказали обидные слова», «стараюсь не выделяться и быть как все», «стараюсь молчать и не отвечать, когда обижают», «боюсь ошибиться и дома, и в институте», «родственники не доверяют и проверяют сумки, чтобы не курила», «скучаю по дому», «скучаю по родителям», «скучаю по друзьям»; ответы родителей – «стал часто плакать», «не хочет рассказывать правду про школу», «скучает по бабушке и дедушке». *Возможные риски и последствия* – поведенческие девиации, проявление буллинга и кибербуллинга в сообществе класса или группы, хронический стресс, эмоциональное выгорание.

Девиации родительского поведения – агрессивное поведение, жестокое обращение с детьми, пренебрежение нуждами детей, алкогольная зависимость, внутрисемейные конфликты. *Цитаты из бесед и интервью:* ответы родителей школьников – «приходится бить, чтобы учился» «выпиваю, чтобы успокоиться и заснуть», «не балую детей, покупаю только еду, одежду беру у других людей», «не вожу в поликлиники, не пускаю врачей домой», «ругаемся с женой из-за денег каждый день»; ответы студенток, проживающих в семьях родственников – «родственники плохо относятся», «родственники забирают деньги», «родители ругают, контролируют поведение, общение и требуют отчет за покупки». *Возможные риски и последствия* – снижение воспитательного потенциала семьи, противоправное поведение, угроза жизни и безопасности окружающих, лишение родительских прав.

Таким образом, можно выделить следующие ключевые риски мигрантских анклавов:

– *социальная сегрегация* (от лат. segregation – отделение, обособление, разделение) выражается в выборе поведенческой стратегии ограничения контактов с принимающим обществом, приводит к конфликтам, дискриминации, социальному исключению из сообщества сверстников;

– *этнокультурная изоляция* проявляется как прямое или косвенное неприятие норм, традиций, обычаев принимающего общества, правил взаимодействия в новой образовательной среде;

– *межкультурные коммуникативные барьеры* обусловлены проблемами языковой адаптации и недостаточным уровнем освоения русского языка как государственного в Российской Федерации для взаимодействия с представителями принимающего общества.

Очевидно, что все перечисленные факторы способствуют нарастанию негативных тенденций в образовательной среде и могут приводить к образовательному неравенству, ограничению доступа обучающихся из семей мигрантов к получению качественного образования в принимающей стране.

Отдельно выделим риски социально-психологической депривации обучающихся из семей мигрантов в образовательной среде.

Аксиологические риски сопряжены с конфликтом идентичностей и несовпадением системы ценностных ориентаций инокультурного обучающегося с нормами и правилами сообщества сверстников в новой образовательной среде.

Коммуникативные риски, связанные с проблемами языковой адаптации в новой социокультурной среде, отражают низкий уровень освоения русского языка, провоцируют ситуации социального исключения в сообществе класса или группы, либо прямое или косвенное агрессивное преследование со стороны сверстников.

Социально-психологические риски способствуют социальной изоляции, нарастанию у инокультурного обучающегося психоэмоционального напряжения в сообществе класса или группы.

Когнитивные риски ограничивают доступ к образовательным ресурсам принимающей страны, способствуют получению фрагментарных знаний, недостаточных для эффективной подготовки к основному государственному экзамену (ОГЭ как итоговой аттестации после 9 класса) или ЕГЭ (единого государственного экзамена как итоговой аттестации после 11 класса).

Институциональные риски отражают недостаточную готовность семьи и образовательных организаций как ведущих институтов социализации к взаимодействию и сотрудничеству, что способствует деформации личности инокультурных обучающихся, закреплению их поведенческих девиаций в принимающем обществе.

Очевидно, что все перечисленные риски связаны с дефицитом межкультурных коммуникаций в мигрантских анклавах, что создает благоприятную почву роста ксенофобских настроений, противостояния с представителями других этнических или конфессиональных групп, проживающих в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе.

* * *

Россия является привлекательной страной для трудовой и образовательной миграции. Однако значительная социокультурная дистанция и проблемы языковой адаптации, социальная изоляция в этнических анклавах, социальное исключение в сообществе сверстников принимающей стороны становятся существенными рисками для адаптации инокультурных обучающихся в российской образовательной среде. Очевидно, что их образовательная неуспешность и поведенческие девиации взаимосвязаны и могут иметь опасные последствия, представлять угрозу для всех субъектов образовательных отношений (обучающихся и педагогов).

Негативное влияние мигрантских анклавов – социальная сегрегация, этнокультурная изоляция, межкультурные коммуникативные барьеры.

Основные риски социально-психологической депривации субъектов образования, проживающих в мигрантских анклавах – аксиологические, коммуникативные, социально-психологические, когнитивные, институциональные.

В соответствии с адаптационной моделью Д. Берри возможны следующие нежелательные стратегии адаптации субъектов образования из семей инокультурных мигрантов – ассимиляция, сепарация, маргинализация. Наиболее успешная модель адаптации – интеграция, при которой сохраняется этническая идентичность ребенка и принимаются нормы, правила и ценности принимающего общества.

Важным направлением снижения негативных тенденций, связанных с миграционными процессами в России, становится межведомственное взаимодействие для правового просвещения мигрантов, исключения рисков социально опасного положения, деструктивного поведения, стремления к противостоянию с принимающим обществом, дискриминации и эксплуатации работодателями.

Важен комплексный мониторинг рисков поведенческих девиаций инокультурных обучающихся в местах проживания. Очевидно, что мигрантские анклавы могут способствовать закреплению ксенофобских установок, проявлению агрессии на почве неприязни к другим национальным группам, втягиванию их в деструктивные сообщества.

В современных условиях для обеспечения социальной безопасности в Российской Федерации актуальным направлением становится исследование стратегий интеграции в принимающее общество не только первого, но и второго, третьего поколения мигрантов.

Список источников и литературы

1. Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 54–72. – DOI: 10.17323/usp54202054-72.
2. Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. и др. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.
3. Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в ВУЗах // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 129–137. – DOI: 10.17759/jmfp.2020090412.
4. Архипова А.Д., Луговской А.М. Аккультурация школьников-мигрантов в России с помощью коммуникативного образовательного пространства // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – 2021. – № 2. – С. 190–193.

5. Болясова Д.В., Карстен А.А. Портрет социальных страхов иностранных студентов: на примере Петрозаводского государственного университета // *Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования*. – 2025. – № 1 (34). – С. 44–50.
6. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В. и др. Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2021. – Т. 23, № 1 (85). – С. 143–155. – DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-143-155.
7. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В. и др. Особенности идеологической и этнической идентичности у студентов с различными профилями субъективного качества жизни в условиях международной образовательной миграции // *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*. – 2021. – № 7. – С. 81–95. – DOI: 10.24412/2712-827X-2021-7-81-95.
8. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В., Ульянич А.Л. Субъективное качество жизни как индикатор психологической безопасности студентов в условиях международной образовательной миграции // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 473. – С. 137–145. – DOI: 10.17223/15617793/473/17.
9. Гатина Л.И. Формирование системы адаптации иностранных студентов в российских вузах // *Управление устойчивым развитием*. – 2024. – № 6(55). – С. 67–71. – DOI: 10.55421/2499992X_2024_6_67.
10. Гранкина Л.А. Социокультурный аспект адаптации детей-билингвов и детей-инофонов в русскоязычной образовательной среде // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2023. – № 80–4. – С. 87–89.
11. Добаев И.П. Миграции и проблема анклавизации территорий Российской Федерации (на материалах мусульманских республик Кавказа и Центральной Азии) // *Россия и мусульманский мир*. – 2024. – № 1 (331). – С. 9–22. – DOI: 10.31249/rimm/2024.01.01.
12. Карташевич Е.В., Чикарова Г.И., Гаврилов П.С. Иностранные студенты и принимающее сообщество вуза: особенности восприятия и практики взаимодействия // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 71–78. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-71-78.
13. Кашаф Ш.Р. «Текучее» размывание национальной идентичности: мусульманская иммиграция как вызов европейской политике интеграции // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2021. – № 4. – С. 184–192. – DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192.
14. Клименко В.А., Гришина А.В., Проненко Е.А. Роль психологических ресурсов в преодолении сложных жизненных ситуаций у образовательных мигрантов // *Российский психологический журнал*. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 6–25. – DOI: 10.21702/rpj2023.4.1.
15. Константинов В.В., Путилова Н.В. Теоретический обзор проблемы взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и идентичности у иностранных студентов //

- Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 2(106). – С. 44–48. – DOI: 10.24158/spp.2023.2.6.
16. Кошелева Е.Ю., Алхалди Ахмед М.А. Иностраннный студент и вуз: практики социокультурной адаптации // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 3. – С. 133–143.
17. Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 125–146. – DOI: 10.17759/sps.2017080310.
18. Матвеева А.А. Образовательная стратегия университета в отношении студентов-мигрантов // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 6. – С. 68–73. – DOI: 10.5281/zenodo.5084497.
19. Монастырская Т.И., Сторожева С.П., Микиденко Н.Л. Ресурсы и возможности школьного сообщества для адаптации детей мигрантов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 849–861.
20. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1–2 (77–78). – С. 53–68.
21. Мухаметшина Н.С., Костюкова Е.И., Паренькова О.Р. Социальная адаптация иностранных студентов: опыт российских вузов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2021. – Т. 3, № 4 (12). – С. 44–51. – DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-44-51.
22. Омельченко Е.А., Шевцова А.А. Дети с миграционной историей в системе образования Оренбургской области // Исторический поиск. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 109–123. – DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123.
23. Пронина Т.С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 225–240. – DOI: 10.35231/18186653_2020_3_225.
24. Ростовская Т.К., Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Создание нормативно-правовых и институциональных условий развития образовательной миграции в России // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 7. – С. 35–47. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-35-47.
25. Светоносова А.Ю., Клименко В.А., Гришина А.В. Психологические характеристики студентов в условиях образовательной миграции: жизнестойкость и психологическое благополучие // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 5. – С. 38–45. – DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-5-38-45.
26. Смирнова М.А. Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 81–103. – DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933.
27. Толмачева А.Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 49–69. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830.

28. Тонких Е.В., Пешкова В.М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 1 (201). – С. 49–56. – DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5.
29. Хломов К.Д., Бочавер А.А., Андрианова Р.А. и др. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. – Москва: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 364 с.
30. Шустов А.В. Этнические миграции, формирование анклавов и этнополитические риски в столичном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 378–397. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-378-397.
31. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. – 1997. – Vol. 46 (1). – P. 55–68.
32. Bourhis R.Y., Moise L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // International Journal of Psychology. – 1997. – Vol. 32 (6). – P. 369–386.
33. Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P. Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants // International Journal of Intercultural Relations. – 2007. – Vol. 31. – P. 67–86.

**TRIPP КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ:
НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ
И БАЛАНСА СИЛ В ЗАКАВКАЗЬЕ**

АРХИПОВА Екатерина Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет

E-mail: arkipova@volsu.ru

SPIN-код: 2395-7809

ORCID: 0000-0003-1891-5586

КРЮЧКОВ Кирилл Максимович

студент, эксперт Центра общественной дипломатии,
Волгоградский государственный университет

E-mail: mom-241_192863@volsu.ru

КИРИЛЛОВА Арина Дмитриевна

студент, Волгоградский государственный университет

E-mail: arina-kirillova-01@mail.ru

Для цитирования: *Архипова Е.В., Крючков К.М., Кириллова А.Д.* TRIPP как стратегический вызов России: новая конфигурация транспортных коридоров и баланса сил в Закавказье // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 46–70. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.03.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу Трехсторонней декларации от 8 августа 2025 г. между США, Арменией и Азербайджаном, центральным элементом которой является создание нового транспортного коридора «Trump Route for International Peace and Prosperity». Цель исследования – оценить правовые, экономические и стратегические последствия данного соглашения для баланса сил в Закавказье, с фокусом на интересы Российской Федерации. Методологическую основу работы составляет контент-анализ текста декларации, а также SWOT-анализ перспектив реализации проекта. Делается вывод о том, что соглашение представляет собой комплексный стратегический вызов, знаменующий переход от российской модели посредничества к экономико-логистической интеграции под патронажем США. Это ведет к потенциальному вытеснению России

из зоны ее традиционного влияния, ослаблению позиций МТК «Север – Юг» и фрагментации евразийской логистики. Отдельное внимание уделяется рискам для суверенитета Армении и феномену «американизации» региона.

Ключевые слова: Закавказье, Трехсторонняя декларация, TRIPP, суверенитет, логистические коридоры, МТК «Север – Юг», американизация, США, Россия.

TRIPP Corridor: Strategic Challenge to Russia and Eurasian Integration

Ekaterina V. ARKHIPOVA

PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and International Relations, Volgograd State University

E-mail: arkipova@volsu.ru

SPIN-code: 2395-7809

ORCID: 0000-0003-1891-5586

Kirill M. KRYUCHKOV

Student, Expert at the Center of Public Diplomacy,
Volgograd State University

E-mail: mom-241_192863@volsu.ru

Arina D. KIRILLOVA

Student, Volgograd State University

E-mail: arina-kirillova-01@mail.ru

For citation: Arkhipova E.V., Kryuchkov K.M., Kirillova A.D. (2026). TRIPP Corridor: Strategic Challenge to Russia and Eurasian Integration. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 46–70. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.03.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the Trilateral Declaration of August 8, 2025, between the USA, Armenia, and Azerbaijan, centered on the creation of the new Trump Route for International Peace and Prosperity. The study aims to assess the legal, economic, and strategic consequences of this agreement for the balance of power in the South Caucasus, with a focus on the interests of the Russian Federation. The methodological basis of the work includes content analysis of the declaration text, and a SWOT analysis of the project's implementation prospects. It is concluded that the agreement constitutes a comprehensive strategic challenge, marking a transition from the Russian mediation model to economic and logistical integration under US patronage. This leads to the potential displacement of Russia from its traditional sphere of influence, the weakening of the INSTC's positions, and the fragmentation of Eurasian logistics. Special attention is paid to the risks to Armenia's sovereignty and the phenomenon of the region's "Americanization".

Keywords: South Caucasus, Trilateral Declaration, TRIPP, sovereignty, logistics corridors, INSTC, Americanization, USA, Russia.

Ключевым событием, определившим новый вектор развития Закавказья, стало подписание Трехсторонней декларации 8 августа 2025 г. во время встречи в Белом доме, инициированной президентом США Дональдом Трампом с участием глав Армении и Азербайджана, где был провозглашен курс на создание транспортного коридора «Trump Route for International Peace and Prosperity» (далее – TRIPP). Подписанное соглашение означает качественный сдвиг в подходе к урегулированию затяжного армяно-азербайджанского конфликта: переход от военно-политического противостояния к экономико-логистической интеграции под американским патронажем. Интерес к проведению данного исследования обусловлен стремительной трансформацией архитектуры региональной безопасности в Закавказье в 2024–2025 гг., вызванной фундаментальным пересмотром баланса сил между великими державами и необходимостью выработки адекватных ответов на стратегический вызов, который данный проект представляет для национальных интересов России и других членов ЕАЭС. Анализ правовых, экономических и геополитических последствий соглашения позволяет:

1. Оценить риски дальнейшего вытеснения России из зоны ее традиционного влияния и ослабления позиций МТК «Север – Юг».

2. При помощи SWOT-анализа выделить возможные сценарии развития региона – от успешной реализации проекта до его саботажа и новой эскалации напряженности, а также, опираясь на имеющуюся информацию, выделить сильные и слабые стороны коридора.

Согласно проекту, «маршрут Трампа» будет соединять Азербайджан с его эксклавом Нахичевань через территорию Армении, Сюникскую область, на границе с Ираном¹, что напрямую перекликается с историей региона: именно Сюник и Нахичевань на протяжении веков являлись спорными территориями между Арменией, Персией, Османской империей и Россией. А вопрос о территориальной принадлежности земель между Нахичеванью и Зангезуром (современная Сюникская область Армении) является одним из ключевых в кавказской историографии. Спорность данной территории обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, географических – изолированность Нахичевани, отделенной от основной территории Азербайджана стратегическим Зангезурским хребтом, исторически рассматривается как ключевой элемент ее уязвимости и предмет геополитического интереса, обеспечивающий выход к транспортным коридорам между Каспием и Средним Востоком. Во-вторых, этногеографических – смешанное население интерпретируется в армянской и азербайджанской историографии противоположным образом: первая подчеркивает преобладание армян как свидетельство исторической принадлежности, а вторая

¹ Trump's Road TRIPP Delivers a Deal // Center for European Policy Analysis. – 13.08.2025. – URL: <https://cepa.org/article/trumps-road-tripp-delivers-a-peace-deal/> (дата обращения: 20.08.2025).

указывает на их миграцию как на искусственный фактор изменения этнического баланса².

Кроме того, советские административные решения, принятые Кавбюро РКП (б) в 1920–1921 гг., закрепили Зангезур за Армянской ССР, а Нахичевань – за Азербайджанской ССР, что было оформлено Московским и Карсским договорами 1921 г. Эти акты создали территориальный разрыв между основной частью Азербайджана и его анклавом – Нахичеванью.

После распада СССР идея Зангезурского коридора (отсылающего к наименованию исторической области Зангезур, расположенной на склонах одноименного хребта и разделенной между двумя государствами) для восстановления связи с Нахичеванью стала ключевым элементом внешнеполитического дискурса Азербайджана. В свою очередь, Армения рассматривает эти планы как прямую угрозу своей территориальной целостности. Однако Ереван категорически отвергает подобные условия, расценивая сам термин Зангезурский коридор как инструмент легитимации территориальных притязаний в отношении суверенной территории Армении.

При этом нельзя утверждать, что TRIPP является заменой проекту Зангезурского коридора. Несмотря на совпадение точек пресечения границ, что можно увидеть на рисунке 1, представленном ниже, уже в риторике главы Армении присутствует осуждение использования лексикона, связанного с Зангезурским коридором.

Используемая терминология может оказаться не нейтральной и отражать фундаментальные различия в подходах сторон к вопросам суверенитета. Так, премьер-министр Армении Никол Пашинян осудил заявление Алиева о том, что «Зангезурский коридор» станет частью Среднего коридора. Пашинян подчеркнул важность использования согласованной терминологии, которая способствует конструктивной работе. Он указал, что термин «Зангезурский коридор», используемый Азербайджаном, не соответствует логике предыдущих соглашений³. Конфликтная риторика сторон затрудняет достижение компромиссов, поскольку каждая сторона воспринимает терминологию оппонента как угрозу ключевым интересам. Таким образом, для Армении данный термин актуализирует исторические травмы Карабахского конфликта, усиливает общественное сопротивление и сужает пространство для дипломатических маневров, делая любое правительство уязвимым для обвинений в предательстве.

² Tsutsiev A.A. Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus. – New Haven: Yale University Press, 2014. – 221 p.

³ Риторика Алиева не отражает договоренности: Пашинян о т.н. Зангезурском коридоре // Sputnik. Armenia. – 01.09.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250901/ritorika-alieva-ne-otrazhaet-dogovorennosti-pashinyan-o-tn-zangezurskom-koridore-93003106.html> (дата обращения: 06.09.2025).

Рис. 1. Границы Зангезурского коридора и TRIPP («маршрут Трампа») ⁴

Соответственно, посредничество США кажется миротворческим, что ведет к тезису об «американизации» Южного Кавказа. Так, например, 14 января 2025 г. в Вашингтоне была заключена Хартия о стратегическом партнерстве между Республикой Армения и Соединенными Штатами Америки ⁵. Данный документ призван формализовать и придать системный характер сотрудничеству между двумя государствами по широкому спектру направлений. А участие США в «маршруте Трампа» может оказаться частью стратегии «перерисовать геополитическую карту Южного Кавказа», подрывая доминирование России и Ирана в регионе ⁶.

⁴ Составлено авторами.

⁵ Charter on Strategic Partnership Between the United States of America and the Republic of Armenia // U.S. Embassy in Armenia. – 15.01.2025. – URL: <https://am.usembassy.gov/charter-on-strategic-partnership-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-armenia/> (дата обращения: 20.08.2025).

⁶ Washington's Gambit: How the US Is Rebooting the Geopolitics of the South Caucasus // Geopoliticalmonitor. – 19.08.2025. – URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/washingtons-gambit-how-the-us-is-rebooting-the-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2025).

Кроме того, кейс TRIPP также интересен для рассмотрения феномена трампизма (англ. – trumpism), политического стиля и набора нарративов, которые доминируют в США вследствие правления Д. Трампа. Так, одним из тезисов можно считать внедрение селф-брендинга, суть которого заключается в его принципиальном отличии от традиционных политических брендов. Как отмечается, стиль правления президента США – это не традиционное управление, а продвижение своего бренда и максимизация символического капитала. Он перенес логику реалити-шоу и рыночных стратегий в государственное управление, подчинив интересы государства и граждан интересам своего транснационального личного бренда, что представляет собой фундаментальный сдвиг в понимании государственного управления в XXI в.⁷ Такой подход стал практическим воплощением ключевых принципов трампизма в глобальном масштабе, где «мир и процветание» в понимании Трампа достигается не через укрепление международных институтов, а через персональные договоренности и демонстрацию силы, что усиливает влияние США через конкретное лицо.

Теперь хотелось бы более детально рассмотреть саму декларацию. Стратегической целью TRIPP является обеспечение надежного и эффективного транспортного сообщения для соединения рынков Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы. Коридор предназначен для железнодорожных, энергетических и цифровых коммуникаций, а управление передано на условиях субаренды американской компании USA-TRIPP LLC на 99 лет по модели «комплексного обслуживания» («end-to-end service»), а доходы предлагается распределить по следующему принципу:

- 40% – управляющей компании США (консорциум USA-TRIPP LLC);
- 30% – Армении;
- 20% – Азербайджану;
- 10% – Фонду развития приграничных районов⁸.

Данная «сделка» Д. Трампа, И. Алиева и Н. Пашиняна на первый взгляд может показаться очень выгодной и перспективной, однако является ли она таковой на самом деле? При помощи детального ознакомления с текстом декларации, проведения контент-анализа соглашения нами предлагается: 1) выделить основные положения документа; 2) определить главные выгоды для каждой из сторон.

⁷ Crombez J.M., Panageotou S. The United States of Trump Corp.: The 'Not Normal / New Normal' Governing Style of a Personal Brand // Fast Capitalism. – 2020. – Vol. 17, № 1. – P. 25–52.

⁸ Joint Declaration by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the United States of America on the outcomes of their meeting in Washington D.C., United States of America // The Prime Minister of the Republic of Armenia. – 09.08.2025. – URL: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2025/08/09/Nikol-Pashinyan-visit-US-declaration/> (дата обращения: 20.08.2025).

Обращая внимание на содержание декларации, можно сразу отметить определенный прогресс в достижении мира между Арменией и Азербайджаном, хотя и с оговорками. Об этом свидетельствует парафирование текста мирного договора, но также упоминается «необходимость дальнейших шагов для подписания и ратификации» (положение № 1). Можно предположить, что стороны еще не решили такие наиболее острые разногласия, как статус азербайджанских анклавов в Армении, гарантии безопасности Республики Армении, а также, конечно, делимитацию границ. Нельзя не отметить роль президента США, который данной «сделкой» знаменует смену российского посредника в отношениях Армении и Азербайджана на американского, что в перспективе способно привести к усилению позиций США на Южном Кавказе и росту напряженности в отношениях с РФ и Ираном.

Более того, совместное обращение о закрытии структур Минской группы ОБСЕ может восприниматься как фактический итог российско-западного посредничества, а смещение фокуса с РФ на США говорит о том, что произошло формальное переформатирование региона без участия Москвы. Транспортная составляющая декларации, а именно проект TRIPP подтверждает открытие коммуникаций на основе территориальной целостности и суверенитета, а также «беспрепятственного сообщения» между Азербайджаном и Нахичеванью через Армению.

Данное положение дел, по нашему мнению, имеет следующие последствия: Армения обязуется сотрудничать с США по созданию проекта TRIPP на своей территории, США получают контроль над стратегической инфраструктурой, Азербайджан – сухопутный коридор, Армения – надежду на безопасность и доходы. В свою очередь Армения хоть и приводит Устав ООН и Алма-Атинскую декларацию как ссылку на признание границ по состоянию на момент распада СССР и в своих заявлениях делает упор на суверенитет и нерушимость границ, однако сама идея строительства коридора и де-юре контроля за ним Арменией, но по факту коммуникации будут возводиться под эгидой Д. Трампа, что влечет за собой ограничение полного суверенитета Армении над данной территорией.

Таким образом, по основному массиву информации трехсторонней декларации можно отметить, что по своему содержанию данный документ закрепляет экономическое, а также потенциальное военное присутствие США у границ РФ и Ирана, в будущем TRIPP способен фрагментировать евразийскую логистику в пользу атлантических грузоперевозок, а также приведет к большей зависимости Армении от США, сделав ее проамериканским сателлитом.

Для того чтобы определить смысловое содержание декларации нам представляется необходимым провести контент-анализ данного документа и составить итоговую таблицу.

Таблица 1

**Результаты контент-анализа трехсторонней декларации
США – Азербайджан – Армения (8 августа 2025 г.)**

Слово / Термин	Частота упоминания	Интерпретация
Трамп / США	5	Контроль над процессом за администрацией Белого дома
Мир	4	Абстрактное значение без конкретных мер обеспечения этого мира
Суверенитет	3	Имеет формальный характер из-за реализации TRIPP
Территориальная целостность	2	Уступка Азербайджану (легитимация контроля над Карабахом)

Структуру трехсторонней декларации можно разделить на 5 смысловых частей:

1. Парафирование мира и признание необходимости ратификации может на данный момент означать уход от ответственности, когда нет сроков и механизмов реализации этого мира, например, нет графика для ратификации договора и условий для выполнения предварительных шагов на пути к миру.

2. Закрытие Минской группы и призыв к роспуску структур ОБСЕ выражается в ликвидации российского инструмента влияния.

3. «Беспрепятственное сообщение» в Нахичевань и «взаимовыгодные маршруты» для Армении.

4. Проект TRIPP – «рамочная программа» на территории Армении и при этом нет данных об управлении и сроках реализации.

5. Отказ от реванша не подкрепляется информацией об освобождении пленных, беженцах, делимитации границ, а также размещения миротворческого контингента.

Отдельным пунктом хотелось бы упомянуть игнорирование региональных акторов – Россия, Иран, Турция искусственно изолированы от соглашения. Их реакцию можно найти из заявлений представителей МИДа, к которым мы вернемся позже. Также хотелось бы отметить юридическое противоречие данной декларации, а именно проект TRIPP нарушает Конституцию Армении, в которой в статье № 6 говорится о недействительности международных договоров до момента их ратификации⁹, а также

⁹ Конституция Республики Армения // Президент Республики Армения. – 27.11.2005. – URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2005/> (дата обращения: 20.08.2025).

нарушается главный принцип Алма-Атинской декларации 1991 г. – невмешательства третьих стран во внутренние дела государства¹⁰.

Следовательно, опираясь на проведенный контент-анализ документа, можно сделать предположение о том, что США преследуют цель легитимизации военно-экономического сотрудничества в данном регионе. TRIPP дает Вашингтону рычаги влияния на транзит энергоносителей и товаров между Азией и Европой, ослабляя Китай в конкуренции за «Пояс и путь». Для Азербайджана данная декларация предоставляет юридическое закрепление права на коридор в Нахичевань без уступок по Зангезуру, а для Армении – получение символических «гарантий мира» ценой суверенитета над TRIPP.

При этом недавние высказывания представителей Армении свидетельствуют, что прерогатива функции контроля и безопасности обозначенного транспортного канала не будет находиться на плечах третьего государства, т.е. США. Как утверждает глава МИД Армении, этим будет заниматься непосредственно армянская сторона¹¹. Также, отвечая на выраженную Министерством иностранных дел Российской Федерации озабоченность относительно гипотетического присутствия третьих сторон на контрольно-пропускных пунктах, представитель армянской стороны дал разъяснения, что планируемое содействие носит исключительно инфраструктурный и институциональный характер¹².

Пытаясь определить влияние данного документа на каспийскую логистику и в целом положение дел на Южном Кавказе, хотелось бы отметить высказывания государственных деятелей непосредственно из Армении и Азербайджана.

Так, Азербайджан представил декларацию как дипломатическую победу и восстановление исторической справедливости. Премьер-министр Али Асадов подчеркнул, что требование о беспрепятственном сухопутном сообщении с Нахичеванью было принято Арменией, что укрепит роль Азербайджана в регионе. «Для этой цели предусмотрена специальная инфраструктурная инициатива, поддерживаемая США. Это создаст значительные изменения не только для Азербайджана, но и на экономической и

¹⁰ Алма-Атинская декларация // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 21.12.1991. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1701727/ (дата обращения: 20.08.2025).

¹¹ Американцы не будут контролировать участок маршрута через территорию Армении в рамках TRIPP – Мирзоян // АМИ «Новости-Армения». – 28.08.2025. – URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/amerikantsy-ne-budut-kontrolirovat-uchastok-marshruta-cherez-territoriyu-armenii-v-ramkakh-tripp-mir/> (дата обращения: 20.08.2025).

¹² На «маршруте Трампа» будет работать армянская таможня – по правилам ЕАЭС: глава КГД РА // AlphaneWS. – 19.08.2025. – URL: <https://alphaneWS.am/ru/na-marshrute-trampa-budet-rabotaty-a/> (дата обращения: 20.08.2025).

геополитической карте всего региона», – отметил Али Асадов¹³. Армения акцентировала важность документа для мира и стабильности. Замглавы МИД Армении Ваан Костанян назвал декларацию «исторической» и отметил, что она открывает возможности для нормализации отношений с Турцией¹⁴. Премьер-министр Никол Пашинян также указал на потенциальные экономические выгоды, включая железнодорожное сообщение с Россией и Ираном¹⁵. Однако представители оппозиционной партии «Армения» и фракции «Айастан» выражают опасения относительно соглашения. По их мнению, данный документ является угрозой суверенитету страны. Фракция «Армения» заявила, что документ легитимизирует «этнические чистки» в Нагорном Карабахе и создает риски новых конфликтов. Оппозиция также выразила опасения, что коридор через Зангезур ограничит суверенитет Армении¹⁶. МИД Ирана хоть и приветствовал устремления глав республик разрешить конфликт мирным путем, но отметил свои опасения из-за риска иностранного вмешательства, которое может подорвать безопасность у общих границ государств. В заявлениях МИД Ирана подчеркивалось, что создание транспортных коридоров должно осуществляться без иностранного вмешательства и с соблюдением интересов всех соседних государств¹⁷. Недавнее высказывание старшего советника Верховного лидера Исламской Республики аятоллы Сейеда Али Хаменеи, Али Акбар Велаяти о том, что Иран будет против открытия коридора, не обращая внимания на позицию Москвы¹⁸. Хотя можно отметить некое расхождение в отношении к изменениям в регионе. Так, пропрезидентские представители и сам президент ИРИ М. Пезешкиан доверяют

¹³ Премьер-министр: Требование о беспрепятственном сухопутном сообщении с Нахчываном было принято Арменией // APA GROUP. – 26.08.2025. – URL: <https://ru.apa.az/vneshnyaya-politika/premer-ministr-trebovanie-o-besprepyatstvennom-suxoputnom-soobshhenii-s-naxcuvanom-bylo-prinyato-armeniei-619407> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁴ Замглавы МИД Армении назвал «исторической» совместную мирную декларацию с Азербайджаном // Агентство «Анадолу». – 10.08.2025. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/замглавы-мид-армении-назвал-исторической-совместную-мирную-декларацию-с-азербайджаном/3655559> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁵ Пашинян рассказал, что изменит подписанная в США декларация в отношениях с РФ // Ведомости. – 09.08.2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/08/09/1130470-pashinyan-rasskazal> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁶ Подписанные в США соглашения содержат новые экзистенциальные угрозы – фракция «Армения» // Sputnik Армения. – 12.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250812/podpisannye-v-ssha-soglasheniya-soderzhat-novye-ekzistentsialnye-ugrozy--fraktsiya-armeniya-92227414.html> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁷ Реакция МИД Ирана на подписанную декларацию мира Арменией и Азербайджаном в Вашингтоне // ИА Караван Инфо. – 10.08.2025. – URL: <https://caravan-info.pro/reakcija-mid-irana-na-podpisannuju-deklaraciju-mira-armeniej-i-azerbajdzhanom-v-vashingtone/> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁸ Иран решил препятствовать созданию Зангезурского коридора – с Россией или без нее // ТВЦ. – 18.08.2025. – URL: <https://www.tvc.ru/news/323589> (дата обращения: 27.08.2025).

обещаниям по соблюдению «красных линий» о неразмещении американских войск на границе Армении и воспринимают маршрут как коммерческий транзит и не более¹⁹. Данное высказывание еще раз подкрепляет позицию Ирана в вопросе появления у своих границ стратегического оппонента – Соединенных Штатов.

С точки зрения экономической безопасности следует учитывать, что Армения тесно сотрудничает с Россией в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), будучи государством – членом Союза. При этом, согласно заверениям официальных лиц Армении, работа коридора будет осуществляться в полном соответствии с установленными правилами ЕАЭС²⁰, поскольку данный участок границы является неотъемлемой частью единой таможенной территории Союза. В связи с этим возникает законный вопрос о механизме интеграции проекта TRIPP в существующую таможенную логику ЕАЭС, который требует детальных разъяснений. Таким образом, относительно вопроса согласования в рамках ЕАЭС было заявлено, что специализированные дискуссии пока не инициированы, однако де-факто применение таможенного законодательства Союза неизбежно в силу того, что услуги будут оказываться национальными таможенными органами Армении.

Кроме того, касательно технической реализации глава Комитета госдоходов Армении указал, что конкретный формат и архитектура таможенной модели для указанной трассы на текущий момент не детализированы и будут предметом последующего изучения профильными рабочими группами в рамках операционализации достигнутых политических договоренностей.

Российская Федерация, в свою очередь, опирается на комментарий заместителя директора департамента информации и печати МИД РФ Алексея Фадеева, который выражает необходимость в более детальном изучении проекта коридора, а также Фадеев отметил, что «подключение внерегиональных сил на Южном Кавказе должно продвигать мирную повестку, а не создавать новые проблемы и новые разделительные линии». Он также обратил внимание на членство Армении в ЕАЭС и наличие российских пограничников в Сюникской области – факты, с которыми необходимо считаться при строительстве такого коридора США²¹. В РБК вы-

¹⁹ «Два» Ирана и один «коридор». В Тегеране назревает кризис? // Sputnik Армения. – 18.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250818/dva-irana-i-odin-koridor-v-tegerane-nazrevaet-krizis-92478450.html> (дата обращения: 27.08.2025).

²⁰ На «маршруте Трампа» будет работать армянская таможня – по правилам ЕАЭС: глава КГД РА // Alphanews. – 19.08.2025. – URL: <https://alphanews.am/ru/na-marshrute-trampa-budet-rabotaty-a/> (дата обращения: 20.08.2025).

²¹ В России прокомментировали проект «Маршрут Трампа» на Южном Кавказе // Газета.ру. – 13.08.2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/08/13/26486834.shtml> (дата обращения: 26.08.2025).

разили сомнения в долгосрочной эффективности соглашения, особенно в свете исторической роли России как посредника. Эксперты отметили, что декларация пока лишь парафирована, а не подписана окончательно, и многие подобные документы в прошлом не доходили до реализации. Более того, успех декларации зависит от выполнения условий, таких как изменения в Конституции Армении и обеспечение реального суверенитета над транспортными коридорами. Подчеркивалось, что без этого соглашение может остаться символическим жестом²².

О реакции на армяно-азербайджанское решение при посредничестве США можно судить по недавно прошедшей встрече в рамках саммита Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). По заявлению некоторых азербайджанских СМИ, Россия заблокировала членство Азербайджана в ШОС²³, хотя ранее утверждалось, что данный шаг был инициирован лишь Индией, при этом российская сторона отказалась от комментариев, что также расценивается как реакция²⁴. Кроме того, личной встречи с Президентом Российской Федерации на саммите не произошло. Данное событие, конечно, не рассматривается как непосредственная реакция на подписанную Трехстороннюю декларацию, однако возможно как ответ на совокупность конфликтных ситуаций между двумя государствами за последнее время.

Таким образом, оценки мирной декларации и проекта коридора TRIPP неоднозначно воспринимаются как сторонами конфликта, так и ближайшими соседями. Например, для Азербайджана данное событие – безусловная дипломатическая победа и ключ к укреплению региональной роли через сухопутную связь с Нахичеванью. Официальный информационный ресурс Еревана видит в соглашении исторический шанс на мир, стабильность и экономические выгоды (транзит, открытие границ и т.д.), а вот армянская оппозиция расценивает документ как прямую угрозу суверенитету страны, легитимизацию итогов войны и потенциал для новых конфликтов.

Со своей стороны, региональные державы выражают серьезные опасения. Россия акцентирует необходимость учета существующих интеграционных форматов, таких как ЕАЭС, и своих интересов безопасности,

²² Как Алиев и Пашинян договорились о «светлом будущем» и «коридоре Трампа» // РБК. – 09.08.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2025/6896e0a49a7947c490d89302> (дата обращения: 26.08.2025).

²³ Россия тоже активно участвовала в блокировке членства Азербайджана в ШОС // APA GROUP. – 05.09.2025. – URL: <https://ru.apa.az/vneshnyaya-politika/rossiya-toze-aktivno-ucastvovala-v-bloirovke-clenstva-azerbaidzana-v-sos-eksklyuziv-620352> (дата обращения: 06.09.2025).

²⁴ India blocks Azerbaijan's SCO bid as Pakistan considers ties with Armenia // AnewZ. – 01.09.2025. – URL: <https://anewz.tv/world/world-news/12607/india-blocks-azerbaijans-sco-bid-as-pakistan-considers-ties/news> (дата обращения: 06.09.2025).

включая наличие пограничников в Армении, выражая скепсис в отношении роли внерегиональных сил, в частности США. Иран разделен между пропрезидентским крылом и сторонниками традиционного подхода к действиям США на мировой арене. КСИР и его сторонники открыто заявляют о рисках иностранного вмешательства для безопасности рядом со своими границами и подчеркивает приоритет интересов всех соседних государств, в то время как приверженцы линии нынешнего президента высказываются за перспективность этого маршрута и уверены в маршруте только под суверенитетом Армении.

Неопределенность реализации и потенциальные риски также остаются существенными факторами. Декларация носит рамочный характер – она парафирована, но не подписана окончательно, а ее успех зависит от выполнения множества сложных условий, включая внесение изменений в Конституцию Армении и выработку режима работы коридора. Более того, проект TRIPP, вместо однозначного укрепления стабильности, может создать новые линии напряженности как внутри стран, так и на региональном уровне, отесняя традиционных игроков и обостряя стратегическую конкуренцию.

Следовательно, мнения поляризованы, а позиции разнятся от «светлого будущего» с США, до дестабилизации баланса сил на Южном Кавказе.

По мнению авторов, примечательна сама ситуация, когда миротворческие усилия РФ с 2020–2022 гг. хоть и позволили «заморозить» конфликт, но не смогли привести стороны к заключению мирного договора, а США под руководством Д. Трампа удалось это приблизить. Почему США удалось сменить Москву на Южном Кавказе и были ли предпосылки к повороту на Запад южнокавказских республик? Для этого возможным представляется рассмотреть, например, генезис риторики в российско-азербайджанских отношениях.

Так, в 2024–2025 гг. проявились тенденции, свидетельствующие о постепенном усилении критической риторики со стороны президента Азербайджана Ильхама Алиева в отношении Москвы. Если в более ранний период подобные заявления ограничивались критикой советского прошлого²⁵ и замечаниями о работе российского миротворческого контингента в Карабахе, то в 2024–2025 гг. они приобрели более жесткий и практический характер. Одним из ключевых эпизодов стало крушение самолета E-190 Азербайджанских авиалиний в декабре 2024 г. Алиев открыто возложил ответственность на российскую систему ПВО, потребовав официальных извинений и признания вины. В его словах содержался прямой упрек в адрес Москвы: «Первое – российская сторона должна извиниться

²⁵ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о тридцатой годовщине трагедии 20 января // Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. – 20.01.2025. – URL: <https://president.az/ru/articles/view/35175> (дата обращения: 26.08.2025).

перед Азербайджаном. Второе – признать свою вину...»²⁶, а после принесенных извинений Баку обвинил Москву в попытках «замять инцидент»²⁷.

В мае 2025 г. новый политический сигнал был подан демонстративным отказом Алиева от участия в параде Победы в Москве, что СМИ интерпретировали как дипломатический демарш. Летом 2025 г. кризис достиг новой стадии: в Екатеринбурге в результате силовой операции погибли двое граждан Азербайджана, что вызвало резкое осуждение со стороны Алиева. Он назвал произошедшее «беспрецедентным актом насилия»²⁸. В ответ Баку закрыл «Русский дом» в столице и инициировал аресты российских журналистов.

Противоречивая позиция руководства Армении привела к тому, что большинство ключевых пунктов соглашений, достигнутых под эгидой России в 2020–2022 гг. (например, по разблокировке транспортных коммуникаций, защите суверенитета Армении от пограничных столкновений), стало невозможно реализовывать. Российская модель «заморозки» конфликта перестала устраивать Ереван, который искал более «открытые» условия и гарантии. По словам Н. Пашиняна: «Мы видели попытки направить процесс в такое русло, где были бы ущемлены суверенитет, территориальная целостность и юрисдикция Армении. С этим мы ни при каких обстоятельствах не могли согласиться», – и также он отметил, что Вашингтон предложил не просто мир, а конкретный экономический проект, сулящий стабильность и развитие²⁹. Согласно Forbes, прогресс в урегулировании начался в марте 2025 г. с визита специального представителя президента США Стива Уиткоффа, а также публикации от Фонда Карнеги³⁰ и заявления посла США в Турецкой Республике о Зангезурском коридоре³¹, что свидетельствует об активных контактах

²⁶ Алиев потребовал от России компенсаций за крушение самолета // Кавказский Узел. – 29.12.2024. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.media/articles/407104> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁷ Tensions are rising between Russia and Azerbaijan. Why is this happening now? // Alpha-news. – 02.07.2025. – URL: <https://apnews.com/article/russia-azerbaijan-putin-aliyev-tensions-relations-627104d770071082be26c189161b1ac9> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁸ Relations nose-dive between Russia and former close ally Azerbaijan // Washington Post. – 03.07.2025. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/07/03/russia-azerbaijan-relations-arrests/?head=true&utm> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁹ «Россия так и не смогла»: о чем Азербайджан и Армения договорились при участии Трампа // RTVI. – 09.08.2025. – URL: <https://rtvi.com/news/rossiya-tak-i-ne-smogla-o-chem-azerbajdzhan-i-armeniya-dogovorilis-pri-uchastii-trampa/> (дата обращения: 26.08.2025).

³⁰ Vartanyan O. Why Armenia is Seeking to Normalize Relations with Turkiye // Carnegie Endowment. – 01.07.2025. – URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/06/armenia-turkiye-rapprochement?lang=en> (дата обращения: 27.08.2025).

³¹ America's High-Stakes Bet On Zangezur: How A U.S.-Led Corridor Could Slash Europe's Energy Costs and Counter Russia // Forbes. – 18.07.2025. – URL: <https://www.forbes.com/sites/guneyyildiz/2025/07/18/americas-high-stakes-bet-on-zangezur-how-a-us-led-corridor-could-slash-europes-energy-costs-and-counter-russia/> (дата обращения: 27.08.2025).

американской администрации с руководством республик начиная с весны 2025 г.³² Также реакция российского МИДа, который не смог дать ясную оценку событию, свидетельствует о кризисе стратегического планирования. РФ, сосредоточенная на других внешнеполитических направлениях (проведение СВО), недооценила решимость США перехватить инициативу, а возможно, и не видела смысла в удержании роли посредника в ее традиционной зоне влияния. Как отмечает политик О. Царев, влияние России на Кавказе резко уменьшится в результате этой сделки, через Зангезурский коридор и Каспий туркменский газ пойдет в Европу, минуя Россию. Установление американо-турецкого контроля над новыми логистическими маршрутами приведет к укреплению блока тюркских государств под эгидой Турции. Также хотелось бы привести цитату лидера партии «Просвещенная Армения» Эдмона Марукяна: «Подписав этот документ, Азербайджан официально стал владельцем инфраструктуры, которая будет строиться на территории Армении с участием иностранного государства»³³. Таким образом, стратегические приобретения одних сторон будут реализованы за счет ослабления позиций России и Армении в регионе, а также усилит напряженность с соседом – Ираном³⁴.

Маршрут TRIPP включает в себя следующие города и инфраструктурные сооружения:

1) на территории Армении это г. Мегри (приграничный город в Сюникской области), г. Агарак, в котором происходит соединение с ж/д инфраструктурой Армении и участок вдоль реки Аракс, где маршрут проходит вдоль границ с Ираном;

2) на территорию Азербайджана маршрут следует через железнодорожную линию Горадиз-Агбенд, которая интегрируется с основной транспортной сетью, ведущей к Баку и порту Алят в Каспии. Также через железнодорожный узел Джульфа можно соединиться с Турцией и Ираном.

3) с Турцией маршрут по плану соединяется с железнодорожным маршрутом Карс-Нахичевань, который еще строится, и позволяет получить доступ к средиземноморским портам Турции.

Таким образом, предварительный анализ маршрута данного коридора позволяет отметить следующее: 1) коридор TRIPP проходит через ключевые пункты Армении (Мегри, Агарак) и Азербайджана (Горадиз-

³² США получают контроль над стратегическим транспортным коридором на Южном Кавказе // Forbes. – 07.08.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/543513-ssa-polucat-kontrol-nad-strategiceskim-transportnym-koridorom-na-uznom-kavkaze> (дата обращения: 26.08.2025).

³³ Что изменит проект TRIPP для Армении и Южного Кавказа // DW. – 09.08.2025. – URL: <https://d1jefpb3wcms4g.cloudfront.net/ru/cto-izmenit-proekt-tripp-dla-armenii-i-uznogo-kavkaza/a-73578008> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁴ Политик предрек снижение влияния России на Кавказе из-за США // Lenta.ru. – 08.08.2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/08/politik-predrek-snizhenie-vliyaniya-rossii-na-kavkaze-iz-za-ssha/> (дата обращения: 26.08.2025).

Агбенд, Джульфа), соединяясь с турецкой сетью через строящуюся ветку Карс-Нахичевань; 2) этот маршрут создает альтернативный логистический путь в обход Ирана, усиливая транспортную интеграцию между Каспийским регионом и Турцией.

Если обратить внимание на географию маршрута, то можно отметить, что данный маршрут сократит логистические издержки, увеличит объем торговли, а согласно расчетам директора Института общественной политики (Киргизия), Ш. Бактыгулова, приведет к росту мировой торговли на 50–100 млрд долл. ежегодно и сокращение времени поставок груза на 12–15 часов, а для Центральной Азии данный проект способен открыть перспективы для экономического роста³⁵. Для Азербайджана доступ к Нахичевани устраняет зависимость от транзита через Иран, а также открывает возможность стыковки с Транскаспийским международным транспортным маршрутом (далее – ТМТМ). Также, по словам вице-премьера Азербайджана Ш. Мустафаева, данный коридор усилит транзитную роль Азербайджанской Республики в поставках энергоносителей в Европу³⁶. Более того, по заявлению американского политолога и приглашенного старшего эксперта Атлантического совета А. Коэна, данный коридор решает стратегическую задачу по глобальным усилиям для создания коридора, который способен диверсифицировать цепочки грузоперевозок в обход Российской Федерации и Исламской Республики Иран, а сотрудничество Азербайджана и Турции в сфере логистики по данному маршруту, по словам политолога, открывает более безопасное направление для перевозок товаров и грузов, чем по МТК «Север – Юг». Также куда более важным для развития торговли Южного Кавказа и Центральной Азии А. Коэн считает потенциальное сопряжение с ТМТМ, что сулит значительные выгоды для всех сторон³⁷.

Для Армении, по оценкам армянских экспертов – экономиста А. Фарманян и Каспийского исследовательско-аналитического центра (KharCenter), успех реализации амбициозного проекта зависит от согласования текста и условий декларации с принципами ЕАЭС. Так, А. Фарманян приводит основной принцип ЕАЭС, согласно которому товары, проходящие через единую таможенную территорию Союза, подлежат единому таможенному контролю, а сам статус данного маршрута

³⁵ TRIPP-эффект: Баку, Вашингтон и Ереван открыли ворота в Евразию // Caliber. – 15.08.2025. – URL: <https://caliber.az/post/tripp-effekt-baku-vashington-i-erevan-otkryli-vorota-v-evraziyu> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁶ Вице-премьер: Реализация проекта TRIPP получила согласование в Армении // Vesti.az. – 27.08.2025. – URL: <https://vesti.az/politika/vice-premer-realizaciya-proekta-tripp-polucila-soglasovanie-v-armenii-556054> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁷ Экономический потенциал Зангезурского коридора: Взгляд американского эксперта // Media.az. – 12.08.2025. – URL: <https://media.az/politika/ekonomicheskij-potencial-zangezurskogo-koridora-vzglyad-amerikanskogo-eksperta> (дата обращения: 28.08.2025).

еще не определен, поэтому ставится вопрос о контроле таможенных органов Армении за грузопотоком. Если контроля не будет, то принципы ЕАЭС будут нарушаться в одностороннем формате. Также он обращает внимание на нереалистичность получения заявленных в миллиарды доходов от коридора. По его мнению, максимальная выгода от маршрута ограничивается значениями в \$80–100 млн в год, а не миллиарды³⁸. Конечно, как заявляет экономист, Армения теперь выбирается из логистической региональной изоляции, но насколько готовы другие страны сотрудничать в таких обстоятельствах? Вопросы функционирования потенциального коридора также обсуждаются экспертами KharCenter, которые приводят противоречащие друг другу принципы транзита по территории государства. Это определяется положениями из мирной декларации в статье 3, где упоминается строительство маршрута на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и юрисдикции государств и в этом же тексте упоминается беспрепятственный проход через территорию³⁹. Эксперты подчеркивают, что совмещение суверенного контроля государства и требования беспрепятственного транзита создает правовой парадокс: если «беспрепятственное» движение исключает традиционные таможенные и пограничные процедуры, это ограничивает суверенные права государства. В то же время сохранение любого формата проверок фактически лишает термин «беспрепятственный» его первоначального смысла⁴⁰.

Для России, активно реализующей МТК «Север – Юг», заявления о создании маршрутов в обход ее инфраструктуры в очередной раз способны привести к снижению товарооборота по западному направлению коридора, так как фактически маршрут TRIPP станет привлекательнее для выхода на рынки Европы из Индии и Персидского залива, не взаимодействуя с государством под санкциями. Также потенциальное соединение TRIPP с Средним коридором способно уменьшить зависимость стран Центральной Азии от российского транзита, что может стать результатом

³⁸ Больше пользы или вреда? Попунктно о том, как «маршрут Трампа» противоречит принципам ЕАЭС // Sputnik Армения. – 20.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250820/bolshe-polzy-ili-vreda-popunktno-o-tom-kak-marshrut-trampa-protivorechit-printsipam-eaes-92502907.html> (дата обращения: 28.08.2025).

³⁹ Joint Declaration by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the United States of America on the outcomes of their meeting in Washington D.C., United States of America // The Prime Minister of the Republic of Armenia. – 09.08.2025. – URL: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2025/08/09/Nikol-Pashinyan-visit-US-declaration/> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴⁰ Маршрут TRIPP: от беспрепятственного прохода к суверенному контролю? // KharCenter. – 13.08.2025. – URL: <https://www.kharcenter.com/ru/ekspertnyye-kommentarii/marsrut-tripp-ot-besprepiatstvennogo-proxoda-k-suverennomu-kontroliu> (дата обращения: 28.08.2025).

снижения экономического влияния РФ в регионе⁴¹. Потенциально для России маршрут Трампа не пойдет на пользу, ведь реализация данного коридора делает ключевыми транзитными хабами в Каспийском бассейне и Южном Кавказе Азербайджан и Турцию, тем самым исключая Россию. Упомянутые заявления эксперта из Киргизии, а также стремление президента Казахстана развивать ТМТМ подкрепляют намерения стран Центральной Азии интегрироваться в европейско-азиатское торговое сотрудничество⁴².

Однако некоторые высказывания свидетельствуют об отсутствии серьезной угрозы, ввиду «регионального характера» маршрута⁴³. При этом появляется другое опасение – «маршрут Трампа» инфраструктурно дополняет структуру Транскаспийского МТК (или «Средний коридор»), который предлагает альтернативу северному транзиту через Россию и более протяженным морским коридорам. При реализации проекта трансконтинентальные грузопотоки могут получить возможность следовать через территорию Армении и Азербайджана, формируя альтернативный маршрут между Европой и Азией, минуя Россию. Однако российские стороны продолжают обнадеживать, так, вице-премьер правительства России Алексей Оверчук утверждает, что реализация проекта по созданию транспортного маршрута через Армению будет содействовать интеграции в общую транспортную инфраструктуру Евразийского континента, повышая уровень транспортной связанности между Арменией и Российской Федерацией⁴⁴.

Таким образом, для евразийской интеграции коридор TRIPP создает альтернативный логистический маршрут, связывающий Каспийский регион и страны Центральной Азии с Турцией через Армению и Азербайджан, в обход России и Ирана. Для Армении проект несет риски нарушения правил ЕАЭС из-за противоречия между требованиями беспрепятственного транзита и необходимостью сохранения суверенного контроля. Реализация коридора ослабляет экономическое и геополитическое влияние России в регионе, перенося транзитные потоки в сферу

⁴¹ Каспий под давлением: как «Маршрут Трампа» меняет баланс сил в каспийском регионе // Новости ОДКБ. – 10.08.2025. – URL: <https://odkb.news/40636-kaspij-pod-davleniem-kak-marshrut-trampa-menjaet-balans-sil-v-kaspijskom-regione.html> (дата обращения: 28.08.2025).

⁴² Президент поручил уделить особое внимание развитию транскаспийского международного транспортного маршрута // Sputnik Казахстан. – 10.04.2025. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20250410/perevozki-po-tmtm-v-2024-vyrosli-na-62-i-sostavili-45-mln-tonn-dolozhil-ministr-tokaevu--52360009.html> (дата обращения: 28.08.2025).

⁴³ МТК «Север – Юг» и «мост Трампа»: перспективы и препятствия в новых геополитических реалиях // Eurasia Today. – 04.09.2025. – URL: <https://eurasiatoday.ru/mtk-sever-yug-i-most-trampa-perspektivy-i-prepyatstviya-v-novyh-geopoliticheskikh-realiyah/> (дата обращения: 06.09.2025).

⁴⁴ Оверчук: трехсторонняя группа по Южному Кавказу сформулировала все решения // ТАСС. – 07.09.2025. – URL: <https://tass.ru/interviews/24981181> (дата обращения: 28.08.2025).

интересов США и Турции. Центральноазиатские страны получают возможность диверсификации экспортных маршрутов и снижения зависимости от российских транспортных сетей. Проект меняет баланс сил в регионе, усиливая позиции Азербайджана и Турции как ключевых транзитных хабов.

Какие же перспективы имеются у России при условии реализации маршрута Трампа? При помощи SWOT-анализа предлагается выделить имеющиеся сильные стороны проекта, его слабости, потенциальные выгоды и угрозы реализации.

Таблица 2

**SWOT-анализ влияния транспортного коридора TRIPP
на евразийскую логистику**

Strenghts	Weaknesses
• Коридор соединяет ключевые регионы Евразии через оптимальный маршрут. • При поддержке США создание современной инфраструктуры с железнодорожными, энергетическими и цифровыми коммуникациями. • Поддержка со стороны США и вовлечение международных корпораций. • Возможность увеличения объема торговли на \$50–100 млрд ежегодно. • Уменьшение времени транспортировки грузов на 12–15 часов	• Нарушение Конституции Армении и принципов Алма-Атинской декларации. • Отсутствие четкого определения таможенного контроля в условиях ЕАЭС. • Завышенные оценки доходов (фактические \$80–100 млн вместо миллиардов). • Оппозиция в Армении и риск внутренних конфликтов. Передача контроля американской компании на 99 лет
Opportunities	Threats
• Создание альтернативы существующим транспортным коридорам. • Соединение рынков Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы. • Стимулирование экономического роста в приграничных районах. • Нормализация отношений между Арменией и Турцией. • Внедрение современных логистических технологий в регионе	• Обострение отношений между США, Россией и Ираном. • Разделение евразийских транспортных потоков. • Подрыв интеграционных процессов в рамках Евразийского союза. • Военизация региона и возможность конфликтов. • Усиление влияния США на транспортные потоки Евразии. • Ограничение суверенитета Армении над грузопотоками, проходящими по ее территории

Следовательно, опираясь на проведенный SWOT-анализ влияния маршрута Трампа на евразийскую логистику, можно выделить следующие положения.

– Проект предлагает технологически современное решение для соединения ключевых регионов Евразии.

– Юридические и политические противоречия создают значительные риски устойчивости проекта.

– TRIPP усиливает конкуренцию между транспортными коридорами, что может привести к оптимизации логистических цепей.

– Основной парадокс: проект одновременно способствует экономической интеграции и геополитической дезинтеграции в регионе.

Реализация американо-армянского транспортного коридора представляет собой системный вызов логистическим интересам Российской Федерации в Евразии. Несмотря на сохраняющиеся конкурентные преимущества России в виде уникального географического положения, преимущественно развитой инфраструктуры МТК «Север – Юг» и энергетических рычагов влияния, проект создает серьезные угрозы переформатирования сложившейся архитектуры транспортных потоков. Ключевыми вызовами становятся потенциальная потеря до 40% грузопотока по западному направлению МТК «Север – Юг», усиление конкуренции со стороны альтернативных маршрутов (Средний коридор, ТМТМ), а также нарастающее технологическое отставание российской логистической инфраструктуры. Санкционное давление и бюрократические барьеры дополнительно ограничивают возможности модернизации. В этих условиях стратегическими приоритетами для России должны стать ускоренное развитие портовой инфраструктуры на Каспии (Транскаспийская ветвь маршрута МТК) и Дальнем Востоке, активное использование Северного морского пути, внедрение цифровых технологий в логистику и укрепление сотрудничества со странами БРИКС. Особое значение приобретает предложение конкурентных тарифных условий и углубление интеграции в ЕАЭС, как способ удержать Армению в институциональных рамках влияния.

Реализация TRIPP актуализирует необходимость комплексного ответа, сочетающего модернизацию собственной инфраструктуры с усилением геоэкономических позиций России в евразийском логистическом пространстве. Успех будет определяться способностью адаптироваться к новой конфигурации транспортных коридоров, поддерживая должный уровень конкурентоспособности.

Следовательно, проведенный анализ Трехсторонней декларации о создании транспортного коридора TRIPP позволяет сделать вывод о фундаментальном переформатировании баланса сил в Закавказье. Данный проект представляет собой не просто инфраструктурную инициативу, а комплексный стратегический инструмент, способный изменить геоэкономическую и геополитическую архитектуру региона.

Реализация коридора знаменует переход от традиционной логики военно-политического противостояния к модели экономико-логистической интеграции под патронажем США, что свидетельствует о снижении влияния России как исторического посредника и усилении роли внерегиональных акторов. Экономические потенциальные выгоды проекта – увеличение торгового оборота, сокращение логистических издержек и подключение к глобальным цепям поставок – сопровождаются серьезными рисками фрагментации евразийской логистики и ослабления позиций МТК «Север – Юг». Отдельные вопросы вызывают юридические противоречия проекта, связанные с нарушением конституционных норм Армении и принципов международного права, что создает угрозу устойчивости достигнутых договоренностей. Парадокс между требованием «беспрепятственного транзита» и необходимостью сохранения суверенного контроля ставит под вопрос практическую реализацию декларации.

Для России TRIPP представляет системный вызов, требующий глобального пересмотра внешнеполитического курса в Закавказье. Стратегический ответ должен включать ускоренную модернизацию транспортной инфраструктуры, развитие цифровых логистических решений, укрепление интеграционных механизмов в рамках ЕАЭС и выработку конкурентных тарифных условий. Успех будет определяться способностью адаптироваться к новой конфигурации транспортных коридоров, при этом сохраняя собственное влияние в регионе.

Перспективы реализации проекта остаются неопределенными из-за политической нестабильности в регионе, потенциальной негативной реакции региональных акторов и внутренних противоречий в тексте документа, которые не учитывают условия транзита в рамках ЕАЭС. TRIPP может стать как драйвером экономического развития, так и источником новой конфронтации при недостаточном уровне коммуникаций по данному коридору с Россией и Ираном.

Список источников и литературы

1. Алиев потребовал от России компенсаций за крушение самолета // Кавказский Узел. – 29.12.2024. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.media/articles/407104> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Алма-Атинская декларация (подписана 21.12.1991) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1701727/ (дата обращения: 20.08.2025).
3. Американцы не будут контролировать участок маршрута через территорию Армении в рамках TRIPP – Мирзоян // АМИ «Новости-Армения». – 28.08.2025. – URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/amerikantsy-ne-budut-kontrolirovat>

- uchastok-marshruta-cherez-territoriyu-armenii-v-ramkakh-tripp-mir/ (дата обращения: 28.08.2025).
4. Больше пользы или вреда? Попунктно о том, как «маршрут Трампа» противоречит принципам ЕАЭС // Sputnik Армения. – 20.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250820/bolshe-polzy-ili-vreda-popunktno-o-tom-kak-marshrut-trampa-protivorechit-printsipam-eaes-92502907.html> (дата обращения: 28.08.2025).
 5. В России прокомментировали проект «Маршрут Трампа» на Южном Кавказе // Газета.ru. – 13.08.2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/08/13/26486834.shtml> (дата обращения: 26.08.2025).
 6. Вице-премьер: Реализация проекта TRIPP получила согласование в Армении // Vesti.az. – 27.08.2025. – URL: <https://vesti.az/politika/vice-premer-realizaciya-proekta-tripp-polucila-soglasovanie-v-armenii-556054> (дата обращения: 27.08.2025).
 7. Два Ирана и один «коридор». В Тегеране назревает кризис? // Sputnik Армения. – 18.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250818/dva-irana-i-odin-koridor-v-tegerane-nazrevaet-krizis-92478450.html> (дата обращения: 27.08.2025).
 8. Замглавы МИД Армении назвал «исторической» совместную мирную декларацию с Азербайджаном // Агентство «Анадолу». – 10.08.2025. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/замглавы-мид-армении-назвал-исторической-совместную-мирную-декларацию-с-азербайджаном/3655559> (дата обращения: 26.08.2025).
 9. Иран решил препятствовать созданию Зангезурского коридора – с Россией или без нее // ТВЦ. – 18.08.2025. – URL: <https://www.tvc.ru/news/323589> (дата обращения: 27.08.2025).
 10. Как Алиев и Пашинян договорились о «светлом будущем» и «коридоре Трампа» // РБК. – 09.08.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2025/6896e0a49a7947c490d89302> (дата обращения: 26.08.2025).
 11. Каспий под давлением: как «Маршрут Трампа» меняет баланс сил в каспийском регионе // Новости ОДКБ. – 10.08.2025. – URL: <https://odkb.news/40636-kaspij-pod-davleniem-kak-marshrut-trampa-menjaet-balans-sil-v-kaspijskom-regione.html> (дата обращения: 28.08.2025).
 12. Конституция Республики Армения (принята 27.11.2005) // Президент Республики Армения. – URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2005/> (дата обращения: 20.08.2025).
 13. Маршрут TRIPP: от беспрепятственного прохода к суверенному контролю? // KharCenter. – 13.08.2025. – URL: <https://www.kharcenter.com/ru/ekspertnyye-komentarii/marsrut-tripp-ot-besprepiatstvennogo-proxoda-k-suverennomu-kontroliu> (дата обращения: 28.08.2025).
 14. МТК «Север – Юг» и «мост Трампа»: перспективы и препятствия в новых геополитических реалиях // Eurasia Today. – 04.09.2025. – URL: <https://eurasia-today.ru/mtk-sever-yug-i-most-trampa-perspektivy-i-prepyatstviya-v-novyh-geopoliticheskikh-realiyah/> (дата обращения: 06.09.2025).

15. На «маршруте Трампа» будет работать армянская таможня – по правилам ЕАЭС: глава КГД РА // Alphanews. – 19.08.2025. – URL: <https://alphanews.am/ru/na-marshrute-trampa-budet-rabotaty-a/> (дата обращения: 28.08.2025).
16. Пашинян рассказал, что изменит подписанная в США декларация в отношениях с РФ // Ведомости. – 09.08.2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/08/09/1130470-pashinyan-rasskazal> (дата обращения: 26.08.2025).
17. Подписанные в США соглашения содержат новые экзистенциальные угрозы – фракция «Армения» // Sputnik Армения. – 12.08.2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250812/podpisannye-v-ssha-soglasheniya-soderzhat-novye-ekzistentsialnye-ugrozy--fraktsiya-armeniya-92227414.html> (дата обращения: 26.08.2025).
18. Политик предрек снижение влияния России на Кавказе из-за США // Lenta.ru. – 08.08.2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/08/politik-predrek-snizhenie-vliyaniya-rossii-na-kavkaze-iz-za-ssha/> (дата обращения: 26.08.2025).
19. Президент поручил уделить особое внимание развитию транскаспийского международного транспортного маршрута // Sputnik Казахстан. – 10.04.2025. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20250410/perevozki-po-tmtm-v-2024-vyrosli-na-62-i-sostavili-45-mln-tonn-dolozhil-ministr-tokaevu--52360009.html> (дата обращения: 28.08.2025).
20. Премьер-министр: Требование о беспрепятственном сухопутном сообщении с Нахчываном было принято Арменией // APA GROUP. – 26.08.2025. – URL: <https://ru.apa.az/vneshnyaya-politika/premer-ministr-trebovanie-o-besprepyatstvennom-suxoputnom-soobshhenii-s-naxcyvanom-bylo-prinyato-armeniei-619407> (дата обращения: 26.08.2025).
21. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о тридцатой годовщине трагедии 20 января // Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. – 20.01.2025. – URL: <https://president.az/ru/articles/view/35175> (дата обращения: 26.08.2025).
22. Реакция МИД Ирана на подписанную декларацию мира Арменией и Азербайджаном в Вашингтоне // ИА Караван Инфо. – 10.08.2025. – URL: <https://caravan-info.pro/reakcija-mid-irana-na-podpisannuju-deklaraciju-mira-armeniej-i-azerbajdzhanom-v-vashingtone/> (дата обращения: 26.08.2025).
23. Россия так и не смогла: о чем Азербайджан и Армения договорились при участии Трампа // RTVI. – 09.08.2025. – URL: <https://rtvi.com/news/rossiya-tak-i-ne-smogla-o-chem-azerbajdzhan-i-armeniya-dogovorilis-pri-uchastii-trampa/> (дата обращения: 26.08.2025).
24. Россия тоже активно участвовала в блокировке членства Азербайджана в ШОС // APA GROUP. – 05.09.2025. – URL: <https://ru.apa.az/vneshnyaya-politika/rossiya-toze-aktivno-ucastvovala-v-blokirovke-clenstva-azerbaidzana-v-sos-ekslyuziv-620352> (дата обращения: 06.09.2025).
25. США получат контроль над стратегическим транспортным коридором на Южном Кавказе // Forbes. – 07.08.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/543513-ssa-polucat-kontrol-nad-strategiceskim-transportnym-koridorom-na-uznom-kavkaze> (дата обращения: 26.08.2025).

26. Что изменит проект TRIPP для Армении и Южного Кавказа // DW. – 09.08.2025. – URL: <https://d1jefpb3wcms4g.cloudfront.net/ru/cto-izmenit-proekt-tripp-dla-armenii-i-uznogo-kavkaza/a-73578008> (дата обращения: 27.08.2025).
27. Экономический потенциал Зангезурского коридора: Взгляд американского эксперта // Media.az. – 12.08.2025. – URL: <https://media.az/politika/ekonomicheskij-potencial-zangezurskogo-koridora-vzglyad-amerikanskogo-eksperta> (дата обращения: 28.08.2025).
28. TRIPP-эффект: Баку, Вашингтон и Ереван открыли ворота в Евразию // Caliber. – 15.08.2025. – URL: <https://caliber.az/post/tripp-effekt-baku-vashington-i-erevan-otkryli-vorota-v-evraziyu> (дата обращения: 27.08.2025).
29. Aliyeva N. The Study of the Historical Geography of Nakhchivan in the 19th-20th Centuries in the Period of Independence in Azerbaijani Historiography // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. – 2023. – № 3 (39). – DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30092023/8024.
30. America's High-Stakes Bet On Zangezur: How A U.S.-Led Corridor Could Slash Europe's Energy Costs and Counter Russia // Forbes. – 18.07.2025. – URL: <https://www.forbes.com/sites/guneyyildiz/2025/07/18/americas-high-stakes-bet-on-zangezur-how-a-us-led-corridor-could-slash-europes-energy-costs-and-counter-russia/> (дата обращения: 27.08.2025).
31. Charter on Strategic Partnership Between the United States of America and the Republic of Armenia // U.S. Embassy in Armenia. – 15.01.2025. – URL: <https://am.usembassy.gov/charter-on-strategic-partnership-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-armenia/> (дата обращения: 20.08.2025).
32. India blocks Azerbaijan's SCO bid as Pakistan considers ties with Armenia // AnewZ. – 01.09.2025. – URL: <https://anewz.tv/world/world-news/12607/india-blocks-azerbajjans-sco-bid-as-pakistan-considers-ties/news> (дата обращения: 06.09.2025).
33. Joint Declaration by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the United States of America on the outcomes of their meeting in Washington D.C., United States of America // The Prime Minister of the Republic of Armenia. – 09.08.2025. – URL: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2025/08/09/Nikol-Pashinyan-visit-US-declaration/> (дата обращения: 20.08.2025).
34. Relations nose-dive between Russia and former close ally Azerbaijan // Washington Post. – 03.07.2025. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/07/03/russia-azerbaijan-relations-arrests/> (дата обращения: 28.08.2025).
35. Tensions are rising between Russia and Azerbaijan. Why is this happening now? // Alphanews. – 02.07.2025. – URL: <https://apnews.com/> (дата обращения: 28.08.2025).
36. Trump's Road TRIPP Delivers a Deal // Center for European Policy Analysis. – 13.08.2025. – URL: <https://cepa.org/article/trumps-road-tripp-delivers-a-peace-deal/> (дата обращения: 20.08.2025).
37. Tsutsiev A.A. Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus. – New Haven: Yale University Press, 2014. – 221 p.

38. Vartanyan O. Why Armenia is Seeking to Normalize Relations with Turkiye // Carnegie Endowment. – 01.07.2025. – URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/06/armenia-turkiye-rapprochement?lang=en> (дата обращения: 27.08.2025).
39. Washington's Gambit: How the US is Rebooting the Geopolitics of the South Caucasus // Geopoliticalmonitor. – 19.08.2025. – URL: <https://www.geopolitical-monitor.com/washingtons-gambit-how-the-us-is-rebooting-the-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (дата обращения: 20.08.2025).

ЕАЭС И ШОС КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

БЛУДОВА Светлана Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и таможенной статистики, Российская таможенная академия

E-mail: s.bludova@customs-academy.ru

SPIN-код: 2332-7075

ORCID: 0000-0002-7768-9884

ДРУГАШОВА Дарья Денисовна

студент, Российская таможенная академия

E-mail: dd.drugashova22@customs-academy.ru

ORCID: 0009-0004-8210-8345

Для цитирования: *Блудова С.Н., Другашова Д.Д.* ЕАЭС и ШОС как альтернативные модели экономической интеграции в многополярном мире: потенциал развития в условиях санкционных ограничений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 71–81. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.04.

Аннотация. В научной статье рассматриваются Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в качестве альтернативно развивающихся интеграционных объединений в многополярном мире. Анализируются причины, направления развития и преимущества от членства в данных организациях, а также влияние санкций на страны-участницы и на объединения в целом. В статье исследуется роль ЕАЭС и ШОС в формировании конъюнктуры мирового рынка, вследствие чего проводится анализ и сопоставление макроэкономических показателей объединений, что позволяет рассмотреть потенциал развития организаций под санкционным давлением.

Ключевые слова: ЕАЭС, ШОС, санкции, санкционные ограничения, ВВП, производство, промышленная продукция, торгово-логистические пути, многополярность, валюта.

EAEU and SCO as Alternative Models of Economic Integration in Multipolar World: Development Potential Under Conditions of Sanction Restrictions

Svetlana N. BLUDOVA

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of World Economy
and Customs Statistics, Russian Customs Academy

E-mail: s.bludova@customs-academy.ru

SPIN-code: 2332-7075

ORCID: 0000-0002-7768-9884

Daria D. DRUGASHOVA

Student, Russian Customs Academy

E-mail: dd.drugashova22@customs-academy.ru

ORCID: 0009-0004-8210-8345

For citation: Bludova S.N., Drugashova D.D. (2026). EAEU and SCO as Alternative Models of Economic Integration in Multipolar World: Development Potential Under Conditions of Sanction Restrictions. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 71–81. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.04.

Abstract. The scientific article examines the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) as alternatively developing integration associations in a multipolar world. The reasons, directions of development and benefits of membership in these organizations, as well as the impact of sanctions on member countries and on the associations as a whole are analyzed. The article examines the role of the EAEU and SCO in shaping the global market situation, as a result of which an analysis and comparison of macroeconomic indicators of the associations is carried out, which allows us to consider the development potential of organizations under sanctions pressure.

Keywords: EAEU, SCO, sanctions, sanction restrictions, GDP, production, industrial output, trade and logistics routes, multipolarity, currency.

Современная мировая экономика характеризуется высокой степенью динамизма. Так, процессы глобализации все больше приобретают черты регионализации, характеризующейся политическими конфликтами, экономическими санкциями, а также закрытием границ. Все более актуальным становится многополярность современных международных отношений, представляющая собой концепцию распределения власти и политического, экономического, социокультурного и иного влияния между несколькими субъектами международных отношений. В связи с возникающими противоречиями и геополитическими кризисами на разных континентах, возникают новые торговые и экономические союзы и торговые партнеры. Все это оказывает влияние на мировую экономику и формирует многополярный мир. ЕАЭС и ШОС являются крупными интеграционными объединениями, в рамках которых развивается взаимная торговля и экономическое

сотрудничество. Однако «многополярность не подразумевает появления новых гегемонов ни в рамках ШОС, ни в рамках других интеграционных объединений; речь идет о равных правах всех участников диалога»¹. Значимость ЕАЭС и ШОС для Российской Федерации и других участников этих интеграционных объединений возрастает с каждым днем в связи с санкционным давлением на страны-участницы.

Рассматривая состав участников ЕАЭС подробнее, следует отметить, что в составе ЕАЭС пять государств: Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан и Киргизская Республика. ЕАЭС был создан на основе Договора о Евразийском экономическом союзе 01.01.2015. Целью создания Союза было обеспечение единого экономического рынка для свободного перемещения товаров и услуг, а также для всесторонней модернизации и экономического развития стран-участниц. Объединение характеризуется институциональной интеграцией. Основная экономически важная информация о ЕАЭС представлена в таблице 1. На долю государств – членов ЕАЭС приходится более 20 млн км², что является достаточно высоким и весомым показателем. На территории России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии сосредоточены крупные запасы сырьевых ресурсов, а также эти страны расположены на плодородных почвах, что определяет их сельскохозяйственную направленность в экспорте. Начиная с 2022 г., с момента активного введения западноевропейских санкций в отношении России и Белоруссии, в рамках ЕАЭС началось рассмотрение соглашения о свободной торговле с Объединенными Арабскими Эмиратами и Индонезией. В 2023 г. было подписано соглашение о свободной торговле с Ираном. Данные факты указывают на то, что в условиях санкционного давления в отношении членов объединения ЕАЭС принял курс на востокоориентированность. Говоря о влиянии Союза на глобальную экономику, стоит отметить, что в мае 2024 г. на саммите глав государств стран – членов ЕАЭС Владимир Путин заявил: «за 10 лет ЕАЭС утвердился в качестве самостоятельного центра формирующегося многополярного мира»². Более подробно влияние ЕАЭС на формирование мировой конъюнктуры будет рассмотрено ниже.

Говоря о ШОС, стоит отметить, что на современном этапе развития в его составе 10 государств-членов, среди которых Республика Беларусь, Республика Индия, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Киргизская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан и

¹ Путин объяснил принцип многополярного мира // РИА Новости. – 03.09.2025. – URL: <https://ria.ru/20250903/mnogopoljarnost-2039438140.html> (дата обращения: 22.08.2025).

² Что Владимир Путин говорил коллегам по ЕАЭС // Ведомости. – 08.05.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/08/1036286-chto-vladimir-putin-govoril> (дата обращения: 22.08.2025).

Республика Узбекистан³. Кроме того, Республика Афганистан и Монголия являются государствами-наблюдателями. Также можно выделить 14 государств-партнеров, среди которых Армения и Азербайджан.

Таблица 1
Основная экономически важная информация о ЕАЭС⁴

Показатель	Значение
Население	185,5 млн человек
Добыча нефти	611,7 млн тонн
Добыча газа	818,0 млрд куб. м
Сельскохозяйственное производство	135,6 млрд долл.

Исламская Республика Иран присоединилась к ШОС в 2023 г. в период активной геополитической перестройки. Данное событие позволило интегрировать важную сеть транспортных коридоров и крупную энергетическую державу в сотрудничество. ШОС основано на базе соглашений 1996 и 1997 гг. Объединение было создано для реализации более глобальных целей, чем ЕАЭС, среди которых:

1. Укрепление дружбы и доверия.
2. Совместное противостояние угрозам и вызовам.
3. Обеспечение и поддержание мира и безопасности в регионе и др.

На долю государств – членов ШОС приходится 35 млн км², что составляет более 60% Евразии. На данной территории проживает 3,5 млрд человек.

В качестве подтверждения мысли о том, что ШОС в том числе формирует многополярный мир, можно привести цитату Президента Финляндии Александера Стубба о 25 заседании Совета глав государств ШОС: «Если мы (Страны Европейского союза и Соединенные Штаты Америки. – *Прим. ред.*) не будем вести более сплоченную и достойную политику, мы проиграем. Так что эта встреча в Китае является напоминанием всему глобальному Западу, что стоит на кону»⁵. Данное высказывание указывает на то, что, развиваясь, ШОС определяет стратегии крупных государств.

³ О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества (официальный сайт). – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectsc.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ Общая информация // Евразийский экономический союз. – URL: <https://eaeunion.org/#about-info> (дата обращения: 21.08.2025).

⁵ Стубб: Запад может потерпеть поражение в противостоянии с ШОС // ТАСС. – 02.09.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24938863> (дата обращения: 06.09.2025).

Для более детального изучения роли анализируемых интеграционных объединений в мировом сообществе стоит обратиться к экономическим показателям. В таблице 2 представлены данные о динамике ВВП стран – участниц ЕАЭС и ШОС за период 2015–2024 гг.

Таблица 2

**Динамика ВВП стран – участниц ЕАЭС и ШОС
по отношению к мировому ВВП за 2015–2024 гг.⁶**

Год	ВВП стран ЕАЭС, млрд долл. ⁷	Доля ВВП стран ЕАЭС, %	ВВП стран ШОС, млрд долл. ⁸	Доля ВВП стран ШОС, %	Мировой ВВП, млрд долл. ⁹
2015	1626,71	2,15	15 799,03	20,86	75 723,6
2016	1481,90	1,93	16 085,23	20,90	76 957,3
2017	1815,34	2,24	17 898,08	21,83	81 974,8
2018	1920,69	2,20	19 577,14	22,45	87 189,0
2019	1962,42	2,22	20 074,36	22,68	88 492,4
2020	1750,13	2,03	20 042,26	23,27	86 116,7
2021	2133,28	2,17	24 292,42	24,70	98 365,7
2022	2631,43	2,57	25 135,95	24,54	102 434,9
2023	2407,12	2,25	25 187,25	23,55	106 970,8
2024	1812,61	1,63	26 151,32	23,49	111 326,4

Исходя из данных таблицы 2, стоит отметить, что ШОС играет важную роль в формировании мирового ВВП, на долю которого на протяжении всего исследуемого периода приходится более 20%. Во многом это связано с членством Китая в объединении, который, в свою очередь, является одной из двух крупнейших держав по объему ВВП. Стоит отметить, что показатели ВВП как в абсолютном, так и в относительных значениях планомерно увеличиваются и в рамках ЕАЭС, и в рамках ШОС, даже несмотря на геополитический кризис и санкционное давление в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь. Установленная тен-

⁶ Составлено авторами.

⁷ Макроэкономические показатели // Оценки влияния ЕАЭС на ВВП и торговлю государств-членов. – 17.09.2023. – URL: https://eaeu.economy.gov.ru/macroeconomic_indicators (дата обращения: 06.09.2025).

⁸ World Development Indicators // World Bank Open Data. – Mode of update: annual. – URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD,NV.AGR.TOTL.ZS,NV.IND.TOTL.ZS,NV.MANF.ZS,NV.SRV.TETC.ZS,NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 06.09.2025).

⁹ Ibid.

денция указывает на эффективные стратегии развития государств – членов объединений и хорошо просматривается на рис. 1, где представлена динамика темпов роста ВВП в абсолютном выражении, рассчитанных цепным методом.

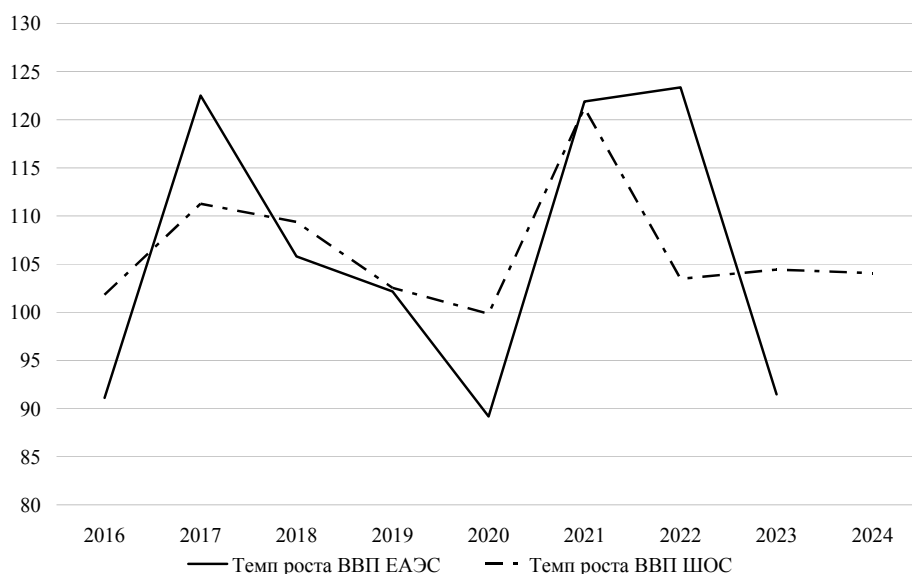

Рис. 1. Динамика темпов роста ВВП стран ЕАЭС и ШОС
2016–2024 гг., %¹⁰

Анализ данных показывает положительный рост до 2021 г. для ШОС и до 2022 г. для ЕАЭС. Во многом снижение темпов роста ВВП в обоих интеграционных объединениях было связано с пандемией и в дальнейшем с введением санкций против РФ. В пандемийный и постпандемийный периоды объемы производства стран мира сократились, так как внутренние ресурсы государств были направлены на предотвращение распространения инфекции, борьбу с ней и реализацию социальных программ по поддержке населения. С 2022 г. негативный вклад в общий ВВП стала частично вносить Российская Федерация, ощутившая максимально возможное санкционное давление.

Говоря о достижениях в рамках ЕАЭС и ШОС, стоит упомянуть, что Республика Иран и Российская Федерация являются мировыми лидерами по количеству санкций в 2025 г. До начала геополитического кризиса

¹⁰ Составлено авторами на основании открытых источников.

Россия была крупным торговым партнером стран Западной Европы, преимущественно в сфере экспорта энергоносителей.

Однако после 2022 г. основной рынок сбыта переместился на Восток. Крупными торговыми партнерами стали Китай и Индия, которые являются участниками ШОС. Кроме того, санкции затронули Республику Беларусь, объемы внешней торговли которой с европейскими странами также стали сокращаться. Данные сдвиги послужили катализатором для более глобальных изменений, сказавшихся на всех участниках интеграционных объединений. В первую очередь стоит отметить финансовый сектор. Важным инструментом адаптации к санкционным ограничениям является увеличение операций в национальных валютах во взаимной торговле между странами-партнерами.

По мнению М.В. Мясникова, в 2022 г. «расширение использования национальных валют при осуществлении расчетов во взаимной торговле, обеспечение взаимодействия национальных систем передачи финансовых сообщений, ускоренное формирование Евразийской перестраховочной компании» являются одним из основных блоков работы. Эти процессы послужили катализатором увеличения расчетов в национальных валютах. В настоящее время растет количество расчетов между Россией и Китаем в рублях или юанях. На рис. 2 представлено процентное соотношение расчетов в национальных валютах во внутренней торговле стран – участниц ЕАЭС.

Информация, представленная на рисунке 2, позволяет рассмотреть структуру валютных расчетов по экспорту и импорту товаров и услуг внутри Союза. Анализируя данные, можно заметить, что в ЕАЭС основная часть расчетов проходит в российских рублях, а с 2022 г. небольшая доля расчетов в долларах США резко начала сокращаться до рекордно низких 6%, что связано с санкциями в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь. Расчеты в национальных валютах, ставшие в условиях санкций необходимостью, на сегодняшний день являются приоритетным направлением развития, которое поддерживали и другие государства. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) заинтересована в осуществлении взаимной торговли со странами ШОС и ЕАЭС в национальных валютах.

В связи с санкционными ограничениями в 2022 г. произошло отключение от системы SWIFT. На данный момент страны ЕАЭС проводят транзакции через специально разработанную Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), характеризующуюся как канал передачи электронных сообщений по финансовым операциям¹¹. СПФС была запущена еще в 2014 г. после санкций в отношении России в связи с присоединением Крыма. Позже к данной системе начали присоединяться отечествен-

¹¹ Система передачи финансовых сообщений // Банк России (официальный сайт). – URL: https://www.cbr.ru/PSystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 06.09.2025).

ные банки, а также к ней подключены и государства – члены СНГ, банки Турции, Швеции, Кубы и других государств. Таким образом, формирование СПФС в рамках одного интеграционного объединения ЕАЭС определяет стратегию деятельности и других государств и объединений. В рамках ШОС также используется финансовая система CIPS, позволяющая производить расчеты в юанях и разработанная Китаем в 2015 г. Система также была создана в целях снижения зависимости международных расчетов от западной инфраструктуры.

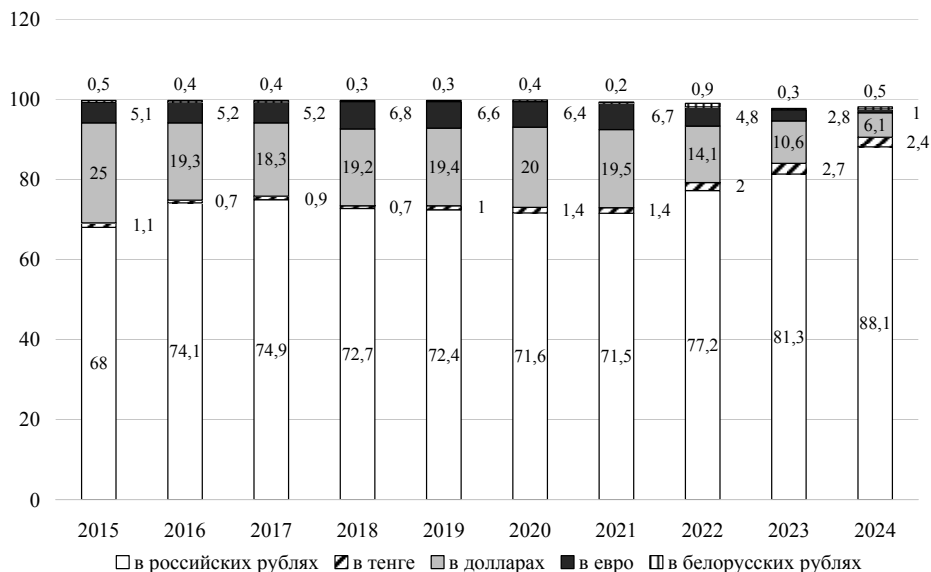

Рис. 2. Динамика расчетов в национальных валютах, 2021–2024 гг., %¹²

Кроме того, в рамках формирования многополярного мира все большую популярность приобретают альтернативные торговые пути, отличные от уже «привычных» западных маршрутов. Данные торгово-логистические каналы призваны объединять рынки стран Востока с третьими странами, минуя пути, подконтрольные недружественным государствам.

В первую очередь стоит упомянуть Международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг», пролегающий от побережья Балтийского моря через Каспийское море в направлении Ирана и Индии. МТК связывает Россию с дружественными ей государствами-партнерами, что позволяет доставлять грузы напрямую в восточные страны, сокращая при этом временные затраты на 40% по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал.

¹² Составлено авторами на основании открытых источников.

Кроме того, снижается стоимость поставок между двумя странами, Россией и Индией, примерно на 30% по сравнению с альтернативными путями¹³.

Транскаспийский транспортный маршрут объединяет Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузию, Турцию и европейские страны. Инициатором создания данного маршрута выступил Косым-Жомарт Токаев. Развитие данного коридора позволяет снизить риски, связанные с геополитическими противоречиями и резкими изменениями конъюнктуры рынка, а также диверсифицировать цепочки поставок в европейские страны. В первую очередь по данному маршруту транспортируют черные и цветные металлы. Благодаря развитию Транскаспийской магистрали страны – участницы ЕАЭС и ШОС продолжают торговлю со странами Западной Европы в обход путей через Российскую Федерацию в связи с санкционными ограничениями.

В рамках внутренней торговли развивается «Восточный полигон» – сеть железнодорожных маршрутов, призванная «закрыть узкие места» при поставках грузов. В 2024 г. начался третий этап реализации данного проекта в целях сокращения времени доставки грузов из стран АТР в страны Европы через Россию.

Все это привело к тому, что в 2025 г. спрос на сухопутные пути, пролегающие через Россию и Беларусь, вырос в связи с сокращением временных и денежных затрат. И что немаловажно, по территории нашего государства проходит развитая сеть железнодорожных путей, что обеспечивает стабильность грузопотоков в условиях геополитических кризисов.

На основании Тяньцзиньской декларации Белоруссия, Исламская Республика Иран, Казахстан, Киргизская Республика, Пакистан, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан, подтвердив поддержку инициативы Китая «Один пояс, один путь», поддержали усилия по сопряжению развития Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, государства-члены выразили желание формировать многосторонние объединения в целях создания единого широкого экономического пространства континента. В данном контексте возрастает интерес ШОС к диалогу с ЕАЭС и АСЕАН. Таким образом, стратегия ШОС определяет стратегии других государств в рамках открытого двустороннего диалога. Кроме того, в целях сотрудничества было предложено проведение встречи ШОС и ЛАГ на тему «Изменение климата и устойчивая энергетика» 3 октября 2025 г. для обеспечения эффективного энергетического взаимодействия.

Все вышеперечисленные аспекты указывают на глобальную перестройку: ШОС и ЕАЭС начали развиваться как самостоятельные системы.

¹³ Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и его значение для Ирана // Российский совет по международным делам (РСМД). – 26.07.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 09.09.2025).

Несмотря на сложности, в период санкционного давления на страны-участницы интеграционные объединения стремятся создать свою устойчивую, независимую и легко адаптивную инфраструктуру. В первую очередь речь идет о финансовой системе, переходе на расчеты в национальной валюте и развитии СПФС как альтернативы SWIFT, о собственных торгово-логистических путях, альтернативных маршрутах. Эти глобальные изменения доказывают миру, что многополярность невозможна без наличия выбора. Благодаря самостоятельному пути развития, катализатором которого стали санкции и геополитические кризисы, объединения привлекают новых участников. Ярким примером является Саудовская Аравия, которая выразила желание присоединиться к ШОС.

Несмотря на все преимущества и достижения, в регионах все еще остаются системные и глобальные проблемы, решения которым не найдено.

1. Нестабильные экономические показатели внутри стран-участниц. Волатильность национальных валют, различия в уровне инфляции и другие факторы усложняют формирование скоординированной политики на макроуровне.

2. Зависимость промышленности в регионе от западной инфраструктуры. Данный аспект приводит к уязвимости национальных промышленных отраслей и экономик в целом от изменений конъюнктуры рынка. В первую очередь это касается высокотехнологичного оборудования, недостаточности торгово-логистических путей и их пропускной способности.

3. Возможность введения новых санкционных ограничений оказывает сдерживающий эффект на инвестиции и тормозит развитие стран в регионе.

4. Санкционное давление на бизнес в регионе приводит к оттоку капитала из региона, а осложнение доступа к технологиям, рабочей силе и другим ресурсам повышает риски предпринимателей.

Однако на сегодняшний день ЕАЭС и ШОС обладают достаточным потенциалом для развития, и на международной арене с их мнением считаются, что подтверждают заявления политических деятелей иностранных государств. Анализируя экономические показатели, также заметно увеличение доли в показателях ВВП, что лишь доказывает данную мысль.

Список источников и литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. – 29.05.2014. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 06.09.2025).
2. Захаров А.Н., Миткина М.А. Обеспечение устойчивого развития на пространстве ЕАЭС в современных реалиях // Российский экономический вестник. – 2024. – № 10. – С. 43–54.

3. Макроэкономические показатели // Оценки влияния ЕАЭС на ВВП и торговлю государств-членов. – 17.09.2023. – URL: https://eaeu.economy.gov.ru/macroeconomic_indicators (дата обращения: 23.05.2025).
4. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества (официальный сайт). – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectsc.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 22.08.2025).
5. Общая информация // Евразийский экономический союз. – URL: <https://eaeunion.org/#about-info> (дата обращения: 21.08.2025).
6. Официальный сайт Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) // UNIDO Russia. – URL: <https://unido.ru/> (дата обращения: 22.08.2025).
7. Путин объяснил принцип многополярного мира // РИА Новости. – 03.09.2025. – URL: <https://ria.ru/20250903/mnogopoljarnost-2039438140.html> (дата обращения: 22.08.2025).
8. Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и его значение для Ирана // Российский совет по международным делам. – 26.07.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 09.09.2025).
9. Система передачи финансовых сообщений // Банк России (официальный сайт). – URL: https://www.cbr.ru/PSystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 06.09.2025).
10. Стубб: Запад может потерпеть поражение в противостоянии с ШОС // ТАСС. – 02.09.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24938863> (дата обращения: 06.09.2025).
11. Что Владимир Путин говорил коллегам по ЕАЭС // Ведомости. – 08.05.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/08/1036286-что-vladimir-putin-govoril> (дата обращения: 22.08.2025).
12. World Development Indicators // World Bank Open Data. – Mode of update: annual. – URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD,NV.AGR.TOTL.ZS,NV.IND.TOTL.ZS,NV.IND.MANF.ZS,NV.SRV.TETC.ZS,NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 06.09.2025).

ТРИ ОПОРЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ЭКОНОМИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ЕВРАЗИИ

НЕДОСЕКОВА Елена Станиславовна

кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия

E-mail: e.nedosekova@customs-academy.ru

SPIN-код: 4445-9123

САМОЙЛОВА Юлия Сергеевна

студент, Российская таможенная академия

E-mail: is.samoilova22@customs-academy.ru

Для цитирования: Недосекова Е.С., Самойлова Ю.С. Три опоры многополярности: экономика, безопасность и сотрудничество в Евразии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 82–93. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.05.

Аннотация. В статье исследуется феномен многополярности как концепции международных отношений. На основе анализа роли ЕАЭС, ОДКБ и ШОС в геополитике предпринимается попытка выявления вклада данных организаций Евразии в формирование многополярного мирового порядка. На основе признаков формируемой многополярности и анализа существующих интеграционных структур на Евразийском пространстве, авторы приходят к выводу о вытеснении роли традиционных акторов эпохи «однополярного мира» новыми структурами, основанными на принципах экономической автономии и альтернативных формах сотрудничества.

Ключевые слова: миропорядок, мироустройство, многополярность, международная организация региональной интеграции, международные отношения, политический актор, политический союз.

Three Pillars of Multipolarity: Economics, Security and Cooperation in Eurasia

Elena S. NEDOSEKOVA

PhD in Law, Associate Professor, Russian Customs Academy

E-mail: e.nedosekova@customs-academy.ru

SPIN-code: 4445-9123

Yulia S. SAMOYLOVA

Student, Russian Customs Academy

E-mail: is.samoilova22@customs-academy.ru

For citation: Nedosekova E.S., Samoylova Yu. S. (2026). Three Pillars of Multipolarity: Economics, Security and Cooperation in Eurasia. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 82–93. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.05.

Abstract. The article examines the phenomenon of multipolarity as a concept in international relations. Based on an analysis of the roles of the EAEU, the CSTO, and the SCO in geopolitics, an attempt is made to identify the contribution of these Eurasian organizations to the formation of a multipolar world order. Based on the signs of emerging multipolarity and the analysis of existing integration structures in the Eurasian space, the authors conclude that the role of traditional actors in the era of the “unipolar world” is being replaced by new structures based on the principles of economic autonomy and alternative forms of cooperation.

Keywords: world order, world structure, multipolarity, international organization of regional integration, international relations, political actor, political union.

Многополярность как концепция международных отношений становится наиболее эффективным видом мироустройства в современном обществе. На пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 2025 г. Владимир Владимирович Путин отметил: «Прежде всего мы стремимся к тому, чтобы развитие мира было сбалансированным, чтобы это развитие отвечало интересам как можно большего числа стран, и чтобы сложился многополярный миропорядок, многополярное мироустройство, в котором бы участники международного общения договаривались между собой, вырабатывали инструменты, которые позволяли бы находить решения даже в очень сложных условиях»¹. Из приведенной цитаты можно сделать вывод, что многополярность представляет собой оптимальную форму мирового порядка, при которой власть разделена между множеством политических центров для наибольшей репрезентации мнений и такого решения глобальных и региональных проблем, которое будет устраивать большинство мировых участников, а не одного-двух ключевых политических акторов.

Предыдущие концепции мироустройства базировались на двух компонентах – «контроль» и «управляемость», которые стали «результатом победы определенных мировых держав в общеевропейских или мировых войнах»² и вследствие которых данные политические акторы реали-

¹ Россия выступает за многополярный миропорядок, заявил Путин // РИА Новости. – 20.06.2025. – URL: <https://ria.ru/20250620/putin-2024344392.html> (дата обращения: 31.08.2025).

² Аласания К.Ю., Мошелков Е.Н. Многополярный мир в XXI веке: философско-политологические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2025. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogopolyarnyy-mir-v-xxi-veke-filosofsko-politologicheskie-razmyshleniya> (дата обращения: 31.08.2025).

зовывали выгодную для их государств стратегию, пользуясь властью и авторитетом. Однополярность является «геополитическим устройством мира, в котором существует один главный центр экономического и политического влияния – Соединенные Штаты Америки»³ (далее – США), который приобрел данную позицию после прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР). Биполярность как концепция международных отношений – это миропорядок, базировавшийся «на существовании двух сверхдержав – СССР и США, которые взаимно сдерживали друг друга, и каждая создавала свой блок сателлитов и союзников»⁴. Из анализа представленных утверждений следует, что при рассмотренных системах устройства мира геополитику определяли лишь одна-две центральные державы, а остальные придерживались заданного экономического, дипломатического и военного курса.

Многополярная система международных отношений, тенденция к образованию которой возрастает в настоящее время, отлична от остальных. Она строится на усилении национальных суверенитетов, росте роли цивилизационно-культурной самобытности и развитии различных межстрановых и межконтинентальных коммуникаций⁵, что представляет большое преимущество в современном мире для репрезентации различных мнений относительно общемировых проблем. Переход к многополярной структуре сопровождается изменением глобальной стабильности, которая отражается в международной экономике, безопасности, системе норм и культурных взаимосвязей. Появление новых промышленных центров и укрепление политических альянсов на Востоке является движущей силой, прекращающей эпоху преобладания влияния США как однополярной системы мирового порядка. Таким образом, объединение государств в политические союзы является ключевым фактором формирования концепции международных отношений, в котором существует баланс мнений различных политических регионов для своевременного решения актуальных вопросов миропорядка.

Союзы политических акторов базируются на глобальном и региональном уровнях. Глобальный уровень подразумевает создание таких международных организаций, которые обеспечивают мирное сосуществование и взаимное сотрудничество большинства стран в целях решения глобальных проблем. Основным примером является Организация Объеди-

³ Буровский А.М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-dvuhpolyarnyy-odnopolyarnyy-mnogopolyarnyy-i-bespolyarnyy> (дата обращения: 02.09.2025).

⁴ Там же.

⁵ Аласания К.Ю., Мошелков Е.Н. Многополярный мир в XXI веке: философско-политологические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2025. – № 3. – С. 72–83.

ненных Наций, членами которой являются 193 государства, которые работают в пяти основных направлениях: поддержание международного мира и безопасности, защита прав человека, оказание гуманитарной помощи, содействие устойчивому развитию, разработка и применение международного права⁶. Региональный уровень в свою очередь подразумевает создание объединений по принципу географического соседства для решения общих политических, экономических, социальных и культурных задач, а также для обеспечения безопасности и стабильности в данном регионе. Функционирование политических альянсов в рамках региональных союзов предполагает укрепление сил для борьбы за справедливый миропорядок, отвечающий интересам нескольких политических «полюсов», а не гегемонии отдельно взятой страны.

Объединения государств в рамках одного региона в условиях развития многополярной системы мироустройства выполняют ключевые функции в координации внешней политики и усиления переговорной позиции перед глобальными акторами для продвижения мнения региона относительно решения мировых проблем. Данные союзы также играют ключевую роль в обеспечении экономического развития, выражающегося в стимулировании торговли, привлечении инвестиций и создании общих рынков, не зависящих от колебаний внешних факторов. Региональные организации выполняют и стабилизирующую функцию, снижающую риск конфликтов через механизмы коллективной безопасности и посредничества. Кроме того, некоторые союзы выполняют также роль связующего звена, помогающего в дипломатическом сближении, развитии культурной идентичности и гуманитарном сотрудничестве.

В Евразии тремя организациями-опорами, представляющими интересы региона в международных отношениях и реализующими представленные ранее функции, являются Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Проанализируем роль каждой из них в формировании многополярного мира.

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции. Основными целями, декларируемыми Договором о Евразийском экономическом союзе, являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики⁷. Исходя

⁶ О нас // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/our-work> (дата обращения: 01.09.2025).

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Евразийская экономическая комиссия. – 29.05.2014. – URL: <https://eec.eurasia.org/>

из них, приоритетными направлениями в работе данного союза государств считаются промышленное производство, добыча энергетической продукции (нефть, газ, выработка электроэнергии), производство чугуна и стали, сельскохозяйственное производство, а также развитие инфраструктуры – железнодорожных путей и автомобильных дорог. Совместный рынок ресурсов позволяет усилить экономический вес участников региональной интеграции – Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Киргизской Республики. Кроме того, за счет развития иных транспортных транзитных коридоров (например, через Российскую Федерацию и Республику Казахстан) происходит укрепление альтернативных логистических траекторий между Европой и Азией, а значит и уменьшается монополия традиционных морских путей и прибыль портов с данных поставок.

Все действия, описанные ранее, предпринимаются в том числе для поднятия уровня внутреннего валового продукта (далее – ВВП) ЕАЭС относительно общемирового. По официальным данным за 2023 г. он составляет 3,2% в структуре мирового ВВП⁸. Более того, 28 марта 2025 г. в Москве в Конгресс-центре Центра международной торговли прошло пленарное заседание Международного экономического форума государств – участников СНГ «Новые импульсы для развития Большого Евразийского партнерства», на котором вице-премьер Российской Федерации Алексей Логвинович Оверчук сообщил: «За 2024 г. ВВП ЕАЭС увеличился на 4,2%. У ЕС, например, аналогичный показатель, по предварительным оценкам, составил всего 0,8%»⁹. Представленные промежуточные результаты работы ЕАЭС подтверждают значимость данного политического альянса на международной арене, совокупный ВВП и товарооборот государств-членов которого есть весомая региональная экономическая масса.

Помимо поднятия уровня достатка региона иным направлением деятельности рассматриваемого политического союза Евразии является сотрудничество с внешними объектами экономической политики. Так, в течение нескольких лет ведется углубленное взаимодействие с ключевыми интеграционными объединениями Евразии, Африки и Латинской Америки. В частности, с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), Торговым союзом стран Южной Америки (далее – МЕРКОСУР), Африканским союзом.

eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

⁸ Общая информация // Евразийский экономический союз. – URL: <https://eaeunion.org/#about> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ ВВП ЕАЭС вырос на 4,2% по итогам 2024 года // Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/news/566/126309> (дата обращения: 01.09.2025).

Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Бакытжан Сагинтаев на полях «ШОС плюс» в Тяньцзине (Китайская Народная Республика) 1 сентября 2025 г. провел рабочую встречу с Генеральным секретарем Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) Као Ким Хорном, на которой отметил: «Товарооборот государств ЕАЭС и стран АСЕАН по итогам 2024 г. вырос на 21,8% по сравнению с 2018 г. и достиг 27,2 млрд долларов, что демонстрирует практическую эффективность сотрудничества»¹⁰. Кроме того, странами евразийской «пятерки» был предложен проект программы сотрудничества ЕЭК и АСЕАН на 2026–2030 гг., целями которого декларируются расширение отраслевого взаимодействия и усиление диалога по устойчивому развитию, цифровизации, инновациям и технологическому прогрессу. Данная ситуация является ярким примером реализации цели по сотрудничеству ЕАЭС с иными международными организациями в рамках многополярного мироустройства, в котором политические акторы вырабатывают инструменты, позволяющие находить оптимальные решения для взаимовыгодного развития государств на мировой арене.

Кроме того, происходит и освещение деятельности рассматриваемого регионального союза на мировых площадках. Выступая в рамках Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию Организации Объединенных Наций министр по энергетике и инфраструктуре ЕЭК Арзыбек Кожошев отметил роль ЕАЭС как динамично развивающегося интеграционного объединения: «Успешное функционирование ЕАЭС с единым рынком, объединяющим более 185 млн потребителей и последовательная реализация согласованных экономических политик, стали катализатором экономического роста. Совокупный ВВП стран ЕАЭС вырос на 4% по итогам 2024 г., и второй год подряд был выше среднемирового уровня»¹¹.

Таким образом, ЕАЭС как одна из политических опор Евразии вносит значительный вклад в многополярность международных отношений, повышая экономическое и стратегическое значение данного региона на мировой арене, создавая альтернативные экономические и транспортные пути и укрепляя региональную координацию.

Организация Договора о коллективной безопасности имеет иную сферу деятельности в Евразии. Это ключевой политический блок, создан-

¹⁰ Бакытжан Сагинтаев: «Диалог интеграций – один из главных трендов развития мировой экономики» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/bakytzhan-sagintaev-dialog-integratsiy-odin-iz-glavnykh-trendov-razvitiya-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ В ООН представлен доклад ЕЭК о влиянии евразийской интеграции на достижение Целей устойчивого развития // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-on-predstavlen-doklad-eek-o-dostizhenii-tseley-ustoychivogo-razvitiya-v-eaes/> (дата обращения: 01.09.2025).

ный для защиты независимости, суверенитета и территориальной целостности государств-членов. Международная региональная организация, в состав которой входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация и Республика Узбекистан, функционирует как опора безопасности Евразии в многополярном мироустройстве.

Основная миссия ОДКБ заключается в укреплении мира, международной и региональной стабильности через обеспечение обороны своих государств-членов с помощью превентивного реагирования на политические, военные и террористические угрозы, связанные с нарушением безопасности в регионе. Данный тезис находит отражение в задачах рассматриваемого политического альянса: коллективная оборона в случае, «если одно из государств-участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету)»¹², противодействие терроризму и экстремизму в регионе, борьба с организованной преступностью и наркотрафиком, проведение миротворческих и кризисных инициатив для поддержания региональной стабильности, а также сотрудничество в военно-политических, оперативно-стратегических и разведывательных направлениях.

К годовщине подписания Договора о коллективной безопасности 15 мая 2025 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации выпустило обращение, в котором отмечается вклад ОДКБ в развитие региона: «Сегодня Организация выступает гарантом обеспечения стабильности и безопасности ее государств-членов... Накопленный опыт делает ее одним из ключевых элементов формирующейся новой архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии»¹³. В условиях напряженной политической обстановки совместными усилиями союзников предпринимаются постоянные системные меры по дальнейшему развитию потенциала Организации.

В целях предотвращения приграничных конфликтов проводится работа по урегулированию обстановки дипломатическим путем – так, например, 13 марта 2025 г. был подписан договор о государственной границе между Киргизской Республикой и Республикой Таджикистан, в котором была согласована линия прохождения границы на всем ее почти тысячекилометровом протяжении. Дополнительным фактором стабилизации ситуации стало подписание президентами Таджикистана, Киргизии и

¹² Договор о коллективной безопасности от 15.05.1992 // Организация Договора о коллективной безопасности. – 15.05.1992. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 02.09.2025).

¹³ К годовщине подписания Договора о коллективной безопасности // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 15.05.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/2017560 (дата обращения: 01.09.2025).

Узбекистана 31 марта 2025 г. договора «О точке стыка государственных границ» трех стран.

Кроме того, ведется работа и в других плоскостях защиты государственных границ. В 2024 г. для государств – членов ОДКБ проводились учения «Нелегал-2024», целью которых было предупреждение нелегальной миграции, с которой в том числе связывают и проникновение в Евразию организованных групп и преступных сообществ, дестабилизирующих внутреннюю обстановку и угрожающих суверенитету и территориальной целостности региона.

Реагирование происходит и на внутренние угрозы национальной безопасности и суверенитету государств-членов. В январе 2022 г. на обращение Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева Совет коллективной безопасности ОДКБ в соответствии со статьей 4 Договора о коллективной безопасности принял решение направить Коллективные миротворческие силы ОДКБ в Республику Казахстан на ограниченный по времени период с целью стабилизации и нормализации обстановки в этой стране. В их состав вошли подразделения вооруженных сил всех государств – членов Организации для решения основной задачи – защиты наиболее важных государственных и стратегических объектов Алма-Аты в целях предотвращения внешнего воздействия на них.

Анализируя представленную информацию, можно сделать вывод, что ОДКБ является инструментом региональной кооперации, сдерживания внешних угроз. В условиях конкуренции политических альянсов данная Организация может выступать фактором упрочения регионального влияния в многополярной системе международных отношений за счет консолидации сил государств-членов в рамках антитеррористического и правоохранительного сотрудничества. Роль ОДКБ заключается в формировании такого военного блока, который способен отражать внешние факторы и отстаивать свою позицию на равных в мировом сообществе.

Шанхайская организация сотрудничества является третьим политическим актором в Евразии, который закрепляет позицию данного региона в многополярной системе мироустройства. Международная организация государств Азиатского региона по вопросам экономического сотрудничества и безопасности, противодействия экстремизму и терроризму служит интеграционной и многосторонней платформой для крупных держав, таких как Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Индия, и отличается масштабной географией участников – членами данного политического союза также считаются Республика Беларусь, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Исламская Республика Пакистан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.

Организация является уникальной, так как помимо экономического, политико-дипломатического и гуманитарного сотрудничества целями ШОС декларируются укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства,

содействие социальному и культурному развитию¹⁴. Главной задачей ставится продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка, что напрямую подтверждает идею поддержания многополярного мирового порядка с равным вкладом каждого региона в решение глобальных вопросов.

ШОС играет ключевую роль в политико-дипломатическом сближении своих членов, предоставляя площадку для диалога государств с разной историей, культурой, экономическим уровнем и политическими системами, предоставляя возможность выразить антигегемонистские взгляды и активно продвигать многосторонность международных отношений. Данный тезис выражается и в деятельности Организации – делается акцент на отказе от доллара в расчетах. В активной стадии разработки на базе указанной международной площадки также находится проект Банка развития для расширения расчетов в валютах стран-участниц в рамках усилий работы по снижению доминирования западных структур, таких как НАТО, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Кроме того, ежегодные саммиты позволяют членам Организации согласовывать между собой интересы региона и координировать внешнюю политику без давления со стороны западных институтов. ШОС помогает расширять дипломатические альтернативы восточных держав в экономике, сфере безопасности и геополитике при отстаивании принципов суверенитета и невмешательства, так как организация не имеет атрибутов оборонного альянса.

Помимо деятельности в сфере экономики осуществляется и культурное сближение участников Организации, которое проходит через гуманитарные обмены. 27 августа 2025 г. в Национальном музее Китая в Пекине открылась выставка «Сияющее созвездие цивилизаций: культурное наследие национальных музеев стран Шанхайской организации сотрудничества», представляющая более 220 экспонатов, призванных продемонстрировать уникальную историю, культуру и духовное наследие народов. Кроме того, ежегодно устраиваются кинофестивали стран ШОС, посвященные достижениям кинематографа государств – членов Организации. На последнем из них, прошедшем в Чунцине с 3 по 7 июля 2025 г., в состав основной конкурсной программы под названием «Золотая камелия» вошли 20 полнометражных кинокартин – по две от каждой из десяти стран-участниц. Во время фестиваля представители индустрии приняли участие в Форуме по сотрудничеству в области кино, а также объявили о создании Альянса ассоциаций кинопродюсеров стран – членов ШОС.

Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества выступает интеграционной платформой для стран с различным экономическим по-

¹⁴ О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectsko.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 01.09.2025).

ложением, культурным наследием и политической системой. В рамках кооперации обсуждаются тезисы о многополярной системе международных отношений, при этом участники ШОС являются ключевыми акторами в ней. При формировании нового миропорядка данная Организация делает важные шаги для снижения американского влияния на политической и экономической аренах, предоставляет пространство для репрезентации различных культур и учета мнений каждой из них по глобальным и региональным вопросам. ШОС представляет собой площадку разработки нового мирового порядка, а не просто региональную интеграцию государств. Благодаря свободе высказывания идей на базе данной Организации происходят ключевые шаги по снижению зависимости от Запада, а также укрепляется региональное сотрудничество в Евразии как точки опоры в многополярной системе международных отношений.

На мировой арене ЕАЭС, ОДКБ и ШОС выступают в различных сферах, однако они связаны единством участников и главной задачей – поддержанием многополярной системы мироустройства за счет точек опоры в Евразии. ЕАЭС делает упор на развитие экономических связей, ОДКБ – на коллективную безопасность, а ШОС сочетает в себе усилия по укреплению экономической и политической стабильности в регионе. За счет обмена позиций по вопросам региональной безопасности и глобальной политики на международных площадках ОДКБ и ШОС, синхронизации торговых и инвестиционных идей ЕАЭС и ШОС, совместным научным и учебным мероприятиям и координации усилий в борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью в рамках поддержания стабильности региона всеми участниками названных политических альянсов образуется синергия интересов свыше 3,4 млрд человек¹⁵ в евразийском регионе. Несмотря на различие приоритетов государств – участников данных альянсов, где экономические интересы ЕАЭС могут не полностью совпадать с политико-военными задачами ОДКБ, а также внешнее давление и наличие санкций, затрудняющих экономическую маневренность и возможности для инвестиций и развития торговли, необходимо отметить важность объединения сил для развития многополярной системы международных отношений, которая учитывает мнения всех политических акторов. При координации усилий ЕАЭС, ОДКБ и ШОС совместные действия Организаций будут иметь значительный потенциал для укрепления экономической и оборонной устойчивости Евразии.

ЕАЭС создает экономический базис региона, ШОС – политико-дипломатическую платформу с широким географическим охватом и плюрализмом мнений относительно глобальных проблем, а ОДКБ – оборону и коллективную военную поддержку в постсоветском пространстве. Вместе они создают комплексный региональный каркас влияния, способствуя

¹⁵ О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 01.09.2025).

смещению глобального баланса от однополярного влияния США в международных отношениях к многополярному миропорядку с балансом интересов различных политических акторов и справедливому распределению глобального влияния на мировую политику.

Совместные усилия ЕАЭС, ШОС и ОДКБ в геополитике ближайшего будущего могут создать конкуренцию таким политическим акторам, как Европейский союз и США, сместив фокус на усиление региональных блоков через их экономическую автономию, наличие различных форм сотрудничества и создание спектра технических, административных, правовых и физических механизмов безопасности Евразии.

Список источников и литературы

1. Аласания К.Ю., Мошелков Е.Н. Многополярный мир в XXI веке: философско-политологические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2025. – № 3. – С. 72–83.
2. Бакытжан Сагинтаев: «Диалог интеграций – один из главных трендов развития мировой экономики» // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/bakytzhan-sagintaev-dialog-integratsiy-odin-iz-glavnykh-trendov-razvitiya-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 01.09.2025).
3. Буровский А.М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и беспоплярный // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 1. – С. 36–54.
4. В ООН представлен доклад ЕЭК о влиянии евразийской интеграции на достижение Целей устойчивого развития // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-onn-predstavlen-doklad-eek-o-dostizhenii-tsiley-ustoychivogo-razvitiya-v-eaes/> (дата обращения: 01.09.2025).
5. ВВП ЕАЭС вырос на 4,2% по итогам 2024 года // Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/news/566/126309> (дата обращения: 01.09.2025).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Евразийская экономическая комиссия. – 29.05.2014. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/222/bifmr5rkj91orf6wc3yg26olge6h0wej/Dogovor.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).
7. Договор о коллективной безопасности от 15.05.1992 // Организация Договора о коллективной безопасности. – 15.05.1992. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 02.09.2025).
8. К годовщине подписания Договора о коллективной безопасности // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 15.05.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/2017560 (дата обращения: 01.09.2025).
9. О нас // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/our-work> (дата обращения: 01.09.2025).

10. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. – 08.12.2015. – URL: <https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 01.09.2025).
11. Общая информация // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: <https://eaeunion.org/#about> (дата обращения: 01.09.2025).
12. Россия выступает за многополярный миропорядок, заявил Путин // РИА Новости. – 20.06.2025. – URL: <https://ria.ru/20250620/putin-2024344392.html> (дата обращения: 31.08.2025).

«ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ 2.0»: КАК НКО СТАНОВЯТСЯ ЕЕ ЛИЦОМ

НИЯЗОВА Галина Юрьевна

кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: g.niyazova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8549-2013

ВОЙЦЕХОВСКАЯ Анастасия Валентиновна

студент, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: voytsekhovskaya_05@mail.ru

ORCID: 0009-0005-5775-8757

Для цитирования: Ниязова Г.Ю., Войцеховская А.В. «Публичная дипломатия 2.0»: как НКО становятся ее лицом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 94–105. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.06.

Аннотация. В статье исследуется трансформация публичной дипломатии в эпоху цифровизации, получившая условное название «публичная дипломатия 2.0». Анализируется ключевая роль неправительственных организаций (НКО) в качестве акторов этой новой формы «мягкой силы». Цель работы – выявить механизмы и оценить последствия усиления влияния НКО на международную коммуникацию. На конкретных примерах (The British Council, «Русский мир», Al Jazeera и др.) показывается, как НКО, благодаря своей гибкости, экспертизе, сетевой структуре и способности формировать публичные нарративы, становятся лицом современной публичной дипломатии, оказывая значительное влияние на международные отношения. Статья также рассматривает двойственную природу этого феномена, включая связанные с ним вызовы и риски, такие как вопросы легитимности, непрозрачного финансирования, а также использование структур НКО для финансирования терроризма и отмывания денег. Делается вывод о необходимости нахождения баланса между использованием возможностей публичной дипломатии 2.0 и минимизацией сопутствующих рисков через международное сотрудничество и регулирование.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», НКО, международные отношения, гражданское общество, международная коммуникация, цифровая дипломатия.

“Public Diplomacy 2.0”: How NGOs Become Its Face

Galina Yu. NIYAZOVA

PhD in Politics, Associate Professor, Saint Petersburg State University

E-mail: g.niyazova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8549-2013

Anastasiia V. VOYTSEKHOVSKAYA

Student, Saint Petersburg State University

E-mail: voytsekhovskaya_05@mail.ru

ORCID: 0009-0005-5775-8757

For citation: Niyazova G. Yu., Voytsekhovskaya A.V. (2026). “Public Diplomacy 2.0”: How NGOs Become Its Face. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 94–105. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.06.

Abstract. The article examines the transformation of public diplomacy in the era of digitalization, conventionally called “Public Diplomacy 2.0”. It analyzes the key role of non-governmental organizations (NGOs) as actors of this new form of “soft power”. The aim of the work is to identify the mechanisms and assess the consequences of the growing influence of NGOs on international communication. Using specific examples (The British Council, “Russkiy Mir”, Al Jazeera, etc.), it is shown how NGOs, due to their flexibility, expertise, network structure, and ability to shape public narratives, become the face of modern public diplomacy, significantly influencing international relations. The article also considers the dual nature of this phenomenon, including associated challenges and risks, such as issues of legitimacy, opaque funding, and the use of NGO structures to finance terrorism and money laundering. The conclusion is made about the need to find a balance between using the opportunities of Public Diplomacy 2.0 and minimizing the associated risks through international cooperation and regulation.

Keywords: public diplomacy, soft power, NGOs, international relations, civil society, international communication, digital diplomacy.

Классическая концепция «мягкой силы» (soft power), введенная Джозефом Наем, подразумевает способность государства добиваться желаемых результатов в международной политике через привлекательность своей культуры, политических ценностей и внешней политики, а не с помощью принуждения (hard power)¹. Традиционно главным инструментом реализации «мягкой силы» была публичная дипломатия, понимаемая как целенаправленное коммуникативное воздействие правительства на иностранную общественность для продвижения национальных интересов.

Однако в XXI в., с распространением Интернета и социальных сетей, монополия государств на международную коммуникацию была подорвана.

¹ Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 191.

На смену «вертикальной» модели публичной дипломатии, где государство через свои институты обращалось к зарубежной аудитории, пришла сетевая, горизонтальная модель – «Публичная дипломатия 2.0». Эта модель характеризуется децентрализацией, интерактивностью, мультиакторностью и высокой скоростью распространения информации. В новом политическом ландшафте неправительственные организации (НКО) утвердились в качестве ключевых агентов «мягкой силы», эволюционировав от пассивных объектов политики в самостоятельных игроках. Сегодня они напрямую формируют международную повестку, воздействуют на общественные настроения и, как следствие, на дипломатические позиции правительств. Цель данной статьи – проанализировать, каким образом НКО становятся «лицом» публичной дипломатии 2.0, и оценить последствия этого феномена для современной системы международных отношений.

Понятие «публичная дипломатия 2.0» было введено в научный и политический лексикон в 2008 г. заместителем госсекретаря США Джеймсом Глассманом. Чиновник охарактеризовал его как инновационную стратегию в рамках публичной дипломатии, направленную на использование цифровых платформ – социальных сетей, блогов и мобильных приложений – для решения ключевых внешнеполитических задач Вашингтона, в частности для противодействия распространению террористической идеологии². Тем не менее системное теоретическое осмысление этой концепции связано с именем ведущего американского специалиста по публичной дипломатии Николаса Дж. Калла. Именно он предложил содержательную типологию, разделив всю дипломатическую деятельность США в цифровой среде (digital diplomacy) на две принципиально различные модели – «публичную дипломатию 1.0» и «публичную дипломатию 2.0». Критерием для такого разделения послужил технологический базис: первая опирается на односторонние каналы коммуникации Web 1.0, тогда как вторая использует интерактивные возможности и сетевую логику Web 2.0³.

Как отмечает Калл, термин «публичная дипломатия 2.0», подобно самому понятию Web 2.0, не имеет строгого общепринятого определения. Тем не менее исследователь выделяет три его фундаментальных принципа, которые отличают его от традиционных форм дипломатической коммуникации⁴. Во-первых, это способность технологий выступать ката-

² Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // U.S. Department of State. – 01.12.2008. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Cull N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past // Figueroa Press. – 2009. – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2009%20Paper%20No%2012%20-%20Cull%20-%20Lessons%20from%20the%20Past.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Cull N.J. Public Diplomacy 2.0: An Argument // CPD Blog. – 2011. – URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public_diplomacy_20_an_argument (дата обращения: 20.09.2025).

лизатором установления социальных связей и формирования устойчивых онлайн-сообществ, что переводит дипломатию из плоскости монолога в плоскость диалога. Во-вторых, это критическая зависимость от пользовательского контента – от простых отзывов и комментариев в блогах до сложных форм творчества, таких как видеоролики и цифровые коллажи (мэшапы). В-третьих, и это, пожалуй, ключевое отличие, это переход от вертикальных, иерархических моделей распространения информации, характерных для эпохи 1.0, к горизонтальным, сетевым структурам, основанным на равноправном партнерском обмене.

Свидетельством особой мощи публичной дипломатии 2.0 является, по мнению Калла, ее универсальность: она предлагает новые эффективные инструменты для всех пяти основных направлений традиционной публичной дипломатии. К ним относится: изучение общественного мнения (Listening), поскольку она предоставляет механизмы для обратной связи в виде комментариев, твитов, лайков, а также позволяет отслеживать цитирование и распространение идей в цифровой среде; информационное воздействие (Advocacy), так как ее каналы могут быть использованы для целенаправленного продвижения определенной точки зрения; культурная дипломатия, поскольку она служит как каналом трансляции культурного продукта, так и сама является формой цифровой культуры. Международное вещание, так как она облегчает кросс-границное распространение новостей и предлагает новую платформу для традиционных вещательных корпораций; обмены (Exchanges), что является наиболее органичным для нее применением, поскольку она, подобно программам обмена, работает через развитие межличностных связей и сетей⁵.

В условиях трансформации международных отношений и перехода к модели «публичной дипломатии 2.0» именно неправительственные организации демонстрируют эффективность в качестве проводников «мягкой силы». В современной мировой политике установление отношений может происходить даже без какого-либо государственного участия. Например, некоммерческие организации из одной страны могут устанавливать связи с НКО в другой стране. В более общем смысле, публичные политические действия предпринимаются по всему миру различными элементами международного гражданского общества⁶. Их конкурентные преимущества перед традиционными государственными акторами особенно ярко проявляются в цифровой среде, где доверие и аутентичность становятся ключевыми рычагами влияния.

⁵ Cull N.J. Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age. – Cambridge: Polity Press, 2019. – P. 218.

⁶ Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / ed. by J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 3–27.

Ключевое преимущество НКО заключается в том, что зачастую данные организации воспринимаются в качестве независимых институтов, которые не контролируются государством. В отличие от правительственных ведомств, чьи заявления часто априори рассматриваются как проявление пропаганды, НКО обладают «аурой непредвзятости», что значительно повышает доверие к их сообщениям среди иностранной аудитории. Эмпирические исследования подтверждают этот тезис. Согласно данным глобального исследования Edelman Trust Barometer (2023), уровень доверия к НКО стабильно превышает показатели доверия к правительствам и бизнес-структурам в большинстве регионов мира⁷. Например, в Европе 56% респондентов выражают доверие НКО, тогда как правительствам доверяют лишь 43% опрошенных. Эта «премия доверия» создает уникальные возможности для продвижения ценностей и идей, которые, будучи озвученными официальными представителями государств, могли бы быть встречены скептически.

Механизм работы этого парадокса можно проиллюстрировать на примере экологических организаций. Когда Гринпис публикует отчет о климатических изменениях, он воспринимается как экспертное мнение гражданского общества. Однако аналогичный отчет, выпущенный дипломатическим ведомством страны, часто рассматривается через призму национальных интересов этого государства, что снижает его убедительность для иностранной аудитории. Примечательно, что это преимущество сохраняется даже в случаях, когда НКО получают финансирование от государственных структур. Как показывает практика немецких политических фондов (таких как Фонд им. Фридриха Эберта* или Фонд им. Конрада Аденауэра*), их тесные связи с правительством Германии не препятствуют успешной реализации образовательных и демократических программ в других странах⁸.

Различные страны выработали уникальные модели использования некоммерческих организаций для продвижения своих интересов за рубежом. Великобритания демонстрирует классический пример долгосрочных инвестиций в инструменты «мягкой силы» через The British Council (признан нежелательной организацией на территории РФ). The British Council, работающий более чем в 100 странах мира, является одним из самых масштабных и влиятельных операторов в сфере культурной дипломатии⁹. Его деятельность по формированию прочных культурных и об-

⁷ Edelman Trust Barometer 2023: Global Report // Edelman. – 2023. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer> (дата обращения: 16.10.2025).

⁸ Паталонг Л. Работа политических фондов за рубежом как инструмент немецкой внешней политики. Patalong L. Die Arbeit der politischen Stiftungen im Ausland als Instrument deutscher Außenpolitik. – Berlin: Springer VS, 2017. – 67 S. – Немец. яз.

⁹ British Council Annual Report 2021–2022 // British Council. – 2022. – URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2021-2022.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

разовательных связей способствует созданию позитивного восприятия Великобритании в глобальном масштабе. Популярность организации подтверждается значительными количественными показателями: по последним данным, British Council ежегодно обучает английскому языку более 100 миллионов человек, а экзамены, проводимые советом, ежегодно сдают более трех миллионов кандидатов¹⁰. Кроме того, его образовательные программы и международные проекты в области искусств охватывают аудиторию в десятки миллионов человек по всему миру¹¹. Эффективность этой работы подтверждается академическими исследованиями. Согласно данным исследований, студенты и участники программ The British Council демонстрируют значительно более высокий уровень лояльности по отношению к британским политическим и общественным институтам. Одно из таких исследований указывает, что в среднем этот показатель может быть выше на 30% по сравнению с контрольными группами, не вовлеченными в его деятельность¹². В связи с этим позиция официальных властей Российской Федерации в отношении организации носит однозначный характер. Как заявили в Генеральной прокуратуре РФ: «Принято решение о признании деятельности международной организации The British Council нежелательной в Российской Федерации»¹³. В ведомстве пояснили, что, «позиционируя себя независимой структурой, всю работу совет выстраивает в соответствии с приоритетами правительства Великобритании, она подотчетна парламенту и финансируется внешнеполитическим ведомством этой страны». В Генпрокуратуре подчеркнули, что «прикрываясь образовательной и культурной деятельностью... участники совета продвигают долгосрочные британские интересы и ценности»¹⁴.

Несмотря на официальную позицию Российской Федерации, признавшей деятельность организации нежелательной, глобальное присутствие и востребованность The British Council остаются чрезвычайно высокими, особенно в странах постсоветского пространства, где его услуги в области образования и изучения языка продолжают пользоваться устойчивым спросом.

Катар представляет интересный пример использования медийных ресурсов через телеканал Al Jazeera. Создавая альтернативный западным СМИ нарратив о событиях на Ближнем Востоке, Катар укрепляет свой

¹⁰ Our Organisation // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/our-organisation> (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ British Council Arts // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/arts> (дата обращения: 15.10.2025).

¹² Pamment J. British Public Diplomacy and Soft Power: Diplomatic Influence and the Digital Revolution. – Cham: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 312.

¹³ Генпрокуратура признала нежелательной деятельность British Council в России // ТАСС. – 2023. – URL: <https://tass.ru/politika/24142665> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁴ Там же.

статус регионального лидера и формирует благоприятный образ в арабском мире. Стратегия Катар нацелена на превращение страны в глобальный центр информации и культуры. Его главным инструментом является медиасеть «Аль-Джазира». Запущенный в 1996 г. на государственные средства, этот канал произвел революцию в арабских СМИ, предложив некогда неслыханные в регионе новости без цензуры. Это позволило Катару не только определять медийную повестку, особенно в период «арабской весны», но и стать ключевым игроком в формировании общественного мнения.

Российская Федерация активно использует разветвленную сеть специализированных организаций для продвижения своих интересов и формирования позитивного образа страны за рубежом через гуманитарные и культурные каналы. Среди наиболее значимых акторов этой политики – Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский фонд мира и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Фонд «Русский мир», созданный в 2007 г. для популяризации русского языка и культуры, поддерживает более 250 русских центров в 80 странах мира¹⁵. Например, в Сербии фонд ежегодно организует «Дни Русского мира», включающие фестивали российского кино, выставки и научные конференции, которые посещают более 10 тыс. человек. Особое внимание уделяется поддержке русскоязычных школ в странах СНГ – только в Казахстане фонд обеспечивает методической литературой 152 школы с русским языком обучения¹⁶.

Азербайджан эффективно использует сеть некоммерческих организаций для продвижения своих внешнеполитических интересов и формирования позитивного международного имиджа. Ключевым элементом этой стратегии является Азербайджанское общество Красного Полумесяца (АОКП), которое, оставаясь в рамках международного гуманитарного права, реализует значимые проекты, укрепляющие позиции страны на мировой арене. Деятельность АОКП включает не только предоставление гуманитарной помощи, но и системную работу по мобилизации международной поддержки позиции Азербайджана по ключевым вопросам, таким как карабахский конфликт. В 2023 г. организация координировала помощь для более чем 100 тыс. вынужденных переселенцев, демонстрируя способность Азербайджана самостоятельно решать сложные гуманитарные задачи.

Весьма специфические условия деятельности НКО сложились в Туркменистане, где установлен жесткий контроль за деятельностью всех НКО, и особенно иностранных НКО и НКО с иностранным участием и (или) иностранным финансированием. Но это не значит, что в страну не

¹⁵ О Фонде // Фонд «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁶ Там же.

поступает иностранное финансирование, которое поступает по многим программам ООН, от международных организаций и правительств зарубежных стран. Агентство США по международному развитию (USAID) начало свою деятельность в Туркменистане в 1992 г. и нацелено на развитие социальных услуг, расширение доступа к информации, развитие рыночной экономики и сельского хозяйства. USAID тесно сотрудничает с министерствами, государственными организациями, частными компаниями и местными сообществами с целью создания рабочих мест, повышения доходов, повышения профессиональной квалификации и улучшения управления ресурсами.

Невозможно не отметить негативные аспекты влияния НКО на мировое сообщество. Не стоит полностью идеализировать роль НКО, ведь к ним относятся далеко не только организации гуманитарной направленности, но и структуры, которые негативно влияют на мировое сообщество и могут подорвать международную стабильность.

В современной международной практике наблюдается тенденция использования некоммерческих организаций (НКО) в качестве инструмента финансирования террористической деятельности. Данный феномен представляет серьезную угрозу международной безопасности в силу специфических характеристик сектора НКО, включая гибкость организационных структур, глобальный масштаб деятельности и ограниченный контроль за финансовыми потоками. Как отмечают Андропова И.В., Гусаков Н.П. и Завьялова Е.Б., «доказать причастность такой организации крайне сложно, так как средства, направленные на финансирование террористов, трудно отделить от других средств, находящихся в управлении этой же некоммерческой организации»¹⁷.

С развитием технологий публичной дипломатии 2.0 террористические организации адаптируют методы использования НКО к новым реалиям. Один из наиболее распространенных аспектов – создание фиктивных благотворительных организаций, которые под прикрытием легальной деятельности осуществляют сбор и перераспределение средств в пользу террористических группировок¹⁸. Классическим примером может служить случай с фондом «Благотворительность Аль-Харамейн», который под видом гуманитарной деятельности в различных регионах мира фактически финансировал деятельность «Аль-Каиды». Эксперты ФАТФ отмечают, что «серьезную озабоченность мирового сообщества вызывает

¹⁷ Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма через некоммерческие организации: международный опыт противодействия // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 123–145.

¹⁸ Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – P. 3–4.

тенденция к использованию некоммерческих организаций в целях направления средств на финансирование террористической деятельности»¹⁹.

Значительные сложности возникают в связи с эксплуатацией организациями пробелов в национальных правовых системах и расхождений в юрисдикциях. Они выстраивают сложные многоуровневые структуры, маскируя противоправную деятельность под легальную благотворительность, а глобальный масштаб деятельности многих НКО усугубляет эту проблему. В регионах с нестабильной политической обстановкой недостаточность межгосударственного регуляторного контроля позволяет террористическим группам использовать инфраструктуру таких организаций для перемещения средств. Стоит отметить, что в некоторых странах практически отсутствуют применимые законы и нормативные акты, что облегчает создание таких некоммерческих организаций.

Параллельно с легитимными формами взаимодействия существует и деструктивный сегмент неправительственного сотрудничества, который развивается между террористическими группировками, преступными синдикатами, наркоторговцами и повстанческими движениями. Развитие теневых маркетплейсов в даркнете и распространение анонимных браузеров, таких как Tor, создали благоприятную среду для масштабной киберпреступности и отмывания средств. Ярким примером служит русскоязычная платформа Hydra, которая до своей ликвидации была крупнейшим в мире даркнет-рынком с ежегодным оборотом около 1 млрд долларов. Особую озабоченность вызывает то, что легальные структуры, в частности НКО, в силу своего статуса и наличия кросс-границных финансовых потоков, могут быть непреднамеренно или умышленно вовлечены в схемы по легализации этих средств.

Эти вызовы напрямую пересекаются с дилеммами публичной дипломатии 2.0. Ее децентрализованная и анонимная природа может быть использована в деструктивных целях. Перед государствами, таким образом, стоит сложнейшая двуединая задача: сохранить конкурентные преимущества и открытость публичной дипломатии 2.0, одновременно минимизируя риски злоупотребления как цифровых платформ, так и неправительственного сектора.

Для решения этой задачи необходим сбалансированный, многоуровневый подход, сочетающий технологические инновации с международным сотрудничеством²⁰. Например, усиление финансового мониторинга с применением передовых технологий: речь идет о внедрении систем на

¹⁹ Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – P. 4–8.

²⁰ Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).

основе Big Data и искусственного интеллекта для анализа транзакционных данных НКО в режиме, близком к реальному времени для выявления аномалий²¹.

Развитие международных стандартов регулирования: инициативы таких структур, как ФАТФ, должны быть расширены и адаптированы к новым реалиям, включая регулирование криптовалютных пожертвований²².

Создание многосторонних механизмов прозрачности. Это может включать в себя создание международных реестров бенефициарных владельцев НКО и развитие систем информационного обмена между финансовыми разведками.

Реализация образовательных программ. Ключевым элементом защиты является повышение осведомленности доноров, руководителей и сотрудников НКО о признаках злонамеренной поддержки.

Публичная дипломатия 2.0 стала закономерным развитием идей «новой публичной дипломатии», найдя в технологиях Web 2.0 идеальное средство для их реализации. Неправительственные организации, благодаря своей гибкости, экспертизе, сетевой структуре и высокому уровню доверия, становятся новым «лицом» публичной дипломатии. Они формируют глобальную повестку, влияют на общественное мнение и опосредованно – на решения правительств. Однако этот тренд имеет двойственную природу. С одной стороны, он демократизирует международные отношения, давая голос гражданскому обществу. С другой – порождает новые риски, связанные с эрозией государственного суверенитета, использованием гуманитарных риторик в качестве прикрытия для геополитических игр, а также откровенно криминальными угрозами, такими как финансирование терроризма и отмывание денег через структуры НКО.

Таким образом, будущее публичной дипломатии лежит в нахождении тонкого баланса. Необходимо сохранить открытость, интерактивность и сетевой потенциал публичной дипломатии 2.0, одновременно выработав эффективные международные механизмы для минимизации связанных с ней рисков. Только такой комплексный подход позволит использовать возможности цифровой эпохи для построения диалога и сотрудничества, не жертвуя при этом безопасностью и стабильностью.

** Организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.*

²¹ World Bank. Risk Assessment of the Non-Profit Organization Sector. – Washington, D.C.: World Bank, 2019. – P. 95. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31649> (дата обращения: 05.09.2025).

²² Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).

Список источников и литературы

1. Андропова И.В., Гусаков Н.П., Завьялова Е.Б. Финансирование терроризма через некоммерческие организации: международный опыт противодействия // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 123–145.
2. Генпрокуратура признала нежелательной деятельность British Council в России // ТАСС. – 2023. – URL: <https://tass.ru/politika/24142665> (дата обращения: 14.09.2025).
3. О Фонде // Фонд «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 01.09.2025).
4. British Council Annual Report 2021–2022 // British Council. – 2022. – URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2021-2022.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
5. British Council Arts // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/arts> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Cull N.J. Public Diplomacy 2.0: An Argument // CPD Blog. – 2011. – URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public_diplomacy_20_an_argument (дата обращения: 20.09.2025).
7. Cull N.J. Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age. – Cambridge: Polity Press, 2019. – P. 218.
8. Cull N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past // Figueroa Press. – 2009. – URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2009%20Paper%20No%2012%20-%20Cull%20-%20Lessons%20from%20the%20Past.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).
9. Edelman Trust Barometer 2023: Global Report // Edelman. – 2023. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2023/trust-barometer> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Elgizuli A.M.M. Role of Economic Sanctions in Undermining Terrorism Financing (Analysis of the Impact of Financial Sanctions) // Terrorism Issues. – 2025. – 14 p.
11. Financial Action Task Force (FATF). Terrorist Financing. – 2023. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/themes/terrorist-financing/> (дата обращения: 05.10.2025).
12. Financial Action Task Force (FATF). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – 28.10.2021. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.09.2025).
13. Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // U.S. Department of State. – 01.12.2008. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 12.10.2025).
14. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations / ed. by Melissen J. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 3–27.
15. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
16. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 322 p.

17. Our Organisation // British Council. – URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/our-organisation> (дата обращения: 01.10.2025).
18. Pamment J. British Public Diplomacy and Soft Power: Diplomatic Influence and the Digital Revolution. – Cham: Palgrave Macmillan, 2016. – 312 p.
19. U.S. Department of the Treasury. Treasury Takes Robust Actions to Counter Ransomware // U.S. Department of the Treasury. – 21.09.2021. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0364> (дата обращения: 03.10.2025).
20. World Bank. Risk Assessment of the Non-Profit Organization Sector. – Washington, D.C.: World Bank, 2019. – P. 95. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31649> (дата обращения: 05.09.2025).
21. Zayani M. Networked Publics and Digital Contention: The Politics of Everyday Life in Tunisia. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 256 p.
22. Паталонг Л. Работа политических фондов за рубежом как инструмент немецкой внешней политики. Patalong L. Die Arbeit der politischen Stiftungen im Ausland als Instrument deutscher Außenpolitik. – Berlin: Springer VS, 2017. – 67 S. – Немец. яз.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СДВИГ 2017 ГОДА:
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА КАК ОФОРМЛЕНИЕ
«ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ» В ТУРЦИИ**

МАМЕДОВ Алиаскер Эльманович

советник юстиции 3 класса, аспирант

Института социально-гуманитарного образования,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ)

E-mail: mamedov.aliasker2014@yandex.ru

SPIN-код: 6915-2093

ORCID: 0009-0001-9590-9828

Для цитирования: Мамедов А.Э. Институциональный сдвиг 2017 года: конституционная реформа как оформление «Четвертой республики» в Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 106–119. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.07.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу конституционной реформы 2017 г. в Турции, которая рассматривается как ключевой институциональный сдвиг, оформивший переход к «Четвертой республике». Автор доказывает, что реформа вышла за рамки смены формы правления, осуществив системную трансформацию турецкой государственности. Исследование раскрывает этот процесс в двух аспектах. Во-первых, прослеживается демонтаж прежней кемалистской системы «опекаемой демократии» через политико-правовые механизмы, включая судебные процессы «Эргенекон» и «Кувалда», которые нейтрализовали армию как политического арбитра. Во-вторых, проводится детальный разбор новой системы управления: упразднение поста премьер-министра, наделение президента правом издавать указы с силой закона и реформа Высшего совета судей и прокуроров, что привело к концентрации власти и ослаблению системы сдержек и противовесов. Особое внимание уделяется идеологическому измерению – трансформации принципа лаицизма, усилению роли Управления по делам религии (Диянет) и использованию права для продвижения неоосманизма как новой конституционной идентичности.

Ключевые слова: гиперпрезидентализм, диянет, исламизм, конституционная реформа Турции, неоосманизм, опекаемая демократия, политико-правовая система, светское государство (лаицизм), Четвертая республика.

Institutional Shift of 2017: Constitutional Reform as Establishment of “Fourth Republic” in Turkey

Aliasker E. MAMEDOV

Counselor of Justice of the 3rd Class, PhD Student, Institute of Social
and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

E-mail: mamedov.aliascker2014@yandex.ru

SPIN-code: 6915-2093

ORCID: 0009-0001-9590-9828

For citation: Mamedov A.E. (2026). Institutional Shift of 2017: Constitutional Reform as Establishment of “Fourth Republic” in Turkey. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 106–119. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.07.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the 2017 constitutional reform in Turkey, examining it as a pivotal institutional shift that formalized the transition to the “Fourth Republic”. The author argues that the reform went beyond a mere change in the form of government, bringing about a systemic transformation of the Turkish state. The study explores this process in two key dimensions. Firstly, it traces the dismantling of the previous Kemalist “protected democracy” system through political and legal mechanisms, including the “Ergenekon” and “Sledgehammer” trials, which neutralized the military as a political arbiter. Secondly, it provides a detailed analysis of the new governance system: the abolition of the office of the Prime Minister, the granting of presidential decree powers with the force of law, and the reform of the Council of Judges and Prosecutors, which led to a concentration of power and a weakening of checks and balances. Special attention is paid to the ideological dimension – the transformation of the principle of secularism, the enhanced role of the Directorate of Religious Affairs (Diyanet), and the use of law to promote Neo-Ottomanism as a new constitutional identity.

Keywords: hyper-presidentialism, political and legal system, Directorate of Religious Affairs (Diyanet), Islamism, Turkish constitutional reform, neo-Ottomanism, protected democracy, secular state (laicism), Fourth Republic.

Введение

Турецкая Республика с момента своего основания в 1923 г. представляет собой уникальный объект для историко-правового исследования. Ее развитие является наглядным примером сложного и нелинейного процесса трансформации политико-правовой системы, в котором тесно переплелись имперское наследие, радикальная вестернизация «сверху» и поиск собственной цивилизационной идентичности. В XXI в. Турция под руководством Партии справедливости и развития (ПСР) демонстрирует модель, бросающую вызов устоявшимся теоретическим конструкциям, где заимствованные западные институты наполняются принципиально иным, автохтонным содержанием.

Кульминацией этого многолетнего процесса трансформации стала конституционная реформа, одобренная на референдуме 16 апреля 2017 г. и вступившая в силу в 2018 г. В научной литературе ее нередко сводят к технической замене парламентской формы республиканского правления на президентскую. Однако такой подход не позволяет раскрыть подлинную сущность и масштаб произошедших изменений. Данное исследование исходит из гипотезы, согласно которой реформа 2017 г. представляет собой институциональное оформление неоосманизма и переход к «Четвертой республике», знаменующее качественно новый этап в развитии турецкой государственности.

Целью статьи является комплексный юридический анализ конституционной реформы 2017 г. как инструмента легитимации фундаментального переустройства турецкой государственности. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- проследить историко-правовой контекст, в котором вызревала реформа, от кемалистского этатизма до модели «опекаемой демократии»;
- проанализировать правовые механизмы, использовавшиеся для демонтажа прежней кемалистской системы в период 2002–2016 гг.;
- провести детальный юридический разбор ключевых положений реформы 2017 г., доказав ее качественное отличие от предыдущих конституционных моделей;
- раскрыть идеологическое измерение реформы, показав, как право превратилось в инструмент продвижения парадигмы неоосманизма.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, позволяющие выявить генетические связи между этапами развития и провести сравнительный анализ конституционных моделей Турции. Теоретической рамкой исследования выступает концепция «диалектического отрицания», в которой каждая новая модель государственности возникает из противоречий предыдущей, наследуя при этом ее ключевые элементы.

Историко-правовой контекст: от кемализма к «опекаемой демократии»

Чтобы осознать масштаб институционального сдвига, произошедшего в 2017 г., необходимо обратиться к государственно-правовым моделям, которые ему предшествовали. Историческое развитие турецкого конституционализма носило циклический характер, где каждая новая модель формировалась как реакция на кризис предыдущей, оставаясь, однако, в рамках общей кемалистской парадигмы, основанной на этатизме, лаицизме и унитаризме. В качестве справки напомним, что А.Г.о. Байрамов¹ и

¹ Байрамов А.Г. Эволюция формы Турецкого государства (XIII–XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – С. 73–74.

А.Р.о. Исазаде² подразделяли республиканский период турецкой истории на Первую (1924–1960), Вторую (1961–1981) и Третью (1982 – н.в.) республики. Основанием для периодизации у них послужил сам факт принятия новых конституций с перераспределением баланса сил между ветвями власти. Иных глубоких и комплексных работ по истории развития современной турецкой государственности в отечественной юриспруденции сегодня нет.

Краеугольным камнем первоначальной республиканской модели стала Конституция 1924 г.³ Формально учредив парламентскую республику, она де-факто закрепила систему «Parti-Devlet» («Партия-Государство») с безусловным доминированием Республиканской народной партии и культом личности Мустафы Кемалья Ататюрка. Принцип верховенства Великого национального собрания Турции (ВНСТ) как единственного выразителя национального суверенитета сочетался с жестким подавлением любой политической и идеологической оппозиции, что свидетельствовало о глубоком внутреннем противоречии между провозглашенными демократическими принципами и авторитарной практикой их реализации.

Переход к многопартийности после Второй мировой войны и приход к власти Демократической партии (ДП) в 1950 г. не разрешили это противоречие, а вывели его на новый уровень⁴. Период правления Демпартии (1950–1960) продемонстрировал феномен «авторитарности большинства», когда демократически избранное правительство, столкнувшись с экономическими трудностями и растущей оппозицией, стало использовать формально легитимные процедуры для подавления инакомыслия и узурпации власти⁵, что в итоге привело к политическому параличу и насилию.

Ответом на этот кризис стал военный переворот 1960 г. и принятие Конституции 1961 г.⁶ Эта либеральная по духу конституция пыталась ограничить риски «тирании большинства» путем создания системы сдержек и противовесов. Впервые в турецкой истории был учрежден Конституционный суд, введен двухпалатный парламент и расширен каталог

² Исазаде А.Р. Государственной строй и правовая система Турции. – Баку: Издательство «Азербайджан», 2005. – С. 147, 282.

³ Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 491 от 20.04.1924) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 20.04.1924. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Мамедов А.Э. Идеиное наследие Ататюрка в годы испытаний: Исмет Инёню между кемализмом и пантюркизмом // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 123.

⁵ Такас М. Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950) // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). – С. 65.

⁶ Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 334 от 9 июля 1961 года) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 09.07.1961. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1961-anayasasi/> (дата обращения: 25.08.2025).

прав и свобод. Однако именно эта либерализация, как почувствовала военная и бюрократическая элита, привела к новой волне политической нестабильности и идеологической поляризации в 1970-х годах, продемонстрировав хрупкость демократических институтов в условиях сохранения этатистского менталитета и неготовность правящего класса к подлинному плюрализму.

Кульминацией этатистско-охранительской традиции стала Конституция 1982 г.⁷, принятая после очередного военного переворота и действующая по сей день (уже в радикально измененной редакции). Ее первоначальная редакция юридически оформила модель «опекаемой демократии» (protected democracy). Ключевую роль в этой системе играл Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Kurulu – MGK). Согласно изначальной редакции статьи 118 Конституции ТР 1982 г., MGK был обязан «доносить до Совета министров свои рекомендации по необходимым мерам защиты существования и независимости государства, единства и неделимости страны и мира и безопасности общества». Эти рекомендации де-факто имели обязательную силу для гражданского правительства⁸, что институционализировало роль армии как верховного «арбитра» политической жизни и гаранта незыблемых основ республики. Таким образом, к началу правления ПСР в Турции сложилась устойчивая гибридная система, где электоральная демократия существовала в жестких рамках, установленных и охраняемых военно-бюрократической элитой. Все предыдущие конституционные изменения, несмотря на их различия, происходили *внутри* этой кемалистской парадигмы. Реформа 2017 г. бросила вызов именно этому фундаментальному консенсусу.

Демонтаж старой системы: правовые механизмы «тихой революции» (2002–2016)

Приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. ознаменовал начало системного демонтажа сложившейся модели «опекаемой демократии». Правящая элита избрала стратегию «тихой революции» – поэтапной трансформации системы не через открытый разрыв, а через использование ее же правовых механизмов для последовательной нейтрализации институтов – «стражей» кемалистского режима⁹.

⁷ Конституция Турецкой Республики (принята Учредительным собранием 18 октября 1982 года, с изм. и доп. от 21.01.2017) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 18.10.1982. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/anayasa/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁸ Özbudun E. The Constitutional System of Turkey: 1876 to the Present. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 89.

⁹ Мамедов А.Э. Турецкая Республика: историко-правовой анализ трансформации от Ататюрка к Эрдогану // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 642.

Ключевым направлением этой стратегии стала нейтрализация политического влияния турецких вооруженных сил, которое на протяжении десятилетий опиралось на формальные и неформальные рычаги власти, закрепленные в Конституции 1982 года. Главным инструментом в этой борьбе стали громкие судебные процессы – «Эргенекон» (*Ergenekon davası*, 2008–2016) и «Кувалда» (*Balyoz darbe planı*, 2010–2014).

С юридической точки зрения эти процессы продемонстрировали использование права как оружия в политической борьбе. Сотни обвиняемых, включая высокопоставленных действующих и отставных военных, журналистов, академиков и оппозиционных политиков, были осуждены по обвинениям в создании террористической организации и подготовке государственного переворота. Однако доказательственная база вызвала серьезные сомнения у экспертного сообщества и правозащитных организаций, указывавших на сфабрикованность доказательств и грубые процессуальные нарушения. Что это: юридический фасад для политической чистки? Несмотря на последующее полное оправдание всех фигурантов¹⁰, политико-правовые последствия оказались необратимыми: авторитет и влияние армии как автономного политического актора были подорваны, а офицерский корпус подвергся массовой чистке.

Параллельно правящая элита провела серию законодательных реформ, направленных на ослабление институциональной автономии. Так, в 2010 г. был принят пакет конституционных поправок, которые, будучи формально направлены на либерализацию (усложнение процедуры запрета партий, право индивидуального обращения в Конституционный Суд ТР), на практике изменили состав и структуру ключевых судебных органов, включая Высший совет судей и прокуроров (HSYK), что позволило установить над ними более плотный контроль со стороны исполнительной власти.

Кульминацией противостояния стал коррупционный скандал 17–25 декабря 2013 г., когда правоохранительные органы, связанные с движением Фетхуллага Гюлена, инициировали расследование против членов кабинета министров. Власти ответили масштабными контрмерами: были проведены законодательные изменения, переподчинившие судебную полицию министерству юстиции, и начаты чистки в органах правопорядка¹¹. Этот этап показал, что борьба ведется не только со старой кемалистской элитой, но и с любыми альтернативными центрами влияния, включая бывших союзников.

¹⁰ Вниманию! По всем обвиняемым в деле «Кувалды» вынесен оправдательный приговор! Flaş! Balyozda tüm sanıklara tahliye! // Milliyet. – Турец. яз. – URL: <http://siyaset.milliyet.com.tr/balyozda-ilk-tahliye/siyaset/detay/1899685/default.htm> (дата обращения: 22.04.2026).

¹¹ Turkey 2020 Report // European Commission. – Brussels, 2020. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020_ru (дата обращения: 12.09.2025).

Таким образом, к 2016 г. правящий режим методами «управляемого права» расчистил пространство для кардинальной конституционной реформы, устранив или ослабив все основные институты, способные оказать ей организованное сопротивление – армию, независимую судебную систему и политическую оппозицию внутри государственного аппарата.

Конституционная реформа 2017 г.: институциональное оформление «Четвертой республики»

«Как правило, – пишет Т.Я. Хабриева, – инициация конституционной реформы происходит на уровне институтов государственной власти. Зачастую они же являются и субъектами соответствующей законодательной инициативы»¹². В современной Турции именно это и произошло: функционеры от правящей Партии справедливости и развития, в том числе премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, публично выразили намерение перехода на президентскую форму правления еще в 2005 г. и с тех пор неустанно продвигали эту повестку¹³.

Кульминацией многолетней трансформации турецкого политико-правового пространства стала конституционная реформа, одобренная на референдуме 16 апреля 2017 г. и вступившая в силу после президентских и парламентских выборов 24 июня 2018 г. (Закон от 21.01.2017 № 6771¹⁴). Юридическая сущность данной реформы выходит далеко за рамки технической корректировки системы правления. Она представляет собой системную перенастройку основ конституционного строя, знаменующую переход от модели «опекаемой демократии» к президентской республике турецкой модели, которую часто называют суперпрезидентской.

Центральным элементом реформы стало упразднение парламентской системы, являвшейся стержнем турецкого конституционализма с 1924 г. Согласно новой редакции статьи 104 Конституции Турецкой Республики, «исполнительная власть и функции осуществляются Президентом Республики». Данная формулировка носит императивный и исключительный характер. На ее основе был ликвидирован пост премьер-министра, а Совет министров заменен на Президентский кабинет, члены которого (вице-

¹² Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5: монографии. Содерж.: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – Москва: РАН, 2018. – С. 141.

¹³ Заявление ПСР о президентстве: референдум может быть проведен в апреле. AKP'den başkanlık açıklaması: Nisan ayında referanduma gidilebilir // Bir Gün. – 19.10.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.birgun.net/haber/akp-den-baskanlik-aciklamasi-nisan-ayinda-referanduma-gidilebilir-132029> (дата обращения: 12.10.2025).

¹⁴ Закон от 21.01.2017 № 6771. Sayı: 29965. Kanun No: 6771 // Resmi Gazete. – 21.01.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/02/20170211-1.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

президенты и министры) назначаются и смещаются единоличным решением главы государства без необходимости получения вотума доверия от Великого национального собрания Турции (ВНСТ). Это изменение упразднило важное начало парламентаризма – коллегиальную ответственность правительства перед представительным органом власти.

Помимо концентрации в своих руках всей полноты исполнительной власти, президент республики получил беспрецедентные законодательные полномочия. В соответствии с частью 2 статьи 104, президент наделен правом издавать президентские указы (*cumhurbaşkanlığı kararnamesi*), которые имеют силу закона (вообще, такое право было в свое время у М. Кемалю). Хотя формально эти указы не могут регулировать вопросы, прямо отнесенные к законодательной сфере (основные права, обязанности, политические права), широта формулировки позволяет регулировать практически все иные сферы общественной жизни, что создает конкуренцию полномочиям законодательной ветви власти и серьезным образом ставит под сомнение действительную монополию парламента на законотворчество. Как отмечалось в Заключении Венецианской комиссии, «предоставление Президенту столь широких полномочий по изданию указов несовместимо с фундаментальными принципами демократии, основанной на разделении властей»¹⁵.

Роль парламента (ВНСТ) в новой системе была радикально ослаблена. Он утратил ключевые контрольные функции, включая возможность вынесения вотума недоверия правительству. Его законодательная инициатива может быть заблокирована президентским вето, для преодоления которого требуется абсолютное большинство голосов всех депутатов (301 голос), что делает этот процесс крайне затруднительным в условиях расколотого парламента.

Судебная власть также подверглась реформе, направленной на усиление влияния исполнительной власти. Изменения коснулись Высшего совета судей и прокуроров (HSYK). Согласно поправкам президент республики получил право назначать 6 из 13 членов Совета, при этом одним из членов Совета по должности является министр юстиции. Подобная конструкция, по оценке профессора Э. Озбудуна, «ознаменовала конец независимости судебной власти и ее подчинение политическим интересам правящей партии»¹⁶.

Таким образом, конституционная реформа 2017 г. создала не просто президентскую, а гиперпрезидентскую модель управления, характери-

¹⁵ Venice Commission. Opinion N 875/2017 on the Amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017 // Council of Europe. – Strasbourg, 2017. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)005-e) (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁶ Özbudun E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50, № 2. – P. 45. – DOI: 10.1080/03932729.2015.1020651.

зующуюся беспрецедентной концентрацией властных полномочий в руках одного лица при системном ослаблении всех институтов сдержек и противовесов – парламента, судебной системы и автономных административных органов. Внимательный читатель напомним, что прецедент сверхполномочий главы государства в политической истории современной Турции все же был – это Ататюрк; однако же возразим, что Мустафа Кемаль, будучи главой государства, одновременно был еще и председателем парламента, и тогдашняя турецкая легислатура имела неизмеримо больший вес, чем нынешняя. Это позволяет квалифицировать реформу не как эволюционное изменение, а как институциональный сдвиг, учредивший новую, «Четвертую», республику.

Идеология и право: неоосманизм как новая конституционная идентичность

Институциональный сдвиг, закрепленный конституционной реформой 2017 г., имел не только структурное, но и глубокое идеологическое измерение. Правовая система Турции, оставаясь формально светской, претерпела фундаментальную трансформацию своей сущностной направленности. Если ранее право выступало инструментом защиты лаицистско-националистической парадигмы кемализма, то в период правления ПСР оно эволюционировало в инструмент продвижения новой неофициальной идеологии – неоосманизма. Этот процесс нашел отражение в переосмыслении ключевых конституционных принципов и в изменении вектора правового регулирования в социальной сфере.

Действующая власть в Турции не придерживается строго концептуальных рамок классического кемализма, а значит, идеологический догматизм ей чужд. Востоковед Ю. Мавашев указывает, что верхушка ПСР не скрывает пietetа в отношении султана Абдул-Хамида II¹⁷ – того самого, который правил империей единолично с 1876 по 1908 гг., пока не случилась Младотурецкая революция.

Наиболее показательной является эволюция толкования и применения принципа лаицизма (светскости), закрепленного в статье 2 Конституции. Агрессивный кемалистский лаицизм, направленный на вытеснение религии из публичной сферы, уступил место модели «патерналистского лаицизма». В этой модели государство не отделяется от религии, а берет на себя роль ее активного регулятора и «покровителя», интегрируя ислам в публичное пространство в контролируемой и лояльной государству форме. Ярким примером стала легализация ношения исламского головного убора (хиджаба) в университетах (2011) и государственных учреждениях (2013), возвращение статуса мечети «Айя-Софие» (2020). Важно

¹⁷ Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом: монография / Кавказский политический клуб. – Москва: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – С. 171.

подчеркнуть, что эта мера (возвращение ислама в пространство политики и государственного управления) проводилась Н. Эрбаканом, А. Гюлем и Р.Т. Эрдоганом под лозунгами «расширения индивидуальных свобод» и даже «европеизации», что позволило представить демонтаж одного из ключевых символов кемалистского публичного пространства как либеральную реформу.

Главным институциональным проводником этой политики стало Управление по делам религии (Diyanet). Из органа по контролю над религией, каким оно было при кемалистах, Диянет превратился в мощный инструмент государственной идеологии с беспрецедентно раздутым бюджетом, превышающим бюджеты нескольких министерств¹⁸. Его деятельность вышла далеко за рамки отправления культа, включив в себя пропаганду «правильного», лояльного государству ислама как внутри страны, так и за рубежом¹⁹, что сделало Диянет эффективным инструментом неоосманской «мягкой силы». «Официальная Анкара, – пишут В.А. Аватков и А.И. Сбитнева, – нацелилась на главенство в этноконфессиональной среде»²⁰.

Параллельно в правоприменительной практике произошла знаковая инверсия. Если ранее репрессивный аппарат государства в лице Уголовного кодекса был направлен, в первую очередь, на защиту светских устоев, то в новой модели он все чаще используется для защиты религиозных чувств и официальной морали. Ключевую роль в этом играет статья 216 Уголовного кодекса Турции, карающая за открытое унижение религиозных ценностей, принятых частью общества. Правозащитные организации даже фиксируют, что эта норма активно используется для преследования журналистов, активистов и рядовых граждан за любые высказывания, которые могут быть расценены как критика ислама или пророка Мухаммеда²¹ (здесь нам интересна констатация факта того, что прорелигиозная норма «активно используется»). Таким образом, право из инструмента секуляризации превратилось в инструмент защиты религиозной идентичности большинства населения, что является характерной чертой консервативно-авторитарных режимов.

¹⁸ Бюджет Diyanet превзошел бюджет 11 министерств. Diyanet'in bütçesi 11 bakanlığı geride bıraktı // BBC Türkçe. – 20.10.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-58989996> (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁹ Гумеров М.М., Гусева Ю.Н. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. – 2024. – № 2 (60). – С. 20–21.

²⁰ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

²¹ Turkey: Article 216 and the Prosecution of 'Insulting Religious Values' // Amnesty International. – 2016. – URL: <https://www.amnesty.org/en/search/?q=Turkey%20Article%20216&sort=date> (дата обращения: 30.08.2025). (Прим.: Генпрокуратура России в мае 2025 г. объявила «Amnesty International» нежелательной организацией).

Этот идеологический курс нашел свое отражение и в законодательных инициативах, выходящих за рамки уголовного права. Например, реформа системы образования, реализованная через Закон «О внесении изменений в Закон о начальном образовании и обучении и другие законы»²², привела к росту числа религиозных школ имам-хатыбов и усилению исламского компонента в учебных программах. Под предлогом децентрализации и расширения выбора была создана система, способствующая воспроизводству консервативной идентичности в молодом поколении.

Таким образом, конституционная реформа 2017 г. стала не только институциональным, но и идеологическим актом. Она создала правовой каркас для патерналистско-консервативной модели, в которой право систематически используется для продвижения неоосманской идентичности, поддержки «официального» ислама и подавления инакомыслия (главным образом, кемалистской реакции) под широкими предлогами защиты национальной безопасности, общественной морали и религиозных чувств.

Заключение

Проведенный комплексный анализ позволяет утверждать, что конституционная реформа 2017 г. в Турции представляет собой не техническую корректировку системы правления, а системный переворот, знаменующий наступление качественно нового этапа в развитии турецкой государственности – «Четвертой республики». Этот вывод основывается на последовательном доказательстве двух ключевых тезисов, сформулированных в ходе исследования.

Во-первых, реформа осуществила окончательный разрыв с кемалистской республиканской моделью в ее институциональном измерении. Модель «опекаемой демократии» с доминирующей ролью парламента и военно-бюрократического «арбитража» (Совет национальной безопасности), унаследованная от Конституции ТР 1982 г., была заменена на суперпрезидентскую систему. Упразднение поста премьер-министра, сосредоточение всей исполнительной власти и законодательных прерогатив (право издавать указы) в руках президента, а также ослабление контрольных функций парламента и судебной власти – все это свидетельствует не об эволюции, а о кардинальной смене конституционного дизайна. Этот сдвиг стал возможен благодаря предварительному демонтажу «глубинного государства» через политически мотивированные судебные процессы («Эргенекон», «Кувалда»), которые нейтрализовали главных потенциальных противников трансформации – армию и светско-кемалистскую элиту.

²² Закон от 30.03.2012 № 6287. Sayı: 28261. Kanun No: 6287 // Resmi Gazete. – 30.03.2012 – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/04/20120411-8.htm> (дата обращения: 19.10.2025).

Во-вторых, современная правовая система Турции завершила свою эволюцию от агрессивного лаицизма к патерналистско-консервативной модели, где право используется как инструмент продвижения официальной идеологии. Легализация хиджаба под лозунгами свободы совести, превращение Диянета в рупор государственной «мягкой силы» (огосударствление ислама), применение статьи 216 УК ТР для защиты религиозных чувств – все это элементы целенаправленного курса по формированию новой, неоосманской, конституционной идентичности, которая не отказывается полностью от кемализма, однако не стесняется реанимировать исторические и культурные нарративы османского прошлого страны. Право в этой модели обеспечивает идеологический и моральный контроль над обществом, легитимируя авторитарную концентрацию власти необходимостью защиты «национальной воли» и «консервативных ценностей».

Возражение о том, что формально продолжает действовать Конституция ТР 1982 г., не отменяет качественного характера произошедших изменений. Конституционная реформа, ведущая к перераспределению властных полномочий, способна изменить саму природу политического режима, даже если формально текст конституции сохраняется. В турецком случае юридическая оболочка Основного закона была сохранена, но его сущностное, системообразующее содержание – принцип разделения властей и источник легитимности исполнительной власти – было радикально изменено.

Таким образом, «Четвертая республика» является институциональным воплощением идеологии неоосманизма, представляющей собой синтез унаследованного от кемализма этатизма и новой консервативно-религиозной парадигмы. Возможно, в текущие дни неоосманизм как новая государственно-правовая реальность только раскрывается, «набирает обороты», может, явно не манифестировал на авансцене, однако «тихая революция» и концентрация власти в руках главных архитекторов и проводников новой идеологии обеспечили почву для этого. Этот гибридный режим, сочетающий формальные демократические процедуры с монополизацией власти и идеологизацией права, определяет не только внутривластный ландшафт современной Турции, но и ее амбициозную, суверенную роль в системе международных отношений в эпоху глобальных трансформаций.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
2. Байрамов А.Г. Эволюция формы Турецкого государства (XIII–XX вв.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011.

3. Гумеров М.М., Гусева Ю.Н. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. – 2024. – № 2 (60). – С. 17–31. – DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31.
4. Исазаде А.Р. Государственный строй и правовая система Турции. – Баку: Издательство «Азербайджан», 2005. – 345 с.
5. Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 334 от 9 июля 1961 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 09.07.1961. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1961-anayasasi/> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 491 от 20.04.1924) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 20.04.1924. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Конституция Турецкой Республики (принята Учредительным собранием 18 октября 1982 г., с изм. и доп. от 21.01.2017) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 18.10.1982. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/anayasa/> (дата обращения: 03.09.2025).
8. Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом: монография / Кавказский политический клуб. – Москва: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 208 с.
9. Мамедов А.Э. Идеиное наследие Ататюрка в годы испытаний: Исмет Инёню между кемализмом и пантюркизмом // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 120–125.
10. Мамедов А.Э. Турецкая Республика: историко-правовой анализ трансформации от Ататюрка к Эрдогану // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 635–644.
11. Такас М. Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950) // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). – С. 61–66.
12. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5: монографии. Содерж.: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – Москва: РАН, 2018. – 504 с.
13. Özbudun E. The Constitutional System of Turkey: 1876 to the Present. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 208 p.
14. Özbudun E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50, № 2. – P. 42–55. – DOI: 10.1080/03932729.2015.1020651.
15. Turkey 2020 Report // European Commission. – Brussels, 2020. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020_ru (дата обращения: 12.09.2025).
16. Turkey: Article 216 and the Prosecution of ‘Insulting Religious Values’ // Amnesty International. – 2016. – URL: <https://www.amnesty.org/en/search/?q=Turkey%20Article%20216&sort=date> (дата обращения: 30.08.2025). (Прим.: Генпрокура-

- тура России в мае 2025 г. объявила «Amnesty International» нежелательной организацией).
17. Venice Commission. Opinion N 875/2017 on the Amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017 // Council of Europe. – Strasbourg, 2017. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)005-e) (дата обращения: 15.10.2025).
 18. Бюджет Диянета обогнал бюджеты 11 министерств. Diyanet'in bütçesi 11 bakanlığı geride bıraktı // BBC Türkçe. – 20.10.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-58989996> (дата обращения: 12.09.2025).
 19. Внимание! По всем обвиняемым в деле «Кувалды» вынесен оправдательный приговор! Flaş! Balyozda tüm sanıklara tahliye! // Milliyet. – Турец. яз. – URL: <http://siyaset.milliyet.com.tr/balyozda-ilk-tahliye/siyaset/detay/1899685/default.htm> (дата обращения: 22.04.2026).
 20. Закон от 21.01.2017 № 6771. Sayı: 29965. Kanun No: 6771 // Resmi Gazete. – 21.01.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/02/20170211-1.htm> (дата обращения: 01.10.2025).
 21. Закон от 30.03.2012 № 6287. Sayı: 28261. Kanun No: 6287 // Resmi Gazete. – 30.03.2012 – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/04/20120411-8.htm> (дата обращения: 19.10.2025).
 22. Заявление ПСР о президентстве: референдум может быть проведен в апреле. AKP'den başkanlık açıklaması: Nisan ayında referanduma gidilebilir // Bir Gün. – 19.10.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.birgun.net/haber/akp-den-baskanlik-aciklamasi-nisan-ayinda-referanduma-gidilebilir-132029> (дата обращения: 12.10.2025).

АФГАНСКИЕ ДИАСПОРЫ: КЛАСТЕР КОНФЛИКТУЮЩИХ КОНФИГУРАЦИЙ

БЕЗРОДНАЯ Валерия Сергеевна

магистр востоковедения, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: bezrodnaya.valeria@gmail.com

ORCID: 0009-0008-7713-7298

Для цитирования: *Безродная В.С.* Афганские диаспоры: кластер конфликтующих конфигураций // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 120–142. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.08.

Аннотация. В статье рассматриваются афганские сообщества за пределами Афганистана как глубоко неоднородные и фрагментированные группы мигрантов. Основными источниками для исследования являются интервью с выходцами из Афганистана, проведенные в 2023 г. в России и 2025 г. в Италии, Германии и Австрии (всего – 37). Для анализа также привлекаются результаты аналогичных исследований европейских и афганских авторов в Австрии, Швейцарии, Великобритании, Нидерландах, Дании, Финляндии и Австралии. Оптикой для анализа служит предложенная немецкой исследовательницей Каролин Фишер (Carolin Fischer) формулировка «кластер конфигураций» (a cluster of configurations), которая позволяет увидеть данное сообщество соотечественников как разделенное по этническим, политическим, идеологическим и другим линиям, порой объединенное гражданством лишь формально. Статья демонстрирует, что в то время как внутриафганские противоречия времен Холодной войны и традиционные конфессиональные различия не играют существенной роли в жизни диаспоры, этническая принадлежность и позиция в отношении радикального ислама становятся причиной высокой степени эндогамии и конфликтности в диаспоре. В связи с этим ставится вопрос о целесообразности использования термина «афганская диаспора» как такового в отношении совокупности конфликтующих групп переселенцев из Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, миграция, диаспора, этнополитические конфликты, афганские беженцы, афганская диаспора, транспортировка конфликта, воображаемые сообщества.

Afghan Diasporas: Cluster of Conflicting Configurations

Valeriia S. BEZRODNAIA

Master of Oriental Studies, Lecturer, National Research University
“Higher School of Economics”

E-mail: bezrodnaya.valeria@gmail.com

ORCID: 0009-0008-7713-7298

For citation: Bezrodnaia V.S. (2026). Afghan Diasporas: Cluster of Conflicting Configurations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 120–142. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.08.

Abstract. This article examines Afghan communities outside of Afghanistan as deeply heterogeneous and fragmented groups of migrants. The primary sources for the study are interviews with Afghan immigrants conducted in 2023 in Russia and 2025 in Italy, Germany, and Austria (a total of 37). The analysis also draws on the results of similar studies conducted by European and Afghan researchers in Austria, Switzerland, the United Kingdom, the Netherlands, Denmark, Finland, and Australia. The analytical lens is the term “a cluster of configurations” proposed by German researcher Carolin Fischer, which allows us to see this community of compatriots as divided along ethnic, political, ideological, and other lines, sometimes united only formally by citizenship. The article demonstrates that while intra-Afghan Cold War-era contradictions and traditional religious differences play a minor role in the life of the diaspora, ethnicity and stances on radical Islam are the cause of a high degree of endogamy and conflict within the diaspora. This raises the question of the appropriateness of using the term “Afghan diaspora” as such to refer to the aggregate of conflicting groups of migrants from Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, migration, diaspora, ethno-political conflicts, Afghan refugees, Afghan diaspora, transportation of conflict, imagined communities.

На 2024 г. за пределами родной страны проживало более 6,4 млн афганских беженцев¹, из которых 90% приходится на соседние Иран и Пакистан². Большинство прибывающих в Европу мигрантов из Афганистана следуют также из этих двух государств. На Европейский же континент, включая Россию, приходится приблизительно 800 тыс. афганских граждан и их детей с разным миграционным статусом. Еще несколько сотен тысяч

¹ В 2025 г. Иран и Пакистан проводили политику массовой депортации мигрантов, в результате чего более 2,7 млн были возвращены в Афганистан. См.: Post-Return Monitoring Survey Report. UNHCR Afghanistan. December 2025 // United Nations High Commissioner for Refugees. – 2025. – URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/112147> (дата обращения: 02.01.2026).

² Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.

проживает в США, Канаде, Австралии^{3, 4}. Таким образом, афганские беженцы являются одной из двух наиболее многочисленных групп беженцев наряду с сирийскими.

Однако миграция из Афганистана имеет более длительную историю и берет свое начало в 1970-х годах, после чего поток переселенцев из Афганистана практически не прерывался. Миграцию из Афганистана за последние три десятилетия можно описать как последовательность волн, вызванных политическими событиями, и одновременно как постоянный исход, обусловленный стихийными бедствиями, безработицей, отсутствием прав и возможностей, голодом и т.д. Большинство респондентов исследования называют отсутствие безопасности основной причиной эмиграции независимо от года отъезда. Учитывая эту выдающуюся непрерывность исходящей миграции и фрагментированный характер афганского общества в целом, афганская диаспора никогда не формировала сплоченное или однородное сообщество. Миграция носила кумулятивный характер: новые группы мигрантов накладывались на уже существующие, образуя страты и усложняя динамику внутри диаспоры. Представляется, что при высокой степени изученности этнического и иного разнообразия в самом Афганистане, существующие исследования склонны тем не менее гомогенизировать афганскую диаспору, игнорируя тем самым важные внутригрупповые процессы и проблемы.

Социальная и физическая фрагментация распространены во многих диаспорах. Она предполагает высокий уровень эндогамии, проживание в отдельных районах и даже городах и, как правило, избегание социальных контактов с людьми, принадлежащими к «другой» диаспорной группе⁵. Как отмечают Элиз Ферон и Бахар Басер, большинство людей, бегущих от конфликта в своей стране, обычно хотят дистанцироваться от насилия⁶. Однако некоторые могут непреднамеренно перенести конфликт с собой и воспроизвести его в стране проживания, особенно когда члены противоборствующих групп в стране происхождения мигрируют в те же места.

³ Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.

⁴ Точные данные по России отсутствуют, однако принято приводить цифры до 150 тыс. человек. См.: Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика* – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.

⁵ Féron É. Transporting and Re-Inventing Conflicts: Conflict-Generated Diasporas and Conflict Autonomisation // *Cooperation and Conflict*. – 2016. – Vol. 52, № 3. – P. 360–376. – DOI: 10.1177/0010836716678050.

⁶ Féron É., Baser B. Diasporas and Transportation of Homeland Conflicts: Inter-group Dynamics and Host-Country Responses // *Ethnopolitics*. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 375–383. – DOI: 10.1080/17449057.2023.2241231.

В случае Афганистана эта фрагментация особенно выражена: при некотором упрощении в среде афганских мигрантов можно выделить несколько антагонизмов: бывшие функционеры НДПА и моджахеды (а также их соответственные сторонники, члены семьи и потомки); пуштуны и этнические меньшинства; шииты и сунниты; сторонники радикальных течений ислама, включая сторонников движения Талибан, и люди умеренных или светских взглядов; выходцы из привилегированных городских слоев и беднейшие слои. Разница поколений (афганская диаспора включает уже три поколения мигрантов) и дифференциация по году и причине эмиграции также антагонизируют население.

Понимание динамики внутридиаспорных конфликтов имеет решающее значение для принимающих обществ, особенно в контекстах, где диаспорные сообщества многочисленны, политически активны и/или воспринимаются как потенциальные источники нестабильности. Это, в свою очередь, имеет значение для понимания их социальных практик, форм самоорганизации и взаимодействия с институтами принимающего общества. В свете обсуждавшихся на конец 2025 г. мер по привлечению афганских мигрантов для труда в сельскохозяйственном секторе России⁷, проблематизация внутриафганских отношений представляется особенно актуальной.

Случай афганской диаспоры иллюстрирует, как затяжные конфликты продолжают развиваться и адаптироваться на транснациональном уровне, тем самым усложняя традиционные представления о миростроительстве и разрешении конфликтов. Помимо этого, анализируя, как участники диаспоры интерпретируют афганское прошлое, настоящее и потенциальное будущее, статья проливает свет на политическую и символическую силу нарративов в формировании границ и разделений групп.

Эмпирическую основу исследования составляют два этапа полевой работы. Первый этап был проведен в России в марте – мае 2023 г. в Санкт-Петербурге и включал 18 углубленных полуструктурированных интервью продолжительностью от одного до двух часов, а также анкетирование 31 респондента с использованием онлайн-форм. Интервью, как правило, проводились очно; место встречи определялось самими участниками и включало общественные пространства, офисы диаспорных ассоциаций и частные дома. Основным языком интервью был русский, при необходимости использовался персидский (дари). Анкета содержала как закрытые, так и открытые вопросы, касающиеся социально-демографических характеристик, миграционной истории, повседневных практик, опыта дискриминации и планов на будущее.

⁷ Афганистан предложил России привлекать трудовых мигрантов // РИА Новости. – 28.11.2025. – URL: <https://ria.ru/20251128/afghanistan-2058234344.html> (дата обращения: 02.01.2026).

Второй этап полевой работы был осуществлен в августе-сентябре 2025 г. в ряде государств Европейского союза (Италия, Австрия, Германия) и включал 19 интервью и содержательных бесед. Исследование проводилось преимущественно методом полуструктурированных интервью и включенного наблюдения. Контакты устанавливались через диаспорные сети, общественные пространства (кафе, магазины, рынки), а также в ходе частных визитов. Основным языком общения был персидский (дари), эпизодически использовались итальянский и пушту.

В ходе интервью респонденты рассказывали о своей миграционной траектории, внутридиаспорных отношениях, этнических и политических разногласиях, роли религии, символах, культурных практиках и формах коллективной мобилизации. Особое внимание уделялось воспроизводству конфликтов страны происхождения в условиях диаспоры.

Всего в четырех странах было проведено 37 интервью. Отбор информантов носил ненаправленный характер; Применялся метод «снежного кома». Пуштуны и хазарейцы представлены примерно поровну, в то время как таджики составили половину от всех участников. Узбеки и кызылбаши представлены по одному человеку. Лишь одна четвертая участников исследования – женщины. Год рождения респондентов варьируется от 1956 до 1999 г.

Несмотря на неизбежные ограничения, связанные с закрытостью мигрантских сообществ и ограниченными временными ресурсами, сочетание интервью, наблюдения и последующих уточняющих контактов с информантами позволяет считать полученные данные надежными и аналитически значимыми.

Для анализа также привлекаются результаты аналогичных исследований зарубежных, включая европейских, и афганских авторов в Австрии, Швейцарии, Великобритании, Нидерландах, Дании, Финляндии и Австралии. Хотя суммарное афганское население перечисленных стран составляет приблизительно одну шестую от всей диаспоры, полученные данные представляются достаточными для выводов об афганских общинах за пределами Афганистана в целом.

«Кластер конфигураций» и транспортировка конфликта

Оптикой для анализа служит предложенная немецкой исследовательницей Каролин Фишер формулировка «кластер конфигураций» (a cluster of configurations)⁸, которая позволяет увидеть данное сообщество соотечественников как разделенное по этническим, политическим, классовым и другим линиям, порой объединенное гражданством лишь

⁸ Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // Journal of Intercultural Studies. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

формально. Под конфигурацией подразумевается многоуровневая социальная идентичность каждого члена диаспоры: гражданство, происхождение, конфессия, социальный класс, политическая ориентация и пр. В зависимости от условий, в тот или иной момент может быть мобилизована и проблематизирована одна из идентичностей или их конфигурация.

Ключевой теоретической концепцией этой статьи является понятие транспортиации, т.е. переноса конфликта. Данный термин, по-видимому, впервые был сформулирован французской исследовательницей Э. Ферон на основе теоретических разработок исследовательницы из Нидерландов, Йолле Деммерс, о «детерриториализации» и «делокализации» конфликтов, подразумевающих, что после миграции диаспоры «переживают свои конфликты через Интернет, электронную почту, телевидение и телефон без прямых (физических) страданий, рисков или ответственности»⁹.

Афганский конфликт начался как идеологический конфликт между исламскими и левыми политическими группами, которые использовались сверхдержавами в период Холодной войны. Он принял свою насильственную форму с Саурской революцией 1978 г., за которой последовало советское вторжение в 1979 г. Во время гражданской войны, продолжавшейся до середины 1990-х годов, конфликт был переосмыслен по этническому признаку, а позже, во время первого правления движения Талибан, получил религиозно-идеологическое измерение. Уже «заключенная в оболочку, подобно луковице»¹⁰, изношенная и разорванная, ткань афганского общества была обречена на очередную трагическую точку бифуркации с повторным приходом группировки Талибан к власти в 2021 г.

По мнению Э. Ферон, транспортировка конфликтов происходит на трех основных уровнях: символическом, социальном и физическом. Первый уровень понимается как дискурсивные практики, включающие вербальное и символическое насилие. Символы демонстрируются во время публичных мероприятий, таких как демонстрации и памятные события, в публикациях, ориентированных на местное сообщество, в средствах массовой информации и т.д. Эта символическая / дискурсивная передача конфликта редко перерастает в физическое насилие, но способствует поддержанию антагонизма, привезенного из родной страны в процессе миграции.

Второй уровень передачи конфликта – социальный, выражающийся в высоком уровне эндогамии, пространственной сегрегации и общем отсутствии социальных контактов между враждующими группами. Культурные мероприятия, такие как праздничные торжества, часто служат демонстрацией такой сегрегации. Как выразился Гайер, конфликты также

⁹ Demmers J. *Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics* // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.

¹⁰ Najibullah H. *Fractured Bonds, Dithering Identities: Afghan-Swiss Diaspora Conflict Narratives* // *Diaspora Studies*. – 2022. – Vol. 24. – P. 163–180. – DOI: 10.5167/uzh-238154.

могут передаваться на культурном уровне благодаря поддержанию культурных, языковых или религиозных практик, которые могут вызывать разногласия, или посредством организации политических и культурных мероприятий, где «другие» нежелательны и где демонстрируются символы, вызывающие разногласия¹¹. Таким образом, такие проявления конфликта можно приравнять к ситуациям негативного мира¹², где совершение физического насилия относительно редко, но где структурное, культурное и символическое насилие повсеместно распространены.

Третий уровень включает физическое проявление, такое как насильственное нападение. Существует очень мало данных о наличии физического насилия в афганской диаспоре, которое могло бы воспроизвести конфликт на родине. Однако некоторые участники сообщили, что они были свидетелями или даже жертвами агрессивных действий сторонников Талибана во время антидискриминационных и антиталибанских демонстраций в Гамбурге и Вене. В связи с недостатком информации, эти случаи не рассматриваются в статье, однако сам факт их возникновения является симптоматическим и не должен игнорироваться.

Теория социальной идентичности (SIT) предполагает, что индивиды определяют свою идентичность по принадлежности к той или иной группе и категоризируют себя и других на внутренние и внешние группы, что приводит к фаворитизму по отношению к своей группе и потенциально к негативным стереотипам и дискриминации по отношению к внешним группам¹³. Данный процесс выявляется и в среде афганских сообществ за рубежом. В результате исследования было выявлено, что в процессе миграции некоторые из конфликтов потеряли былое значение, а некоторые лишь обострились. Иначе говоря, одни социальные идентичности постепенно растворялись по мере интеграции в принимающее сообщество, в то время как другие – напротив, укреплялись и даже радикализировались.

¹¹ Gayer L. The Volatility of the “Other”: Identity Formation and Social Interaction in Diasporic Environments // *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. – 2007. – Vol. 1. – DOI: 10.4000/samaj.36.

¹² Концепции «негативного» и «позитивного» мира были разработаны норвежским социологом и специалистом по конфликтологии Йозефом Галтунгом (1930–2024) в 1960-е годы. Концепция «негативного» мира предполагает полное отсутствие вооруженного конфликта (прекращение огня), а также опасений, что конфликт может возобновиться в любой момент. Концепция «позитивного» мира предполагает не только завершение вооруженного конфликта, но и реализацию общественно-политических и экономических программ развития, способных привести к искоренению неравенства и дискриминации отдельных групп. См.: Миротворчество: «негативный» и «позитивный» мир // *Новый дипломатический словарь*. – 29.11.2024. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 02.01.2026).

¹³ Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. – Monterey (CA): Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.

Это подтверждают и сами респонденты: «В настоящий момент внутри-афганская дискуссия – это дискуссия об идентичности (بحث هویتی /bahs-e hovviyati/)».

Символический (дискурсивный) уровень

Символический уровень переноса конфликта присутствует во всех исследованных афганских общинах, как в России, так и в странах ЕС, Великобритании и Австралии. Дискурс и самонаименования являются основными инструментами дистанцирования друг от друга, используемыми конфликтующими группами по этническим, политическим или иным признакам. Другие символы, имеющие значение для афганских общин, – это флаги и исторические личности, которых различные группы считают героями или предателями соответственно.

Приведенные ниже рассуждения восходят к многовековым социально-политическим процессам в Афганистане. Каждое название, символ, культурная отсылка заслуживают отдельного исследования для полного понимания их значения и смысла. Однако для краткости и на основе подхода социального конструктивизма я сосредоточусь на современных интерпретациях и значениях, которые члены диаспоры считают актуальными и правдивыми.

Прежде всего, сам термин «афганец» оспаривается членами диаспоры. Эмпирические данные, собранные как в России, так и в ЕС, показывают, что лица, принадлежащие к группам, отличным от пуштунов (в данном исследовании – таджики, узбеки, кызылбаши¹⁴ и особенно хазарейцы), предпочитают, чтобы их называли «афганистанцами», а не «афганцами». Это связано с многолетним и непримиримым обсуждением вопросов национального строительства в Афганистане. Хотя исторически слово «афганец» было этнонимом, описывающим только пуштунов, в течение последнего столетия, начиная с проповедей младоафганцев в лице Махмуда Тарзи (1865–1933)¹⁵ и заканчивая Конституцией 2004 г., предлагается относить это наименование ко всем гражданам Афганистана:

«Национальный суверенитет в Афганистане принадлежит нации, проявляющейся непосредственно и через ее избранных представителей. Нация Афганистана состоит из всех лиц, имеющих гражданство Афганистана. Нация Афганистана включает в себя пуштунов, таджиков,

¹⁴ По настоянию респондентки кызылбашского происхождения, уточняется, что эту группу не следует считать этнической. Согласно сведениям самих кызылбашей, их группа представляет собой собрание персоязычных племен, которые следуют шиитской ветви ислама и исторически составляли «профессиональную когорту», интегрированную в армии Надир-шаха Афшара (1736–1747) и позже в армии Ахмад-шаха Дуррани (1747–1773).

¹⁵ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

хазарейцев, узбеков, туркмен, белуджей, пашаи, нуристанцев, аймаков, арабов, киргизов, кызылбаши, гуджаров, брахуйцев и другие племена. Слово “афганец” относится ко всем гражданам Афганистана»¹⁶.

Однако для этнических меньшинств термин «афганистанец» представляется более точным применительно к нации Афганистана (ملت/*mellat*/), в то время как «афганец» по-прежнему ассоциируется с определенной этнической группой (قوميت/*qawmiyyat*/). Примечательно, что, как упомянуто в статье А.А. Князева, за пределами Афганистана при общении с принимающим обществом «...тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может назвать себя “афганцем”, отталкиваясь от своей страновой идентичности. <...> При нахождении вне своей страны работает именно гражданская самоидентификация»¹⁷. Однако, так как при проведении исследования для общения с респондентами использовался персидский язык, и погруженность автора в этнополитическую специфику Афганистана способствовала беседе «без обиняков», участники предпочитали использовать этническую самоидентификацию или зонтичный термин «афганистанец».

Респонденты демонстрируют различное отношение к ситуации, от бескомпромиссной поддержки до бескомпромиссного отвержения. Парадоксально, но пуштуны отвергают термин «афганистанец» как ненужный, неправильный и вредный для единой афганской нации. Цитата одного из респондентов-хазарейцев может помочь понять эту дискуссию: «На личном уровне меня не так уж волнует, называют ли меня афганцем или афганистанцем. Однако на уровне общины я предпочитаю второе название». Он продолжил, сказав, что «неправильно выделять один народ, при выборе названия для страны». Другой респондент высказался следующим образом: «Мне тоже не нравится название “афганистанец”, но это компромисс, которого нам удалось достичь до сих пор. “Афганец” – это племенное название, принадлежащее только пуштунам». Эти комментарии свидетельствуют о том, что спорное название символизирует полные претензии этнических меньшинств на их общую родину – Афганистан – и в то же время дает им возможность отличаться от пуштунов. Респонденты признаются, что устали от дискуссии, которая «никогда не приводит ни к какому результату». Другая респондентка признает, что «...возможно, дети наших детей смогут это преодолеть», учитывая, что ее собственные дети уже родились в Италии.

Как отмечают А.А. Князев и Н.Я. Гулам, «незавершенность этнополитической идентификации и консолидации афганского общества

¹⁶ Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan // Consulate General of the Islamic Republic of Afghanistan. – 2004. – URL: <https://www.afghanconsulatemuc.de/constitution/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁷ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

синхронизировалась с незаконченным транзитом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации»¹⁸. Политические события 1970-х и 1980-х годов, а также начала 2000-х годов, положительно повлияли на дискуссию о нации. Однако исторически сложившееся доминирование основных форм групповой солидарности по-прежнему определяет региональные, религиозные, языковые и культурные различия среди афганцев. Более того, в самом Афганистане разделения происходят не только по границам этнического расселения (которое часто рассредоточено), но и внутри этнических групп¹⁹. Полевые исследования показали, что самоидентификация с племенами остается важной для пуштунов в Европе, и существуют свидетельства соперничества и конкуренции между пуштунскими племенами. На основе интервью можно сделать вывод, что это характерно для пуштунов как в России, так и в других странах. Хазарейцы, которые также идентифицируют себя с конкретными племенами и различными конфессиями (шииты, сунниты, исмаилиты), напротив, склонны придавать большее значение консолидации и пренебрегать своими различиями в пользу этнической и культурной общности.

На основе проведенных интервью было выявлено, что пуштуны как в России, так и в Западной Европе часто недооценивают важность этнического вопроса в диаспоре. Представители пуштунов и других этнических групп дают диаметрально противоположные интерпретации этого конфликта – факт, который сам по себе пролонгирует конфликт. Пуштуны, участвовавшие в исследовании, склонны говорить об афганской нации как о едином целом, хотя часто занимают покровительственную позицию по отношению к другим группам.

В исследовании, проведенном в Австралии, обнаруживаются следующие наблюдения по этому поводу: когда представители австралийских властей общаются с более старшими и влиятельными пуштунскими лидерами афгано-австралийской общины, им обычно говорят, что дискуссия об афганской идентичности – это «пустяковое дело», которым занимаются лишь несколько молодых «нарушителей спокойствия» (troublemakers), которые, возможно, вообще не из Афганистана. Среди них преобладает мнение, что афгано-австралийская община уже культурно едина, хотя и подвержена различным политическим разногласиям и делению на фракции, и предпринимаются попытки подорвать это единство со стороны «горстки недовольных» (a handful of discontents). Лидеры недавно сформированной общины хазарейцев, напротив, говорят, что вопросы афганской идентичности являются глубокими вопросами (не) признания ((mis) recognition) и бюрократическое навязывание ярлыка «афганец» в Австралии является

¹⁸ Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика*. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.

¹⁹ Там же.

проблематичным, поскольку отрицает существенные различия и споры между различными этническими группами Афганистана²⁰.

Очевидно, что вопрос о нации в Афганистане особенно сложен. Все респонденты выразили желание принадлежать к единой нации («Единая нация входит в число наших ценностей и требований. Нация и этническая принадлежность – это самые большие проблемы Афганистана») и, в то же время сильны сепаратистские настроения, обычно выражающиеся в ненавистнических высказываниях, взаимном недоверии и интерпретации афганской истории. «Мы привезли с собой в Европу *qawm-parasti*²¹», «Проблемы в диаспоре полностью повторяют проблемы в Афганистане», «Отношения в диаспоре становятся все хуже и мрачнее» – эти высказывания принадлежат участникам исследования в ЕС.

Межэтнический конфликт широко выражается словесно, в так называемом языке ненависти или языке вражды (перс. *بد گویی* /*bad-guyi*/), часто за спиной. Такие замечания иногда проскальзывают в разговорах, например было упомянуто, что «все плохие афганцы в Иране – пуштуны». Полевые исследования также выявили существование распространенных оскорблений, приписываемых различным этническим группам, которые были перенесены из Афганистана в Европу. Так, *muškhog* («пожиратель мышей»), *kala-khām* («сырая голова»), *gulām-bačča* («слуга») и *ghul* («монстр») были названы респондентами уничижительными псевдонимами, приписываемыми хазарейцам, узбекам, таджикам и пуштунам соответственно. Тем не менее ни один из этих псевдонимов не использовался непосредственно участниками исследования при упоминании других групп.

Среди других широко распространенных взглядов – восприятие пуштунских групп, борющихся за автономию, как «обиженных» (произносится снисходительно) и восприятие пуштунов другими группами как «некультурных», «варварских», «неграмотных» или «сельских» – что довольно парадоксально, поскольку именно пуштунская элита имела доступ к образованию, стипендиям, административным должностям и т.д. практически на каждом этапе современной истории Афганистана. Внутри диаспоры «Все таджики имеют высшее образование и стабильную работу, в то время как пуштуны выполняют черную работу», – утверждение, которое не было доказано эмпирически, но все же демонстрирует внутренние стереотипы.

Говоря о названиях, необходимо упомянуть циркулирующие в диаспоре альтернативные названия для Афганистана. Они соотносятся с физическими пространствами, которые Конрад Шеттер анализировал как этноландшафты (*ethnoscapes*): их можно описать как территориализацию

²⁰ Abraham I., Busbridge R. Afghan-Australians: Diasporic Tensions, Homeland Transformations and the “2014 Syndrome” // *Journal of Muslim Minority Affairs*. – 2014. – Vol. 34, № 3. – P. 243–258. – DOI: 10.1080/13602004.2014.946766.

²¹ В переводе с персидского: «этноцентризм».

этнической памяти и коллективную фикцию, которая связывает группу с определенным пространственным измерением²². Афганская история обычно воспринимается афганцами как нечто очень древнее, восходящее к ранней Античности. В то же время национальное государство Афганистан следует рассматривать как продукт современности, искусственно созданный лишь в конце XIX в. колониальными державами Британской Индией и Россией. До этого территория характеризовалась крайней безгосударственностью²³. Однако, люди, населявшие эти земли на протяжении веков, сформировали культурные и лингвистические области, которые в конечном итоге были включены в состав Афганистана: они известны под названиями Хорасан, Хазараджат (иногда Хазаристан) и Пуштунистан. Можно также услышать Ариана – географический термин, использовавшийся в греко-римском мире, обозначавший территорию между Центральной Азией и рекой Инд к востоку от Сасанидской империи, таким образом, описывая современный Афганистан. Ариана и Хорасан упоминаются членами диаспоры со своего рода ностальгической тоской. Можно заметить, что, хотя такие воспоминания исторически спорны, они имеют культурный резонанс.

Тем не менее очень важно отметить, что в Афганистане не существует однородных территорий и большинство городов, долин и деревень отличаются высоким этническим разнообразием, что делает этнический федерализм скорее несбыточным. В заключение этого обсуждения этноландшафтов и названий следует процитировать одного из респондентов, который сказал: «Была Ариана, был Хорасан, был Афганистан... Теперь ничего нет», – наблюдение, которое одновременно подчеркивает временный характер [любого] государства в Афганистане (и, следовательно, временное название его нации) и демонстрирует степень отчуждения некоторых членов диаспоры от де-факто правительства.

Этнические представления содержат огромный, часто неразрешимый конфликтный потенциал²⁴, однако в случае Афганистана это лишь один аспект конфликта. Очень важно понимать афганские конфликты как интерсекциональные, а не чисто этнические или чисто идеологические. «...Хотя проблема этноцентризма существует в Венеции, проблема не в пуштунах, а в талибах» – высказался один представитель хазарейской общины Италии. В то же время респонденты той же этнической группы в Вене и Берлине заявили, что «...все пуштуны поддерживают Талибан», тем самым воплощая понятие «обобщенного другого», присущего социальным идентичностям. Так или иначе, это утверждение не совсем верно, и эмпирические данные доказывают его ошибочность.

²² Schetter C. Ethnoscapes, National Territorialisation, and the Afghan War // *Geopolitics*. – 2005. – Vol. 10, № 1. – P. 50–75. – DOI: 10.1080/14650040590907712.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

Респондент, принадлежащий к пуштунам и имеющий особенно сильные антиталибанские взгляды и историю преследований со стороны экстремистской группировки, объясняет, что «многие пуштуны в диаспоре ошибочно считают, что талибы – это хорошо, потому что они пуштуны, и поэтому поддерживают их» – свидетельство, иллюстрирующее, что в некоторых случаях этническая и племенная идентичность действительно преобладают над сознательным политическим выбором. «Вы не увидите пуштунов, будь то либералы, коммунисты или светские, протестующих против талибов», – заверил другой респондент. Еще одно интересное свидетельство было дано о сторонниках талибов в Италии, которые, предположительно, «поголовно продают наркотики в Местре»²⁵. При отсутствии доказательств это утверждение нельзя считать достоверным, однако оно создает образ человека, поддерживающего нынешнюю де-факто администрацию Афганистана, в глазах остальных.

Говоря о символическом уровне конфликта, необходимо учитывать реальные символические образы, циркулирующие в диаспоре. Среди них первым следует упомянуть портрет Ахмада Шаха Масуда – командира моджахедов, убитого талибами в 2001 г. За борьбу против советской оккупации он считается выдающимся патриотом и талантливым командиром большинством населения. Его портрет можно увидеть в офисах, в том числе в офисе «Афганской бизнес-ассоциации» на Апраксином дворе в Санкт-Петербурге, на демонстрациях, на страницах в социальных сетях. Его день рождения и день убийства отмечаются и оплакиваются соответственно многими представителями диаспоры каждый сентябрь.

Однако звание «национального героя» подвергается критике: например, бывший президент Хамид Карзай избежал использования этого звания в своей недавней речи²⁶, хотя большинство таджиков и некоторые хазарейцы, участвовавшие в этом исследовании, бесспорно считают его таковым. В то же время пуштуны выражают либо сдержанное, либо негативное отношение к Масуду, иногда даже называя его предателем. Естественно, митинги, на которых используется его портрет и/или зелено-бело-черный флаг Северного альянса (унаследованный «Джабха-йе мокавемат-е мелли» или «Национальным фронтом сопротивления», движением, возглавляемым сыном Ахмада Шаха Масуда, – Ахмадом Масудом), вызывают антагонизм внутри диаспоры, включая критику со стороны хазарейцев.

Тем не менее, пытаясь, по крайней мере декларативно, построить альтернативное будущее Афганистана, Фронт выступает единственной более или менее популярной политической силой. Однако республиканский триколор (использовавшийся до 2021 г.) остается наиболее распространенным символом сопротивления против талибов, хотя немногие вы-

²⁵ Город вблизи Венеции.

²⁶ Deeyar. Karzai Praises Massoud's Enduring Presence in Homeland as Mark of True Respect. – 09.09.2025. – URL: <https://deeyar.tv/en/29540/> (дата обращения: 16.09.2025).

ражают подлинное уважение к бывшему правительству, обычно называемому «марионеточным», «коррупцированным», и «трусливым». Этот флаг также считается «пуштунским» и иногда называется «флагом Гани» (бывшего президента). «Флаги появлялись вместе с правительствами и уходили вместе с правительствами. До сих пор не было флага, который бы представлял народ», – высказалась активистка кызылбашского происхождения.

Как отмечает Дэниз Филлипс, политическая идентичность хазарейской диаспоры проявляется двумя способами: стремлением преодолеть прошлые травмы, чтобы начать новую жизнь на новой земле, и, наоборот, «отказом забыть» прошлые травмы²⁷. Это сообщество в значительной степени сосредоточено на распространении информации и признании массового уничтожения (نسل‌کشی /nasl-koši/, он же геноцид) хазарейцев, имевшего место в конце XIX в.²⁸ Результаты данного исследования показывают, что люди этой этнической группы демонстрируют очень высокую степень мобилизации, успешно строя новую жизнь в качестве членов принимающих обществ. Действительно, все участники этой группы упомянули получение образования, поиск работы, освоение языка принимающей страны и общую интеграцию в числе своих целей и ценностей как беженцев. В отличие от других фракций диаспоры, хазарейцы, похоже, достигли относительного консенсуса по своей политической повестке. Их нарратив о травме, культурной идентичности, и политических устремлениях к федеративному Афганистану опирается на набор символов: первый из них – сине-бело-желтый флаг Хазаристана (sic), выставляемый на мероприятиях диаспоры, особенно на коммеморациях геноцида, и таких праздниках, как Международный день солидарности хазарейцев (/ruz-e jahāni-ye hambastegi-ye hazāra/), который проходит 5 октября в разных городах, причем Вена является одним из главных центров притяжения. Данный флаг никогда не использовался официально в Афганистане и представляет собой довольно новую тенденцию последних десяти лет. Этот флаг, по сути, является продуктом диаспоры: он был предложен в 2013 г. гражданином Норвегии, журналистом и поэтом-хазарейцем Камраном Мир Хазаром сначала на его медиа-платформе, а затем на обложке сборника «Стихи для хазарейцев» – многоязычной антологии, опубликованной в США в 2014 г.²⁹

Портрет Али Абдула Мазари, лидера Партии Вахдат («Единство»), который продвигал идеи федерализма в Афганистане и был убит тали-

²⁷ Phillips D. Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan: Remembering and Forgetting Persecution // History Australia. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 177–198. – DOI: 10.1080/14490854.2011.564087.

²⁸ Ibid.

²⁹ Poems for the Hazara: Poets and Readers. A Multilingual Poetry Anthology and Collaborative Poem by 125 Poets from 68 Countries // Kabul Press. – 20.07.2014. – URL: <https://www.kabulpress.org/article208344.html> (дата обращения: 17.09.2025).

бами в 1996 г., является еще одним важным символом для хазарейских общин по всему миру. Кроме того, статуи Будды в Бамиане, хотя и не являются религиозными символами для шиитов-хазарейцев, стали эмблемой их исторической укорененности в центральном Афганистане³⁰. После их уничтожения в 2001 г. хазарейцы начали использовать изображения Будды как символ своей культурной идентичности. Действительно, на плакате, возвещающем о недавнем Дне солидарности (5 октября 2025 г.), который был распространен среди членов диаспоры, можно увидеть изображение данных статуй.

Все вышеупомянутые изображения, используемые различными фракциями, являются реакцией на многолетнее структурное и физическое насилие в Афганистане. Предсказуемо, они вызывают сильное раздражение у их политических оппонентов в диаспоре.

Следует отметить, что в XXI в. конфликты продолжают существовать виртуально, что может даже привести к их автономизации в виртуальном пространстве. То есть публикации в социальных сетях, особенно на таких платформах, как Instagram³¹ или TikTok, которые позволяют коммерциализировать контент, становятся «полем битвы», которая может быть искусственно спровоцирована. Это ценное наблюдение сделал один из респондентов исследования, который указал, что контент, вызывающий гнев, часто используется для увеличения охвата аудитории и, следовательно, дохода от социальных сетей. Как далее пояснил другой респондент, любое резонансное событие или даже контент, связанный с культурой, обычно вызывает жаростные дискуссии в разделе комментариев, где персоязычные пользователи, включая таджиков, иранцев и афганцев разных этнических групп, заявляют об общем наследии как о своем собственном. Например, поэты, такие как Маулана Руми, Фирдоуси, Хафез, ученые, такие как Али ибн Сина (Авиценна), и даже традиции Новруза, Шаб-е Ялда и т.д. становятся объектами споров, что создает ежегодный цикл виртуального символического конфликта уже между самими персоязычными пользователями.

Еще один интересный пример онлайн-активности диаспоры – изображение [несуществующего] паспорта Хазаристана, появившееся в Интернете в сентябре 2025 г. Как обсуждалось выше, хазарейцы по всему миру очень сосредоточены на борьбе за признание геноцида и на продвижении идеи федерализма в Афганистане. Один из создателей контента, посвященного этнической принадлежности хазарейцев, несмотря на активное участие в хазарейской политике, опубликовал видео, в котором

³⁰ Чай в Самарканде. Истории в изгнании. Un Tè a Samarkand. Storie in Esilio // Fondazione CDEC. – 17.05.2022. – Итал. яз. – URL: https://youtu.be/c_pGrgnutnY?si=ZU8Gx77aF6Ss-nF (дата обращения: 18.06.2025).

³¹ Принадлежит компании Meta, признан экстремистской организацией и запрещен на территории Российской Федерации.

осудил это изображение как созданное именно для провокации гнева и подстрекательства к онлайн-конфликту.

Среди афганцев очень популярен контент, направленный на дискредитацию наследия друг друга, до такой степени, что создатели контента делают видео, где, например, утверждают, что на фарси в Афганистане не говорят. С юридической точки зрения верно, что фарси – это язык Ирана, а дари – язык Афганистана (один из двух официальных языков до 2021 г.). Однако говорящие на персидском языке выходцы из Афганистана, участвовавшие в этом исследовании, за очень редкими исключениями, называют свой язык фарси, в то время как дари признается лишь диалектом (گویش /guyeš/ или لجه /lahja/). По их словам, правящая элита навязала дари, чтобы отделить персоязычных афганцев от иранской культуры и литературного наследия, с которым большинство из них глубоко себя отождествляют. Это интерпретируется как стратегия, направленная на предотвращение формирования ими устойчивых союзов и обретения политической силы. Этот спор неизбежно распространяется и на физическое измерение: «Раньше в Центральной библиотеке Гамбурга было две отдельные книжные полки: одна с пометкой «фарси», а другая – «дари». Мы [она и члены ее ассоциации] убедили администрацию библиотеки объединить две полки, потому что нет [письменного] языка дари. Это фарси», – сообщила респондентка, приводя таким образом пример борьбы за признание персоязычных афганцев частью общеиранского наследия.

Социальный уровень

Проведя полевое исследование в Германии и Великобритании, К. Фишер отмечает, что «связи часто сильнее между членами одной семьи и/или этнической группы, даже если они живут в разных европейских странах, при этом “афганская идентичность” не является специфическим организующим фактором в диаспоре»³². Исследовательница утверждает, что «воображаемое афганское сообщество» не мобилизуется таким же образом, как субдиаспорные группы³³. Эмпирические данные подтверждают это наблюдение.

Ниже приводятся иллюстрации, как негативный мир между конфликтующими группами в диаспоре также является формой транспортировки конфликта и как предполагаемое «воображаемое афганское сообщество» воображается и переживается на практике.

Большинство афганцев за рубежом не знакомы с термином «диаспора» и поэтому не используют его. Вместо него используются такие

³² Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // Journal of Intercultural Studies. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

³³ Ibid.

описательные характеристики, как «афганцы, проживающие в Европе», «афганцы за пределами родины» или просто «мигранты». Активные члены диаспоры объясняют, что греческий термин набирает популярность только в последние два-три года. «Мы скорбим о нашей ситуации, но мы не называем себя диаспорой», – комментирует один из респондентов. «Диаспора – это люди, пережившие трагедию и никогда не перестающие думать о своей родине. В этом смысле мы – диаспора», – продолжил он.

Большинство респондентов, не занимающихся активизмом, не были знакомы с этим понятием на момент интервью. Это открытие привело к гипотезе, что, учитывая перформативную силу языка, афганские мигранты в Европе не воспринимают себя как членов общего (воображаемого) сообщества. Это отчасти верно, учитывая высокую степень отчуждения между группами, однако респонденты исследования продемонстрировали активное участие в транснациональных сетях и осознание своей рассеянности по всему миру – то, что можно назвать диаспорой.

Тем не менее хочется согласиться с К. Фишер в наблюдении, что, хотя каждая этническая группа имеет прочные связи со своими соотечественниками в других странах, сама по себе принадлежность к условной афганской нации побуждает к активному сотрудничеству лишь изредка.

Члены диаспоры отмечают, что европейские города обычно ассоциируются с определенной этнической группой. Так, в Гамбурге преобладают таджики, в Лондоне, Антверпене, Брюсселе – пуштуны, в Вене и Мюнхене – хазарейцы. Исследования в России показывают, что в двух крупнейших городах – Москве и Санкт-Петербурге – проживает примерно равное количество пуштунов и таджиков. Такое распределение обусловлено несколькими факторами. На примере России можно заметить, что афганцы, поселившиеся в постсоветских странах, – это те, кто-либо учился там, либо работал в правительстве во время правления НДПА. Как и следовало ожидать, стипендии и высокопоставленные должности предоставлялись почти исключительно пуштунам и таджикам, которые сейчас составляют большинство в диаспоре в России. Аналогично первые волны политической миграции из Афганистана в Западную Европу и США состояли из людей с прочными социальными связями. Возможности миграции в Европу хазарейцев, лишенных таких связей, были ограничены. Только благодаря политике в отношении беженцев, принятой в 2015 г., а затем снова в 2021 г., мигранты этой этнической группы в большом количестве прибыли в ЕС, изменив состав городов. Между тем история афганцев в Гамбурге, где проживает самое многочисленное афганское население в Европе, связана с деловыми сетями, которые были созданы задолго до 1978 г.³⁴

³⁴ Fischer C. Afghan Migration to Germany: History and Current Debates // Federal Agency for Civic Education. – 2023. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/regionalpro->

Изучение состава крупных центров диаспоры и их истории позволяет увидеть пространственное измерение социальной отчужденности. Респонденты отмечают, что, несмотря на относительно мирные отношения, различные фракции поддерживают дистанцию друг от друга. Диаспора демонстрирует, как конфликт воспроизводится на социальном уровне из поколения в поколение. Согласно исследованиям Риттера и Нильсена, проведенным в Дании, этнические, политические и религиозные разногласия в Афганистане, будь то между пуштунами, таджиками и хазарейцами, или между коммунистами, моджахедами и сторонниками талибов, вновь проявляются в интимной сфере семейной жизни. Брак становится центральной ареной, где эти унаследованные противоречия вновь выходят на поверхность, поскольку молодым афганцам приходится преодолевать последствия войны, заложенные в опыте их родителей. Эта динамика обозначена авторами как «призраки прошлого»³⁵, посредством которых травмы первого поколения продолжают формировать стремления, ориентиры и аргументацию молодого поколения диаспоры в выборе партнера.

В то же время, согласно их исследованию, афганские беженцы и их потомки используют стратегии «повседневной дипломатии»³⁶ для противодействия таким разделением. Респонденты нашего исследования заявили, что смешанные браки, безусловно, существуют в диаспоре. Однако, в качестве примечания, стоит отметить, что среди респондентов в возрасте от 20 до 40 лет почти все были не женаты / не замужем.

Еще одним аспектом социальной сегрегации являются праздники. Десятки интервью в разных странах показывают, что нет ни одного события, которое все фракции афганского общества сочли бы национальным праздником. Даже самый широко признанный праздник, Новруз, оспаривается последователями радикального ислама и считается *такфиром*, т.е. отступничеством. Когда члены диаспоры отмечают Новруз, они часто делают это сегрегированно, даже в небольшом сообществе, таком как Венеция³⁷. Более того, в то время как многие таджики воспринимают День независимости, отмечаемый 19 августа, как исключительно пуштунский праздник, хазарейцы даже отрицают сам факт независимости Афганистана.

В целом, как отмечает К. Фишер, людям, по-видимому, легче коллективно идентифицировать себя с афганской культурой или теми сторо-

file/english-version-country-profiles/288934/afghan-migration-to-germany-history-and-current-debates/ (дата обращения: 13.08.2025).

³⁵ Rytter M., Nielsen A.G. Marriage in the Ruins of War: Intergenerational Hauntings in the Afghan Diaspora // *Ethnicities*. – 2020. – Vol. 20, № 5. – P. 983–1002. – DOI: 10.1177/1468796820907899.

³⁶ Ibid.

³⁷ По нашим подсчетам, в Венеции проживает не более полусотни афганцев.

нами Афганистана, которые не стали жертвами политизации и антагонистических претензий, такими как искусство, музыка, кухня и т.д.³⁸

Случаи сотрудничества между различными фракциями также возникают в ответ на события национального значения, например митинг, состоявшийся в Вене перед штаб-квартирой ООН, объединил афганцев с противоположными взглядами для выражения своего протеста³⁹. Мобилизуя более широкие категории идентичности, такие как «уроженец Афганистана», «беженец» или «мусульманин», члены диаспоры пытаются установить общие основы принадлежности, которые выходят за рамки этнополитических антагонизмов. Однако эти примирительные усилия остаются хрупкими: такие события, как вспышки насилия в Афганистане или убийство Фархунды Маликзады в Кабуле, могут дестабилизировать хрупкое чувство единства (молодую женщину ложно обвинили в сожжении Корана, а затем линчевали толпой)⁴⁰. Этот эпизод – один из многих, пробуждающих конфликт между группами, одна из которых, по убеждению членов диаспоры, прочно связана с радикально-исламскими наклонностями.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: члены диаспоры в различной степени ощущают влияние конфликта на их жизнь вдали от родины, и группы, наиболее обездоленные и подвергаемые как структурному, так и физическому насилию в Афганистане, сообщают о большем значении этих конфликтов, нежели те, кто пользуются привилегиями в родной стране. Получив полные гражданские права за пределами Афганистана (в частности, в странах Запада), первые также получили ресурсы и уверенность для широкого признания их виктимности⁴¹, в то время как те, кто исторически был более привилегированным, обычно игнорируют или даже отрицают проблематику.

Напоследок о религиозной жизни диаспоры. Многие участники исследования отметили, что радикальные исламистские идеологии распространены в диаспоре (также называемые ими «новой религией» или ваххабизмом), представленные как сторонниками Талибана, так и ИГ⁴² и

³⁸ Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // *Journal of Intercultural Studies*. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.

³⁹ Afghan Diaspora in Vienna Rallies Against Deportations from Iran // *Afghan Diaspora Network*. – 28.07.2025. – URL: <https://afghandiaspora.org/2025/07/28/afghan-diaspora-in-vienna-rallies-against-deportations-from-iran/> (дата обращения: 18.09.2025).

⁴⁰ Family of Afghan woman lynched by mob demands justice // *Al Jazeera*. – 02.04.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/4/2/family-of-afghan-woman-lynched-by-mob-demands-justice> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴¹ Новикова О.Н. Афганцы в Европе: от виктимности к активизму? // *Современная Европа*. – 2025. – № 1 (129). – С. 164–174. – DOI: 10.31857/S0201708325010139.

⁴² Организация признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

реализуемые через такие институции, как мечеть Ибрахима Халила в Гамбурге, Германия, в которой, по сведениям респондентов, происходит идеологическая подготовка кадров для соответствующих группировок. В противовес существуют и более «либеральные» (sic) мечети, служащие центрами организации также светской жизни общины, например предлагая кружки по изучению персидского языка для детей. А.А. Князев отмечает: «Во многих странах с крупными афганскими диаспорами существуют отдельно не только шиитские хазарейские мечети, но и пуштунские мечети, таджикские мечети, узбекские мечети и т.д. Формальное взаимодействие между этнически различными эмигрантскими афганскими группами происходит разве что в рамках мероприятий, организуемых посольствами Афганистана»⁴³.

Что касается традиционного антагонизма сунниты – шииты, по свидетельству участников исследования, эти противоречия не имеют значения в жизни диаспоры. Целесообразно предположить, что основу диаспоры в западных государствах в силу тех или иных причин составляют именно люди более светских взглядов, которым близок европейский образ жизни и для которых конфессиональная принадлежность соотечественников не играет роли.

* * *

Й. Деммерс отмечает, что конфликты, в которых идентичность играет центральную роль, получили широкое распространение в XX в. Современные войны порождают диаспоры именно потому, что большинство из них носят внутригосударственный характер, приводя к многочисленным жертвам среди гражданского населения в собственных общинах и вынуждая большое количество людей одновременно бежать. Для этих мигрантов интеграция в принимающие общества часто оказывается чрезвычайно сложной, что, в свою очередь, усиливает их склонность оставаться озабоченными нерешенными проблемами стран исхода⁴⁴. В этой связи афганский случай следует рассматривать как часть этой более широкой глобальной тенденции.

Проблема транспортировки конфликта была изучена в афганских общинах в России, Италии, Австрии и Германии, а основным методом сбора данных были полуструктурированные интервью (всего 37). На основе двух периодов полевых исследований и обширного привлечения существующих публикаций, в данной статье исследовались примеры транспорта-

⁴³ Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.

⁴⁴ Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and Delocalisation of Conflict Dynamics // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.

ции конфликта в афганской диаспоре, в том числе за пределами Европейского континента. Собранные данные представляются достаточными для демонстрации того, что конфликты на родине продолжают влиять на жизнь диаспоры даже спустя десятилетия после исхода. Диаспору, которая фактически создает реплику самого Афганистана в каждой стране пребывания, можно описать как кластер конфликтующих конфигураций.

В связи с высокой степенью фрагментированности и эндогамии различных групп внутри диаспоры, ставится вопрос о целесообразности использования термина «диаспора» в отношении совокупности выходцев из Афганистана. Напротив, как было продемонстрировано в статье, на практике речь скорее идет о «диаспорах»: среди них выделяются в первую очередь пуштунская и хазарейская, а также пуштунская и персоязычная диаспоры, так как язык воспринимается членами общин как первейший фактор объединения, зачастую сближающий последних с выходцами из Ирана и Таджикистана больше, чем с соотечественниками пуштунского этноса. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что политическое соперничество между сторонниками НДПА и моджахедами, хотя и все еще присутствует в памяти первого поколения мигрантов и передается их детям, постепенно угасает. Конфессиональные разногласия между суннитами и шиитами также незначительны в диаспоре. Конфликты, которые воспроизводятся в диаспоре, происходят между этническими группами и между приверженцами различных взглядов на радикальную исламистскую идеологию, воплощенную в том числе в доктрине талибов, как нынешней де-факто государственной идеологии.

Как предполагает Э. Ферон, конфликты на родине переносятся в принимающие страны на трех уровнях: символическом, социальном и иногда физическом. Было показано, что члены афганской диаспоры ежедневно переживают привезенные с собой конфликты на первых двух уровнях, включая антогонизирующие дискурсы, словесные оскорбления, псевдонимы, демонстрацию разделительных образов, таких как флаги, а также высокий уровень сегрегации в пространственном измерении, где афганская национальность практически не служит объединяющим фактором. Наиболее примечательной иллюстрацией этой динамики является дискуссия об «афганской» национальности – названии, которое отвергают многие, предпочитая называться «афганистанцами».

Принимающим обществам, властям и политикам следует воспринимать сообщество мигрантов из Афганистана соответственно их внутренней неоднородности и структуре, что включает разные ценности, цели, жизненные траектории и риски радикализации, и проводить политику в отношении данной группы соответственным образом.

Список источников и литературы

1. Афганистан предложил России привлекать трудовых мигрантов // РИА Новости. – 28.11.2025. – URL: <https://ria.ru/20251128/afghanistan-2058234344.html> (дата обращения: 02.01.2026).
2. Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 210–218. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218.
3. Князев А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // Международная аналитика. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 98–117. – DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117.
4. Миротворчество: «негативный» и «позитивный» мир // Новый дипломатический словарь. – 29.11.2024. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 02.01.2026).
5. Новикова О.Н. Афганцы в Европе: от виктимности к активизму? // Современная Европа. – 2025. – № 1 (129). – С. 164–174. – DOI: 10.31857/S0201708325010139.
6. Abraham I., Busbridge R. Afghan-Australians: Diasporic Tensions, Homeland Transformations and the “2014 Syndrome” // Journal of Muslim Minority Affairs. – 2014. – Vol. 34, № 3. – P. 243–258. – DOI: 10.1080/13602004.2014.946766.
7. Afghan Diaspora in Vienna Rallies Against Deportations from Iran // Afghan Diaspora Network. – 28.07.2025. – URL: <https://afghandiaspora.org/2025/07/28/afghan-diaspora-in-vienna-rallies-against-deportations-from-iran/> (дата обращения: 18.09.2025).
8. Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan // Consulate General of the Islamic Republic of Afghanistan. – 2004. – URL: <https://www.afghanconsulate-muc.de/constitution/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Deeyar. Karzai Praises Massoud’s Enduring Presence in Homeland as Mark of True Respect. – 09.09.2025. – URL: <https://deeyar.tv/en/29540/> (дата обращения: 16.09.2025).
10. Demmers J. Diaspora and Conflict: Locality, Long-Distance Nationalism, and De-localisation of Conflict Dynamics // Javnost – The Public. – 2002. – Vol. 9, № 1. – P. 85–96. – DOI: 10.1080/13183222.2002.11008795.
11. Family of Afghan woman lynched by mob demands justice // Al Jazeera. – 02.04.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/4/2/family-of-afghan-woman-lynched-by-mob-demands-justice> (дата обращения: 15.09.2025).
12. Féron É. Transporting and Re-Inventing Conflicts: Conflict-Generated Diasporas and Conflict Autonomisation // Cooperation and Conflict. – 2016. – Vol. 52, № 3. – P. 360–376. – DOI: 10.1177/0010836716678050.
13. Féron É., Baser B. Diasporas and Transportation of Homeland Conflicts: Inter-group Dynamics and Host-Country Responses // Ethnopolitics. – 2023. – Vol. 22, № 4. – P. 375–383. – DOI: 10.1080/17449057.2023.2241231.
14. Fischer C. Afghan Migration to Germany: History and Current Debates // Federal Agency for Civic Education. – 2023. – URL: <https://www.bpb.de/themen/migra->

- tion-integration/regionalprofile/english-version-country-profiles/288934/afghan-migration-to-germany-history-and-current-debates/ (дата обращения: 13.08.2025).
15. Fischer C. Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK // *Journal of Intercultural Studies*. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 18–35. – DOI: 10.1080/07256868.2017.1289901.
 16. Gayer L. The Volatility of the “Other”: Identity Formation and Social Interaction in Diasporic Environments // *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. – 2007. – Vol. 1. – DOI: 10.4000/samaj.36.
 17. Najibullah H. Fractured Bonds, Dithering Identities: Afghan-Swiss Diaspora Conflict Narratives // *Diaspora Studies*. – 2022. – Vol. 24. – P. 163–180. – DOI: 10.5167/uzh-238154.
 18. Phillips D. Wounded Memory of Hazara Refugees from Afghanistan: Remembering and Forgetting Persecution // *History Australia*. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 177–198. – DOI: 10.1080/14490854.2011.564087.
 19. Poems for the Hazara: Poets and Readers. A Multilingual Poetry Anthology and Collaborative Poem by 125 Poets from 68 Countries // *Kabul Press*. – 20.07.2014. – URL: <https://www.kabulpress.org/article208344.html> (дата обращения: 17.09.2025).
 20. Post-Return Monitoring Survey Report. UNHCR Afghanistan. December 2025 // *United Nations High Commissioner for Refugees*. – 2025. – URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/112147> (дата обращения: 02.01.2026).
 21. Rytter M., Nielsen A.G. Marriage in the Ruins of War: Intergenerational Hauntings in the Afghan Diaspora // *Ethnicities*. – 2020. – Vol. 20, № 5. – P. 983–1002. – DOI: 10.1177/1468796820907899.
 22. Safi A.A., Czaika M. The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization // *Global Networks*. – 2025. – Vol. 25, № 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1111/glob.12484.
 23. Schetter C. Ethnoscapes, National Territorialisation, and the Afghan War // *Geopolitics*. – 2005. – Vol. 10, № 1. – P. 50–75. – DOI: 10.1080/14650040590907712.
 24. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. – Monterey (CA): Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.
 25. Чай в Самарканде. Истории в изгнании. Un Tè a Samarkand. Storie in Esilio // *Fondazione CDEC*. – 17.05.2022. – Итал. яз. – URL: https://youtu.be/c_pGrgnutnY?si=ZU8Gx77aF6Ss-nF (дата обращения: 18.06.2025).

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 1 (13) – 2026

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казиминова

Подписано к печати 29/VII-2026 г. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 11,6 Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 800 экз.
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6